Министерство науки и высшего образования Республики Казахстан
УО «Каспийский общественный университет»

УДК 343.1

На правах рукописи

ГРЕК ЕВГЕНИЯ НИКОЛАЕВНА

Частное обвинение в уголовном процессе Республики Казахстан: генезис и развитие

6D030100 / Юриспруденция

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
д.ю.н., профессор
Мороз Светлана Павловна

д.ю.н., доцент
Козубенко Юрий Вячеславович
(Российская Федерация)

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

СОКРАЩЕНИЯ И ОБОЗНАЧЕНИЯ……..... 3
ВВЕДЕНИЕ……. 4

1 ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ…….. 16
1.1 Историко-правовые предпосылки формирования феномена частного обвинения…….. 16
1.2 Частное обвинение в уголовном процессе Казахстана: возникновение и развитие……... 28
1.3 Зарубежный опыт правового регулирования частного обвинения... 36

2 СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ……. 47
2.1 Частное обвинение как объект правового регулирования и научного исследования…… 47
2.2 Частное обвинение в условиях внутренней и внешней конвергенции правовых систем…….. 60

3 ОСОБЕННОСТИ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ДЕЛАМ ЧАСТНОГО ОБВИНЕНИЯ……... 76
3.1 Основания и процессуальный режим производства по делам частного обвинения……..... 76
3.2 Производство по делам частного обвинения: совершенствование правового регулирования…… 96

ЗАКЛЮЧЕНИЕ…… 116
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ…….. 120
ПРИЛОЖЕНИЕ А 136
ПРИЛОЖЕНИЕ Б 137

Обозначения и сокращения

CCP - Chief Crown Prosecutor
CPS - Crown Prosecution Service
DCCP - Deputy Chief Crown Prosecutor
HoD - Head of Casework Divisions
UNICINTRAL - United Nations Commission On International Trade Law

АР - Азербайджанская Республика
ВЦИК - Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет
ГПК РК – Гражданский процессуальный кодекс
ЕРДР – Единый реестр досудебных расследований
ИС – Информационная система
Казахская ССР – Казахская Советская Социалистическая Республика
КоАП – Кодекс об административных правонарушениях
КР – Кыргызская Республика
ООН – Организация Объединенных Наций
п. – пункт
РА – Республика Армения
РБ – Республика Беларусь
РК – Республика Казахстан
РСФСР - Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика
РТ – Республика Таджикистан
РУ – Республика Узбекистан
РФ – Российская Федерация
СССР – Союз Советских Социалистических Республик
ст. – статья
США – Соединенные Штаты Америки
УВД – Управление внутренних дел
УК – Уголовный кодекс
УПК – Уголовно-процессуальный кодекс
УУС – Устав Уголовного судопроизводства
ФРГ - Федеративная Республика Германия
ч. – часть

Введение

Общая характеристика работы. Настоящее диссертационное исследование, осуществляемое в рамках Плана Консорциума «Европейско-Азиатский правовой университет», выполнялось в период с 2016 по 2025 годы. В ходе реализации поставленных целей и решения сформулированных задач в нормативно-правовой базе, регулирующей институт частного обвинения, имели место существенные трансформации. Указанные изменения выразились, прежде всего, в пересмотре состава уголовных правонарушений, отнесенных законодателем к категории дел частного обвинения, что обусловило необходимость их дополнительного теоретико-правового осмысления.

В этой связи значимы положения ежегодных Посланий Президента Республики Казахстан народу Казахстана. Вопросы обеспечения законности постоянно находятся в центре внимания главы государства, и свидетельствуют об этапах, через которые проходит развитие правовой системы государства.

В контексте диссертационного исследования особую значимость имеет Послание Президента Республики Казахстан «Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество» 01 сентября 2022 г., в котором делается акцент на том, что в государстве приоритетными должны быть принципы верховенства закона и устойчивого правопорядка. В этой связи требуется совершенствование механизмов обеспечения реального доступа граждан к правосудию, прежде всего на уровне районных и областных судов [1].

В Послании 2 сентября 2024 г. Президент сделал акцент на разработке нового Закона «О профилактике правонарушений», который был принят 30 декабря 2025 года и вводится в действие 02 апреля 2026 г. [2] «Только в этом случае можно изменить ситуацию, обеспечить верховенство закона и безопасность граждан [3].

Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года также поставила цель обеспечения прав и свобод человека [4].

В диссертации автор исследует правовую и процессуальную природу, современные проблемы институализации частного обвинения. В работе с учетом современного состояния уголовно-процессуального законодательства подробно рассмотрены и проанализированы институт частного обвинения как объект правового регулирования и научного исследования, основания и процессуальный режим производства по делам частного обвинения, разработаны рекомендации и предложения по наиболее эффективной реализации данного института в правоприменительной деятельности, направленной на защиту законных прав и интересов участников процесса.

Актуальность диссертационного исследования обусловлена уголовно-процессуальной политикой Республика Казахстан, ориентированной на укрепление гарантий прав и свобод личности, расширение диспозитивных начал уголовного судопроизводства и развитие механизмов прямого доступа граждан к правосудию. В условиях модернизации национальной правовой

системы особое значение приобретает институт частного обвинения как форма реализации потерпевшим права на самостоятельную защиту нарушенных интересов.

Актуальность темы определяется конституционными основаниями. Конституция Республики Казахстан, провозгласив высшей ценностью - человека, одной из приоритетных задач развития страны определила защиту его прав, свобод и законных интересов [5].

Реформирование законодательства Республики Казахстан поставило на повестку дня уголовно-процессуальной науки обсуждение ряда теоретических проблем принципиальной важности. К ним относятся проблемы правовой регламентации порядка уголовного судопроизводства, в том числе и по делам частного обвинения.

Объективная потребность в обеспечении надлежащей защиты граждан от преступных посягательств обусловила особую значимость концепции прав человека и правового государства. В этой связи предпринят новый подход к проводимой в стране судебно-правовой реформе. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан подвергнуто тщательному пересмотру с учетом взятых в качестве ориентира концепций.

Утверждение состязательных начал в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан является значительным достижением, что позволяет обеспечивать равенство прав сторон, а с суда снять обвинительную функцию, как несовместимое с осуществлением правосудия правовое явление. При этом значительно расширяется диспозитивность за счет ослабления публичных начал судопроизводства, и, в результате, - усиление дифференциации процессуальной формы. В этой связи особое внимание привлекает к себе частное обвинение как самостоятельный вид уголовного преследования, характеризующийся реализацией обвинительной функции по инициативе и при процессуальной активности лица, пострадавшего от уголовного правонарушения.

Концепция правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года предусматривала расширение категорий уголовных дел, по которым уголовное преследование и обвинение в суде может осуществляться в частном, а также частно-публичном порядке [6].

В последующем, Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года закрепила генезис альтернативных способов урегулирования споров как вектора развития правовой системы Казахстана, поскольку данный институт способствует снижению уровня конфликтности в обществе и повышает качество отправления правосудия путем снижения нагрузки на суды [4].

Актуальность обусловлена нестабильностью и динамикой законодательного регулирования. За период действия УПК 1997 года и последующего принятия нового УПК 2014 года перечень составов уголовных правонарушений, отнесенных к делам частного обвинения, неоднократно изменялся, что отражает поиск оптимального баланса между публичными и

частными началами уголовного преследования. Отсутствие комплексного теоретического осмысления данных изменений формирует научный пробел, восполнение которого представляет несомненную актуальность.

Важным этапом развития уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан стало нормативное закрепление частных начал в уголовном судопроизводстве, выразившееся в институционализации производства по делам частного обвинения, что позволило частному лицу реализовать свой интерес при производстве по уголовным делам [7].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит положения, расширяющие процессуальную самостоятельность лица, пострадавшего от уголовного правонарушения [8]. Низкий процент принятых к производству жалоб, значительное количество отказов в принятии, прекращения дел и процессуальные затруднения при определении статуса участников свидетельствуют о наличии системных проблем в реализации института. Это указывает на необходимость научного анализа причин существующих пробелов, разработки предложений по совершенствованию процессуальных механизмов и уточнению понятийного аппарата.

Анализ статистических данных об уголовных правонарушениях, преследуемых в порядке частного обвинения, показывает, что количество уголовных дел этой категории существенно выросло за последние годы.

Анализ отмены приговоров в апелляционном порядке показал, что количество отмен апелляционной инстанцией по делам частного обвинения за последние 5 лет составляет: в 2019 г. – рассмотрено дел по жалобам – 399, отменено приговоров - 25; в 2020 г. – рассмотрено дел по жалобам – 288, отменено приговоров - 22; в 2021 г. – рассмотрено дел по жалобам – 298, отменено приговоров - 19; в 2022 г. – рассмотрено дел по жалобам – 194, отменено приговоров - 8; в 2023 г. – рассмотрено дел по жалобам – 205, отменено приговоров - 23; в 2024 г. – рассмотрено дел по жалобам – 217, отменено приговоров – 11; в 2025 г. – рассмотрено дел по жалобам – 203, отменено приговоров – 9 [9].

Проблемы частного начала уголовного судопроизводства подвергались исследованию в теории уголовного процесса, однако предметом исследований выступали чаще всего отдельные формы проявления частного начала (защита имущественных прав личности в уголовном деле и др.) без необходимого и должного анализа соотношения этих форм как между собой и принципом объективности, всесторонности и полноты (ст. 24 УПК РК). Комплексного исследования частного обвинения как правового явления и необходимого элемента механизма уголовно-процессуального регулирования не проводилось.

Институт частного обвинения приобретает особую актуальность в контексте развития цифровизации правосудия и внедрения новых субъектов правозащитной деятельности (включая обсуждаемую модель частной детективной деятельности). Современные тенденции направлены на разгрузку государственных органов уголовного преследования и усиление автономии участников процесса. В этом аспекте институт частного обвинения

рассматривается не как архаичный элемент дореволюционной или советской модели, а как инструмент демократизации уголовного процесса и расширения возможностей самозащиты личности.

Также актуальность исследования определяется сравнительно-правовым аспектом. В зарубежных правопорядках (Германия, Франция, Великобритания и др.) институты частного либо субсидиарного обвинения выполняют различные функции в системе уголовного правосудия. Сопоставление этих моделей с казахстанским регулированием позволяет выявить направления дальнейшего развития и определить пределы допустимой трансформации национальной модели.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан не устраняет всех дискуссионных и практических вопросов, возникающих при рассмотрении дел частного обвинения. Сохраняющиеся противоречия во многом обусловлены отсутствием системного и всестороннего анализа проблем, сопровождающих реализацию этого института.

Указанные вопросы тесно связаны с развитием принципа состязательности, обеспечением процессуального равенства сторон, укреплением правового положения частного обвинителя, а также с необходимостью совершенствования процедуры рассмотрения дел данной категории. Совокупность обозначенных обстоятельств предопределяет научную значимость и актуальность выбранной темы исследования.

Степень разработанности проблемы. Степень разработанности темы.

Исследованию института частного обвинения в уголовном процессе на всем протяжении истории его развития всегда уделялась значительное внимание.

В дореволюционный период (т.е. до 1917 г.) этот институт исследовался в работах М.В. Духовского (1905 г.), А.А. Квачевского (1866 г.), Н.Н. Розина (1916 г.), В.К. Случевского (1910 г.), Д.Г. Тальберга (1891 г.), Л.Я. Таубера (1909 г.), И.Я. Фойницкого (1916 г.), и др.

В советский период исследованию данного вида уголовного преследования посвящены работы В.П. Божьева, К.Ф. Гуценко, И.М. Гальперина, П.М. Давыдова, Т.Н. Добровольской, В.В. Дорошкова, С.И. Катькало, Н.Я. Калашниковой, Д.С. Карева, Л.Д. Кокорева, А.М. Ларина, В.З. Лукашевича, Я.О. Мотовиловкера, Н.Н. Полянского, И.И. Потеружи, В.М. Савицкого, М.С. Строговича, Ф.Н. Фаткуллина, П.С. Элькинд и др.

В настоящее время проблемы частного обвинения и уголовного преследования активно исследуются, в основном, российскими учеными: А.С. Александровым, О.И. Андреевой, В.П. Божьевым, Л.А. Василенко, В.В. Ворониным, О.С. Головачук, И.С. Дикаревым, З.Д. Еникеевым, Ю.В. Козубенко, А.В. Ленским, Л.Н. Масленниковой, И.Б. Михайловской, Л.А. Межениной, Т.Н. Мухтасиповой, Н.Е. Петровой, Е.Е. Петуховым, С.С. Пономаренко, О.И. Роговой, Е.И. Седаш, Т.В. Трубниковой, Е.Ф. Тенсиной, В.В. Хатуаевой, И.Р. Харченко, Б.Б. Черепахиным, А.А. Шамардиным, О.Ю. Шумилиной, Ю.К. Якимовичем, Ф.М. Ягофаровым и др.

В Казахстане до настоящего времени отсутствовали работы, специально посвященные комплексному анализу института частного обвинения применительно к реалиям национального уголовного судопроизводства, и лишь отдельные вопросы этой проблемы исследовались в работах Т.К. Айтмухамбетова, С.А. Акимбековой, Е.О. Алауханова, А.Н. Ахпанова, Н.А. Абдиканова, Л.Ш. Берсугуровой, С.Ф. Бычковой, Е.Е. Ерешева, Р.М. Жамиевой, С.М. Жалыбина, С.К. Журсимбаева, Ж.У. Имангазиевой, М.Ч. Когамова, А.Е. Мусилимова, С.П. Мороз, С.Д. Оспанова, С.Ю. Романовской, Г.Ж. Сулейменовой, Т.Е. Сарсембаева, Б.Х. Толеубековой, Т.А. Ханова, Р.Н. Юрченко и некоторых других.

Многогранность и широта данной проблемы, появление в ней новых аспектов в связи с внесением изменений и дополнений в УПК РК, а также сложности, связанные с реализацией этого института в правоприменительной практике, требуют комплексного исследования вопросов, связанных с частным обвинением.

Объектом настоящего исследования являются общественные отношения, возникающие в связи с производством по делам частного обвинения.

Предметом исследования являются теоретические разработки по проблеме производства по делам частного обвинения, исследования проблемы обеспечения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, исследования в области становления и развития института, действующее отечественное и зарубежное уголовно-процессуальное законодательство и правоприменительная деятельность по реализации конституционных положений о праве каждого на судебную защиту своих прав и свобод.

Целью настоящего исследования является воссоздание научно-обоснованной модели о природе и содержательной конструкции института частного обвинения.

Для достижения указанной цели сформулированы следующие задачи:

- исследование генезиса и развития частного обвинения в уголовном судопроизводстве;
- изучение роли и содержания института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве зарубежных стран и государств постсоветского пространства с целью уяснения принципов, на которых строится регламентация этого института;
- определение содержания понятия «частное обвинение» в уголовном судопроизводстве на основе анализа основных теоретических концептуальных подходов к его рассмотрению;
- исследование правовой природы частного обвинения, как формы выражения диспозитивности и вида уголовного преследования;
- теоретическое осмысление оснований, поводов и условий начала производства по уголовным делам частного обвинения;
- проведение анализа процессуального положения сторон, участвующих в производстве по делам частного обвинения;

- на основе анализа законодательства, научных исследований, правоприменительной практики обоснование предложений, направленных на совершенствование уголовно-процессуального законодательства, регулирующего вопросы производства по делам частного обвинения.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на диссертационном уровне в Республике Казахстан предпринята попытка комплексно исследовать проблемы института частного обвинения. На основе норм Конституции РК, международных стандартов и действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства дан анализ научных взглядов на историю становления и развития института частного обвинения, его сущность и значение. В работе сформулированы предложения по совершенствованию законодательства, регламентирующего порядок производства по делам частного обвинения; дан анализ судебной практики. Анализ исследованных, а также недостаточно исследованных в теории права вопросов этого института позволил автору сформулировать ряд предложений и рекомендаций, которые могут быть использованы при разработке законопроектов по совершенствованию действующего уголовно-процессуального и уголовного законодательства и в правоприменительной практике.

Основные положения, выносимые на защиту: В результате проведенного диссертационного исследования были сформулированы следующие положения и выводы, направленные на достижение цели исследования и выносимые на защиту.

1. Теоретическое положение о том, что частное обвинение можно рассматривать как механизм реализации права на доступ к правосудию. С точки зрения институционального подхода и теории деятельности, с позиций которой частное обвинение выступает как особый вид юридически регламентированной процессуальной деятельности, в которой лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения, выступает активным субъектом, самостоятельно инициирующим и направляющим процессуальное движение дела, **частное обвинение** в уголовном процессе Республики Казахстан - это реализующий диспозитивное начало самостоятельный уголовно-процессуальный институт исковой природы, в рамках которого волеизъявление лица, пострадавшего от уголовного правонарушения как субъекта деятельности, обретает форму уголовного иска - юридического требования в условиях особой правовой процедуры о публичном подтверждении причинения уголовным правонарушением, которое в соответствии с законодательством отнесено к делам частного обвинения и повлекло причинение морального, физического либо имущественного вреда и привлечении лица к уголовной ответственности.

Соответственно, **частно-публичное обвинение** в уголовном процессе Республики Казахстан - это уголовно-процессуальный институт смешанной природы, при котором начало производства по делу обусловлено волеизъявлением потерпевшего, а дальнейшее осуществление уголовного преследования и поддержание обвинения осуществляются государством.

Данный вид обвинения сочетает диспозитивность на стадии инициирования производства с преобладанием публичного интереса на последующих стадиях процесса.

Публичное обвинение - это уголовно-процессуальный институт, в рамках которого инициирование, осуществление и поддержание уголовного преследования осуществляются государством в лице уполномоченных органов независимо от волеизъявления потерпевшего. Данный вид обвинения основан на приоритете публичного интереса в обеспечении законности и охране правопорядка.

2. На основе анализа действующего уголовно-процессуального законодательства сделан вывод о том, что нормы УПК РК, регулирующие производство по делам частного обвинения, по-разному определяют поводы к началу производства дел данной категории.

Необходимо в ч. 7 ст. 408 УПК внести изменения: «Если в отношении одного и того же уголовно наказуемого деяния правомочны возбудить частное обвинение несколько лиц, и по жалобе одного из них оно уже возбуждено, остальные лица вправе вступить в уже начатое производство. В этом случае не требуется возбуждение самостоятельного производства по **жалобе** каждого из указанных лиц».

3. Положение о необходимости определения особого субъективного состава производства по делам частного обвинения в уголовном процессе Республики Казахстан. Обосновывается необходимость включения в ст. 7 УПК РК следующего варианта формулировки термина «лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения - это лицо, которому непосредственно уголовным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред, до признания его потерпевшим в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Так же нуждается в изменении и изложении в следующей редакции ч. 2 ст. 32 УПК РК: «…производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, его законного представителя и представителя, и подлежит прекращению за примирением с обвиняемым, подсудимым».

Так, в ст. 32 (ч. 3), закрепляющую перечень уголовных правонарушений, относящихся к делам частно-публичного обвинения, и определяющую особенности начала и прекращения производства по таким делам, также необходимо внести изменения – «Производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе лица, пострадавшего от уголовного правонарушения и подлежит прекращению за примирением его с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лишь в случаях, предусмотренных статьей 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан».

Ч.ч. 4 – 6 ст. 32 УПК подлежат также изменению путем замены слова «потерпевшего» словосочетанием «лица, пострадавшего от уголовного правонарушения».

Изменения необходимо внести и в текст Нормативное постановление ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13. Предлагается изложить п.2 в следующей редакции: «Поводом к возбуждению частного обвинения является жалоба лица, пострадавшего от уголовного правонарушения: физического лица, достигшего 18-летнего возраста, юридического лица, законных представителей и представителей лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, указанных в статьях 71, 76 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан».

4. Положение о необходимости расширения действующего перечня дел частного обвинения за счет включения иных составов, в которых преобладает частный интерес. Необходимо дополнить ч. 2 ст.32 УПК РК, изложив ее следующим образом: «2. Дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных статьями 114 (частями первой и второй), 123 (частью первой), 131, 138, 139, 147 (частями первой и второй), 149 (частью первой), 150 (частью первой), 198 (частью первой), 199 (частью первой), 321 (частью первой) Уголовного кодекса Республики Казахстан, а также статьей 152 (частями первой и второй) Уголовного кодекса Республики Казахстан, за исключением случая, предусмотренного частью третьей настоящей статьи, а также уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 9 УК РК) Уголовного кодекса Республики Казахстан, считаются делами частного обвинения. Производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, его законного представителя и представителя и подлежит прекращению за примирением с обвиняемым, подсудимым».

Логичным является включение ч. 2-1 следующего содержания:

«2-1. Дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных статьями 187, 188 (частью первой), 189 (частью первой), 190 (частью первой) и 200 (частью первой) Уголовного кодекса Республики Казахстан, совершенных в отношении лица, пострадавшего от преступления, членами его семьи, близкими родственниками либо иными лицами, которых оно обоснованно считает близкими, являются также делами частного обвинения».

5. Теоретическое положение о необходимости введения и нормативного закрепления института частной детективной деятельности в Республике Казахстан, особенно в делах частного обвинения, поскольку это является объективно необходимым направлением развития уголовного процесса, обеспечивающим расширение фактического доступа к правосудию, укрепление принципов состязательности и равенства сторон, повышение качества подготовки материалов и снижение риска процессуальных ошибок при обязательном условии установления четких гарантий законности, контроля и защиты прав личности.

6. Положение о необходимости полной реализации нормами главы 47 УПК РК требования ч. 2 ст. 110 УПК РК, предусматривающей, что «орган, ведущий уголовный процесс, должен разъяснять каждому лицу, участвующему

в производстве по уголовному делу, принадлежащие ему права и возложенные на него обязанности». В целях исключения пробела, предлагается дополнить:

1) ч. 6 ст. 408 УПК РК, изложив ее в редакции: «6. С момента принятия судом жалобы к своему производству лицо, ее подавшее, является частным обвинителем, и ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьей 72 и частями третьей и четвертой статьи 410 настоящего Кодекса. Если жалоба содержит просьбу о рассмотрении гражданского иска, и к жалобе приложено исковое заявление и необходимые материалы в подтверждение исковых требований, то суду надлежит решить вопрос о признании такого лица гражданским истцом, и ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьей 73 настоящего Кодекса».

7. Теоретическое положение о том, что установленное уголовно-процессуальным законом право прокурора начинать либо продолжать производство по делам частного обвинения при отсутствии жалобы потерпевшего (ч. 4 ст. 32 УПК РК), будучи направленным на защиту лиц, находящихся в беспомощном или зависимом состоянии либо по другим причинам не способных самостоятельно воспользоваться принадлежащими им правами, в условиях отсутствия легальных дефиниций указанных категорий и критериев «других причин» способствует реализации в режиме расширенного дискреционного усмотрения, что объективно ограничивает диспозитивное начало уголовного процесса и нарушает баланс между частными и публичными интересами. В целях его восстановления требуется нормативная конкретизация оснований вмешательства прокурора, процессуального статуса сторон при его вступлении в дело, а также закрепление механизма возврата прерогатив частному обвинителю при отпадении обстоятельств беспомощного или зависимого состояния.

8. Положение о необходимости внесения дополнений в ст. 72 УПК РК следующего содержания: «В случае смерти частного обвинителя право на подачу жалобы переходит к его правопреемникам - близким родственникам, супругу (супруге) умершего или утратившего способность осознанно выражать свою волю в результате уголовного правонарушения».

9. Положение о необходимости внесения изменений в ЗРК от 28 января 2011 года № 401-IV, дополнив его ст. 24-1, закрепляющей особенности процедуры медиации по делам частного обвинения, а также модель «предмедиативной консультации», осуществляемой на бесплатной основе с общественным медиатором. В ст. 2 включить понятие «Предпредмедиативная консультация - это предварительный, информационно-разъяснительный этап, предшествующий началу процедуры медиации, осуществляемый медиатором без проведения переговоров по существу спора и без заключения медиативного соглашения, в целях создания условий для принятия сторонами обоснованного и информированного решения относительно продолжения медиативной процедуры либо ее прекращения при выявлении очевидных правовых или процессуальных рисков».

10. Положение о целесообразности создания, развития и использования специализированного информационного сервиса по делам частного обвинения, согласующимся с логикой цифровизации и реализацией концепции «Слышащего государства», ориентированного на снижение процессуальных ошибок на стадии подготовки и подачи жалобы и обеспечения медиативных процедур в уголовном процессе. Предлагается внедрение единой цифровой платформы по делам частного обвинения **«E-TALAP RK»** и интеграция специализированного модуля медиации.

Методологическая основа исследования. Наиболее важные выводы и умозаключения основаны на современных достижениях общей теории права, базой для которой являются положения теории познания, диалектического материализма, логики. Особенности рассмотренных в исследовании аспектов объективно потребовали привлечения теоретических положений, выработанных герменевтикой, уголовно-процессуальным правом, теорией доказательств, а также теорией конституционного права.

Также были использованы общенаучные методы: абстрагирование, анализ и синтез, индукция и дедукция, мысленное моделирование, восхождение от абстрактного к конкретному и другие. Применялись следующие частно-научные методы исследования: сравнительно-правовой, историко-правовой, институциональный, юридико-догматический (формально-догматический), метод толкования, метод правового прогнозирования.

Исследование института частного обвинения предполагает использование историко-правового метода, который позволяет проанализировать генезис и развитие данного института в казахстанском уголовном процессе. Указанный метод направлен на установление процесса формирования и закрепления правовых норм - от казахского обычного права и дореволюционных источников до советских и постсоветских уголовно-процессуальных кодексов, а также на определение влияния социальных, политических и правовых условий различных исторических периодов на формирование частного обвинения, его роли, назначения и процессуальной формы. Историко-правовой анализ дает возможность объяснить факторы, которые обусловили возникновение института, его многократную трансформацию и современное содержание, включая смещение акцента с публичного начала на расширение диспозитивных основ уголовного судопроизводства.

Применение сравнительно-правового метода предоставляет возможность изучить практику зарубежных государств и стран постсоветского пространства, выявить общие закономерности и уникальные черты частного обвинения в государствах континентальной и англосаксонской правовых систем. Особое внимание уделяется таким критериям сопоставления, как: степень диспозитивности процесса, распределение бремени доказывания, роль частного обвинителя и механизм его процессуальной поддержки, допустимый объем вмешательства государства, а также процедурные гарантии для потерпевшего и обвиняемого.

В рамках сравнительного исследования анализируются: процессуальный статус частного обвинителя, нормативные и институциональные механизмы реализации и поддержания частного обвинения, а также степень участия и влияния суда и органов прокуратуры на возбуждение и дальнейшее развитие производства по делам данной категории.

Отдельное внимание уделяется вопросу возможности участия правоохранительных органов в определенных аспектах защиты прав участников процесса по частному обвинению, не подменяя при этом волю частного обвинителя. Рассматриваются зарубежные модели, в которых государственные структуры обеспечивают консультативную или надзорную функцию, а также оценивается применимость таких подходов в условиях уголовного процесса Республики Казахстан.

Использование указанных методов позволяет комплексно исследовать природу частного обвинения, определить векторы его развития и выработать предложения по совершенствованию его нормативного регулирования, включая оптимизацию процессуальных гарантий и механизма обеспечения доступа к правосудию.

Эмпирическая и иная информационная база исследования.

Использовались статистические данные КПСиСУ ГП РК за период 2019-2025 гг., а также публикации в средствах массовой информации, отдельные эмпирические материалы, используемые в научных статьях, диссертациях, монографиях.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные труды в области философии, общей теории права, уголовного процесса, уголовного права.

Диссертант в своем исследовании во многом опирался на теоретические и прикладные работы известных ученых-юристов Казахстана З.О. Ашитова, Т.К. Айтмухамбетова, А.Н. Ахпанова, А.Г. Диденко, Е.Е. Ерешева, С.М. Жалыбина, Р.М. Жамиевой, С.К. Журсимбаева, С.З. Зиманова, Т.М. Культелеева, М.Ч. Когамова, С.П. Мороз, С.С. Сартаева, М.К. Сулейменова, Г.Ж. Сулеймновой, Б.Х. Толеубековой, а также крупных зарубежных (в основном Российских) исследователей – С.С. Алексеева, А.С. Александрова, В.Г. Анцилоговой, Е.И. Аникиной, А.Д. Бойкова, Л.А. Василенко, К.Ф. Гуценко, О.С. Головочук, В.В. Дорошкова, И.В. Жеребятьева, Л.Д. Кокорева, И. Д. Перлова, Н.Е. Петровой, М.С. Строговича, А.А. Старовойтова, Е.Ф. Тенсиной, И. Я. Фойницкого и других.

Кроме научно-теоретических взглядов, подвергшихся анализу при проведении диссертационного исследования, автором также проведен сравнительно-правовой анализ действующего законодательства РК и зарубежных государств в части правового регулирования института частного обвинения.

Основными нормативными источниками послужили Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан, Уголовный кодекс Республики Казахстан, иные законы, приказы Генерального Прокурора Республики

Казахстан, нормативные постановления Конституционного суда Республики Казахстан, нормативные постановления Верховного суда Республики Казахстан.

Теоретическое и практическое значение результатов исследования.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что сформулированные и обоснованные выводы и предложения, содержащиеся в диссертации, существенно пополняют науку уголовного процесса, а также могут быть положены в основу дальнейших научных исследований современного состояния и перспектив развития вопросов уголовного преследования, учитываться при решении проблем совершенствования данного института.

Практическая значимость исследования выражена во всестороннем изучении и анализе судебной практики и заключается в том, что основные положения диссертации, а также сформулированные в ней предложения и рекомендации могут быть использованы в практической деятельности судов в целях повышения ее эффективности.

Сформулированные в диссертации положения могут использоваться в учебном процессе юридических вузов и факультетов при разработке учебных пособий, иных научно-методических материалов по курсу «Уголовно-процессуальное право» и связанных с ним элективных курсов.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Сформулированные в диссертации основные теоретические положения и рекомендации были внедрены и использовались в учебном процессе Учреждения образования «Каспийский общественный Университет» при преподавании курса «Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан», и отражены более чем в 50 научных статьях, из них 4 статьи в научных изданиях, рекомендованных комитетом по обеспечению качества в сфере науки и высшего образования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, 1 статья в единой библиографической и реферативной базе рецензируемой научной литературы Scopus, в сборниках международных научно-практических конференций «Взаимопроникновение правовых систем как тенденция развития права» (г. Москва, 30 декабря 2013 г.); «Зимние юридические чтения» (г. Санкт-Петербург, 13 января 2014 г.); «Инновации в образовании и науке», посвященная 25-летию Независимости Республики Казахстан и 20-летию университета имени Сулеймана Демиреля (г. Алматы, 14 октября 2016 г.); «Актуальные проблемы юридических наук: теория и практика» (Душанбе, 27-28 октября 2016 г.); «Общество, право, личность. Методологические и прикладные проблемы: генезис, современность и будущее» (г. Минск, 23-24 ноября 2017 г.).

Структура и объем диссертационного исследования. Диссертация состоит из следующих частей: введения, 3 разделов, 7 подразделов, заключения, списка использованных источников, приложений.

Общий объем диссертации составляет 135 машинописных страницы.

1 Правовая природа частного обвинения

1.1 Историко-правовые предпосылки формирования феномена частного обвинения

Для более полного раскрытия правовой природы института частного обвинения, его эволюции в казахстанском законодательстве, выявления факторов, влияющих на его эффективность, представляется необходимым освещение вопросов его сущности и исторического опыта функционирования в уголовном судопроизводстве Казахстана. Необходимость исследования указанных аспектов данного феномена заключается и в том, чтобы на основе анализа и оценки этапов становления частного начала в уголовном судопроизводстве, с учетом как достижений, так и недостатков в регламентации этого института в различные исторические периоды, дать не только соответствующую оценку, но и внести научно-обоснованные предложения и рекомендации по совершенствованию действующего законодательства и правоприменительной практики.

Из анализа работ ученых, посвященных вопросам возникновения и развития уголовного процесса, можно выделить три этапа в его развитии. Первый этап характеризуется господством в уголовном судопроизводстве частного начала и полным совпадением его с гражданским процессом. Характерными чертами данного этапа развития являются формализм уголовного судопроизводства и зависимость его начала от усмотрения сторон.

Второй этап – постепенное развитие публичного начала уголовного процесса и последующее полное поглощение частных интересов государственными. Здесь публичность, являясь основой власти государства, проявляется в стремлении последнего установить для разрешения конфликтов между членами общества единый порядок, предусмотреть единую процедуру рассмотрения уголовных дел и в качестве прерогативы установить за государством право на назначение наказания. При этом, защита частного интереса сводилась лишь к подаче пострадавшим от преступления жалобы в компетентный орган. В последующем, он не имел возможности влиять на результаты расследования и ход судебного разбирательства.

Для третьего этапа развития уголовного процесса характерна идея публичности как гарантия обеспечения прав и свобод личности, ставшей участником уголовно-процессуальных правоотношений. Необходимость закрепления форм уголовного процесса, приоритетом которых являются интересы личности, обусловила расширение частных начал в рамках этой публичной процессуальной деятельности.

Частное обвинение, таким образом, является одним из древнейших процессуальных явлений, сыгравших важную роль в возникновении уголовного судопроизводства. Еще известный русский ученый И.Я. Фойницкий отмечал, что частное обвинение - это старейшая форма организации процесса и защиты прав и свобод человека и гражданина, которая обеспечивает юридически значимую реакцию на причиненный вред, способствуя восстановлению чувства

справедливости у потерпевшего в связи с совершенным против него преступным посягательством [10, с.37].

В общем, уголовный процесс сформировался исторически как способ урегулирования конфликтов между индивидом и обществом. При этом, можно сделать вывод о том, что именно обвинение является первой формой защиты от посягательств на жизнь, здоровье, иные интересы и отношения людей.

В целом, рассуждая о соотношении публичных и частных интересов в уголовном процессе, стоит отметить, что до настоящего времени между учеными - процессуалистами ведется спор и о том, каким интересам необходимо отдать преимущество.

Для изучения истории развития основной функции любого государства – суда, а именно, особенностей реализации частно-искового производства, особый интерес представляет древняя Греция, а затем и древний Рим, поскольку ряд современных правовых форм основан на древнегреческих и древнеримских институтах, в том числе и рассматриваемый нами феномен частного обвинения.

Философский контекст древнегреческого правопонимания специально исследовался Г.Ф. Шершеневичем, который обосновывает тезис о том, что у древних греков рациональное объяснение всего, что связано с правом, органично вписано в их философские воззрения [11, с. 20]. Как отмечает Н.В. Бряник, для древнегреческой философской традиции было характерно рассмотрение вопросов государственности и права преимущественно в рамках философского дискурса [12, с. 12]. Комплексный анализ категорий государства, закона и справедливости неизбежно затрагивал проблему соотношения частных и публичных начал, что проявлялось при осмыслении принципов судоустройства, а также при выработке критериев правонарушения, преступления и наказания, а также иных фундаментальных категорий правовой действительности, что обогатило новациями современную науку уголовного процесса. Это продиктовано повышением социальной значимости института частного обвинения в условиях качественного и количественного изменения состояния преступности в нашей стране, и как представляется, связанными с этим потребностями правоприменительной практики.

В древней Греции различались две формы процесса – государственный и частный. Как свидетельствует М.А. Чельцов-Бебутов, защита государственных интересов являлась прерогативой государственного процесса. Личные же интересы, вследствие нарушения которых и возникали частные дела, рассматривались в рамках частного процесса. При этом, инициировать их мог только потерпевший или его близкие родственники, выступающие в качестве законных представителей [13, с.90].

Следует подчеркнуть, что определение формы судопроизводства во многом обусловливалось соображениями процессуальной целесообразности для обвиняющей стороны. В частности, инициирование государственного преследования влекло для обвинителя риск наступления негативных последствий при недоказанности обвинения: на него могла быть возложена

обязанность уплаты штрафа, а при повторяющихся (трехкратных) безуспешных попытках - применялась мера в виде лишения права выступать с обвинениями. В процессе по частным делам обвинитель, в случае безуспешности производства, подвергался штрафу в пользу обвиненного им лица. Кроме того, частный процесс мог быть закончен обвинителем на любой стадии без негативных для него последствий, тогда как на обвинителя, возбудившего государственный процесс, в случае необоснованности обвинения накладывался штраф. Однако, при возбуждении государственного процесса обвинитель освобождался от уплаты государственной пошлины, обязательной при инициации частного процесса.

В свою очередь, производство по частным делам делилось на два вида: 1) уголовные дела, которые возбуждались за совершение преступного деяния с целью применения наказания против обвиняемого; 2) имущественные споры, не преследующие цель наказания ответчика, т.е. гражданские дела.

В древней Греции все противоправные деяния рассматривались судом только по инициативе потерпевшего и государство не распространяло свою юрисдикцию даже на тяжкие преступления [14, с.143]. Лицо, поддерживающее обвинение в суде, а им, как правило являлся пострадавший, таким образом, занимало центральное место в процессе, поскольку, без его волеизъявления судопроизводство не могло быть начато. Стоит отметить, что современный УПК РК содержит аналогичную норму (ч. 6 ст. 411).

Также особый интерес в нашем исследовании вызывает классический древнеримский процесс, в котором гармонично сочетались частные и публичные начала.

В свете рассматриваемого вопроса значительную роль сыграли учения греческих мыслителей, которые исследовали преступление и наказание в философском духе. Они опирались на теорию Платона, который рассматривал преступление как болезнь, а наказание как лечение, конечной целью которого является исправление преступника [15, с.2-3].

Как и в Древней Греции, древнеримский уголовный процесс мог носить частный, либо государственный характер. Как полагает В.Г. Медведев, частный характер процесса был обусловлен наличием частных деликтов (delictum privatum). Сам потерпевший инициировал производство по такому уголовному делу, проводил предварительное расследование, добывал доказательства, искал свидетелей [16, с. 124].

Характер обвинения, осуществляемого в суде, менялся в зависимости от исторического периода развития Рима. Так, в имперский период частноправовой характер обвинения изменился на публичный, что связано с его переходом в руки государства. Анализируя проблемы развития уголовного суда и процесса в Древнем Риме в период империи, В.Г. Медведев совершенно справедливо отмечает, что традиционный республиканский принцип частноправовой природы обвинения постепенно утрачивал свое значение и фактически был вытеснен формирующейся инквизиционной моделью

судопроизводства, несмотря на то что формально до конца существования империи он не был прямо отменен ни одним нормативным актом [17, с. 220].

Производство в суде в древнем Риме обладало особенностями, которые присущи и современному уголовному процессу. Так, разбирательство в суде происходило публично, непосредственно перед судьей, устно, так что обе стороны (audiatur et altera pars), поочередно выступавшие перед судьей, должны были для этого случая подготовиться заранее и обдумать свои заявления, с которыми они намеревались выступить. Суд при этом выступал в качестве арбитра, оценивающего представленные сторонами требования и доказательства. Таким образом, принцип гласности судопроизводства по уголовным делам, закрепленный в ст. 29 УПК РК, действовал и в древнем римском праве.

Институт частного обвинения имеет глубокие исторические корни, восходящие к эпохе родового общества. Его дальнейшее развитие связано с правовыми системами Древней Греции и особенно Древнего Рима, где он получил выражение в форме частно-искового процесса. Являясь одним из существенных элементов римского права, оказавшего значительное влияние на развитие мировой юриспруденции, данный институт сохранил свою правовую значимость и в более поздние исторические периоды, получив развитие в процессуальном законодательстве и практике судопроизводства европейских государств.

Судопроизводство раннего средневековья представляет собой яркий пример состязательного процесса.

Следует отметить, что теоретической базой в анализе и построении типологии уголовного процесса выступают результаты исследований российской школы представителей науки уголовного процесса, среди которых особо выделяются работы Ю.В. Мещерякова, А.В. Смирнова, К.Б. Калиновского, В.В. Вандышева, С.Д. Шестаковой, которыми был написан ряд фундаментальных работ, являющимися основными при изучении типов уголовного процесса.

Центром внимания при исследовании особенностей состязательного уголовного процесса оказывается тот факт, что в идеале – это, во-первых, наличие двух конкурирующих между собой активных сторон (обвинения (уголовного преследования) и защиты); во-вторых, эти стороны наделены равными возможностями в отстаивании своей позиции; в-третьих, существование суда, независимого от сторон, не связанного с их позициями и не имеющего право принимать на себя осуществление ни обвинительной функции, ни функции защиты.

В период развития римского права до его рецепции, уголовное судопроизводство дифференцировалось на ординарное и экстраординарное. Для целей настоящего исследования особое значение имеет характеристика ординарной модели процесса, представленная в трудах И.Я. Фойницкого. Ученый отмечал, что данный порядок разбирательства во многом воспроизводил конструкцию гражданского судопроизводства и предполагал

обязательное наличие частного обвинителя. По своей правовой природе такой процесс носил исковой, частноправовой характер, отличался публичностью судебного разбирательства, высокой степенью формализации процедур и активным участием народного элемента в отправлении правосудия [10, с. 22].

Указанный тезис подтверждается наличием в науке уголовного процесса классического указания на две разновидности состязательного типа: частно-исковую и публично-исковую. Частно-исковая форма состязательного уголовного процесса является результатом трансформации обвинительного процесса, когда при соотношении свободы личности и государства, частного и публичного начал, преобладает начало частное. Частно-исковое уголовное судопроизводство юридически можно определить как такой вид состязательности, который характеризуется наличием частного обвинителя, равноправием сторон, равномерным распределением между ними бремени доказывания и пассивной ролью суда в доказывании [18, с. 41].

Рецепция римского права осуществлялась главным образом в рамках судебной практики и была тесно связана с применением римско-канонического процесса, получившего распространение благодаря деятельности католической церкви. Как отмечают немецкие исследователи, данный процесс оказал существенное влияние на развитие национальных правовых систем. Первоначально происходило заимствование норм римского права, которые нередко противопоставлялись традиционному германскому праву, а впоследствии - элементов итальянского и французского законодательства [19, с. 24]. Распространение рецепции в уголовном процессе, а также формирование иерархической системы судов в государствах Западной Европы способствовали усилению контроля со стороны как высших, так и низших судебных инстанций. В этих условиях правовые обычаи постепенно утратили свое доминирующее значение, уступив место системе юридических норм, сформировавшихся в процессе судебной практики.

В начальный период становления английской правовой системы нормы римского права оказали на нее ощутимое воздействие. Римские правовые источники были известны английским юристам и в определенной мере применялись в судебной практике, прежде всего в церковных и торговых городских судах. Отдельные институты римского права также были восприняты судебной практикой судов, действовавших в рамках юрисдикции общего права.

Помимо институционального влияния, римское право оказало значительное воздействие на юридическое мышление английских правоведов. Оно обогатило правовую лексику, способствовало развитию традиции точного юридического определения понятий и познакомило английскую правовую культуру с рядом фундаментальных категорий римской юриспруденции [20, с. 38].

Ярко выраженный частно-исковой характер имел и древнерусский судебный процесс, описанный в основном правовом источнике того времени - Русской Правде. Последующие изменения характера судопроизводства носили

объективный характер и были связаны с постепенным усилением публичного начала над частным [21, с. 440]. Но при этом значимость частно-исковой формы сохранилась и не потеряла своей значимости до сегодняшних дней.

Развитие института прокуратуры как субъекта публичного обвинения обусловило формирование модели, при которой прокурор, выступая в роли официального обвинителя, вправе инициировать уголовное преследование независимо от участия частного обвинителя, а потерпевший постепенно вытеснялся официальным обвинителем, и все чаще выступал в процессе лишь в качестве свидетеля. Так, М.А. Чельцов-Бебутов, отмечал, что экстраординарная процедура постепенно и последовательно заменила собой ординарный порядок, в результате чего в уголовном процессе практически исчезли фигура обвинителя и элементы открытого судебного состязания [22, с. 240].

Аналогичная ситуация наблюдается и в уголовном судопроизводстве феодальной Германии.

В 1532 году было принято Уголовно-судебное уложение (лат. Constitutio Criminalis Carolina, немецкое название - Peinliche Gerichtsordnung Karls V), которое получило название в честь императора Карла V – «Каролина». Данное Уложение содержало в себе нормы уголовного и процессуального права.

Анализ литературы свидетельствует о том, что данный Закон сохранил в себе черты обвинительного процесса, но только в начальной стадии судопроизводства, т.е. основанием для начала уголовного процесса все еще оставался иск со стороны частного или публичного обвинителя. Частный обвинитель подлежал ответственности за качество доказательств и обязан был в полном объеме возместить обвиняемому убытки, если собранных доказательств не было достаточно для изобличения лица в преступлении.

Характерной чертой уголовного судопроизводства указанного периода также является, то, что публичная власть старалась исключить частное лицо из расследования преступления, взяв на себя эту функцию. Частный обвинитель выводился из процесса, если его дальнейшее участие признавалось нецелесообразным. В XVII веке розыскной порядок уголовного процесса закрепляется в Германии как основной. Таким образом, в большинстве европейских стран крепнущая государственная власть ограничивала права частных лиц на поддержание обвинения.

В английской правовой традиции первоначально преобладала модель уголовного преследования, основанная на частной инициативе. Возбуждение и поддержание обвинения осуществлялось, как правило, самим потерпевшим, тогда как участие публичной власти носило ограниченный характер. Тем самым уголовный процесс развивался как частно-исковая форма реакции на правонарушение.

Одновременно законодательство предусматривало строгую ответственность за необоснованное обвинение. Лицо, не сумевшее доказать свои утверждения, подвергалось имущественным взысканиям и могло быть лишено свободы. Такая конструкция служила сдерживающим механизмом против произвольного использования обвинительного права. Дополнительным

элементом ранней процессуальной практики выступала возможность поединка по инициативе обвиняемого, что отражало сохранявшиеся архаические формы разрешения конфликта.

Постепенно индивидуальная обвинительная инициатива стала замещаться коллективной процедурой. Передача материалов на рассмотрение большого жюри означала институционализацию обвинения и перераспределение ответственности с частного лица на орган общинного представительства. К концу XV века закрепилось требование письменного представления обвинительного акта с конкретизацией инкриминируемых обстоятельств и указанием доказательственной базы.

В результате английская система эволюционировала от формы частного преследования к более организованной модели, сочетающей частную инициативу с элементами публичного контроля. Эта трансформация наглядно демонстрирует постепенное усиление публичного начала при сохранении значимости частной инициативы в механизме уголовного обвинения [23, с. 15-16].

Буржуазные революции в Европе привели к существенным изменениям уголовного судопроизводства.

Судебная система во Франции, которая была классическим примером розыскного процесса, претерпела кардинальные изменения после революции 1789 года. До Революции уголовное судопроизводство регламентировалось Ордонансами (Ordonnance de Villres-Coteret 1539 года и Ordonnance Criminelle 1670 года), которые провели наиболее широко инквизиционное начало.

Многочисленные требования о радикальных реформах уголовного права и судопроизводства выражались в трудах таких публицистов как Ш. Монтескье, Ч. Беккариа и Ф. Вольтера, посвятившим особенно большое внимание вопросам уголовного процесса.

Учредительное собрание, признавая насущную необходимость исправления существующих злоупотреблений, приступило к реформе законодательства. По наблюдению A. Wattinne, период глубоких социальных и правовых преобразований сопровождался своеобразным напряжением, затронувшим общественное сознание. В этом контексте реформирование уголовного законодательства рассматривалось как первоначальный и принципиально значимый этап более масштабных преобразований, предшествующий стабилизации правовой системы [24, с. 116]. Были приняты два закона, имеющие важное значение для уголовного судопроизводства: Указ от 8-9 октября 1789 года и от 16 сентября 1791 года. Первый из этих двух законов, зарегистрированный 14 октября 1789 года, был предназначен для исправления более серьезных моментов, которые требовали незамедлительного внимания. В преамбуле этого акта было указано, что этот закон считается временным по своему характеру, в ожидании более всеобъемлющей реформы в будущем [25, с. 61].

Принимая английский процесс за идею, Франция, тем не менее, значительно реконструировала его под влиянием местных элементов и, таким

образом, создала континентальный тип реформированного процесса, который носит смешанный характер.

Наполеоновская кодификация основных отраслей права, в том числе уголовно-процессуального, привела к появлению знаменитого кодекса 1808 г. (Code d'instruction criminelle).

Основные изменения в уголовном процессе заключались, прежде всего, в том, что была отделена функция уголовного преследования от разрешения уголовных дел по существу. По новому Кодексу 1808 г. институт частного обвинения в чистом виде практически отсутствовал, наблюдались лишь некоторые элементы, а именно, по делам, подсудным судам исправительной полиции, по которым потерпевший имел право напрямую вызвать обвиняемого в суд. В период действия данного Кодекса уголовное преследование являлось прерогативой прокуратуры, которая в тот период развития французского уголовного процесса занимала основополагающее место.

Что касается частного обвинения, то в отличие от уголовного процесса буржуазной Франции судопроизводство Германии представляет собой определенный компромиссный вариант.

Немецкая модель уголовного процесса предусматривала возможность участия потерпевшего в поддержании обвинения наряду с прокурором.

Институт частного обвинения в англосаксонской правовой традиции существенно отличается от его конструкции в государствах континентальной системы права. В английском уголовном процессе частная инициатива возбуждения дела не означает утрату публично-правовой природы преследования. Несмотря на то, что производство может быть начато частным лицом, дальнейшее осуществление уголовного преследования сохраняет государственный характер и осуществляется в рамках публичной модели уголовного судопроизводства. Тем самым английская модель демонстрирует своеобразное сочетание частной инициативы и публичной ответственности государства за поддержание обвинения и соблюдение законности, что принципиально отличает ее от континентального понимания частного обвинения как более выраженного проявления диспозитивного начала [26, с. 19].

3 июля 1879 г. был принят Закон Prosecution of offenses Act об образовании института публичного преследования под названием «Дирекция публичного преследования». Это радикально увеличило уровень публичного участия и контроля за процессом расследования [27, с. 493].

Английский ученый Джон М. Битти провел исследование, в результате которого изучил 27 рукописей о деятельности большого жюри в графстве Суррей за XVIII век. Он считает, что большое жюри справедливо поддерживало обвинение в 80-90 %. Мало что известно о том, какие факторы побудили большое жюри отказаться от обвинения в 10-20 % случаях. Однако, автор предполагает, что в системе уголовного процесса, которая позволяла любому человеку, который считал, что его права и интересы нарушены, обратиться к большому жюри за защитой, представляется разумным предположить, что

большинство дел, которые отклонило большое жюри, были беспочвенны или безнадежно слабы [28, с. 155, 163].

Историко-правовой анализ становления и развития уголовного процесса Соединенных Штатов Америки (далее – США), а также изучение работ некоторых авторов, посвятивших свои исследования уголовному судопроизводству США, позволяет сделать вывод о том, что американская система правосудия представляет собой сочетание состязательного и обвинительного судопроизводства [29, с. 32-43]. Принцип состязательности в трактовке У. Бернама дает определенный ключ к пониманию черт состязательного судопроизводства, в котором стороны по делу сами собирают и от своего имени сами представляют доказательства присяжным, судья же активен в процессе только в той мере, в какой необходимо гарантировать общую справедливость судебного состязания сторон. Указывая на принципы обвинительного процесса, имеющие место в американском уголовном судопроизводстве, автор указывает на тот факт, что государство в своем споре с личностью должно нести бремя обвинения полностью [30, с. 452].

Особенностью уголовного судопроизводства США также является отсутствие единой процессуальной процедуры расследования и рассмотрения уголовных дел. Построение правоохранительной системы государства, которая включает в себя суды, прокуратуру, полицию и иные органы расследования, основано на принципах концепции американского федерализма, т.е. параллельной деятельности федеральной судебной системы и судебной системы штатов.

Анализируя институциональную организацию органов уголовного судопроизводства в США, Л.В. Головко, К.Ф. Гуценко и Б.А. Филимонов обращают внимание на влияние федеративного устройства государства на формирование соответствующей системы публичных органов [31, с. 187].

На формирование правовой системы США и становление устойчивой правовой системы повлияла, принятая в 1787 году Конституция, закрепившая фундаментальные принципы организации публичной власти, включая институциональность судебной ветви [32].

Принятие в 1789 году Judiciary Act (Акт о судебной власти) конкретизировало положения Конституции о федеральной судебной системе и определило ее институциональную структуру. Данный нормативный акт закрепил организацию и компетенцию федеральных окружных (district) судов, которые в американской правовой системе функционируют как суды первой инстанции. В соответствии с законодательной моделью того периода, рассмотрение наиболее значимых дел осуществлялось в составе двух судей, что обеспечивало коллегиальность при разрешении сложных правовых вопросов. Кроме того, указанным актом были заложены основы процессуальной регламентации деятельности судов, включая порядок распределения дел и принципы судебного разбирательства [33].

Структура федеральной судебной системы определяется титулом 28 «Судебная власть и судебный процесс» Свода законов США [34].

Учреждение и в федеральной системе, и в системе штатов должности публичных обвинителей (атторнеев), возбуждающих уголовное преследование, явилось важным нововведением в уголовный процесс по сравнению с английским образцом. В научной литературе отмечается, что формирование института публичного обвинителя в США стало самостоятельным этапом эволюции уголовного процесса. Так, Jack M. Kress подчеркивал, что учреждение должности атторнея следует рассматривать как своеобразный и оригинальный вклад американской правовой системы в развитие модели уголовного преследования.

Институционализация публичного обвинителя в США стала важным элементом трансформации англосаксонской модели от преимущественно частного преследования к более выраженной публично-правовой конструкции уголовного процесса [35, с. 100].

Важным является то, что учреждение должности атторнея в США не устраняет, при этом, право потерпевшего и любого гражданина выступать в качестве обвинителя.

К 1704 году штат Коннектикут принял систему государственного обвинения, и вскоре этой практике последовали другие колонии. Безусловно, в Соединенных Штатах остались некоторые следы частного обвинения. Примером может служить большое жюри, но даже эти учреждения связаны с прокурорами (прокуроры представляют доказательства большому жюри). Позиция о публичной природе уголовного преследования получила четкое отражение в судебной практике штата Коннектикут начала XX века. В решении 1921 года суд сформулировал принципиальный подход к роли прокурора в уголовном процессе. Было подчеркнуто, что в рамках уголовного судопроизводства интересы государства представляет исключительно прокурор, который и осуществляет функцию обвинения. В рамках уголовно-процессуального регулирования потерпевший не приобретает статуса самостоятельной стороны обвинения и, соответственно, не наделяется полномочиями по определению направления и содержания уголовного преследования. Его участие в производстве по делу носит ограниченный характер и не предполагает возможности влиять на стратегию обвинения либо принимать решения, затрагивающие движение процесса. Возбуждение и поддержание обвинения не ставятся в зависимость от его инициативы либо активности. Более того, вне зависимости от собственной воли потерпевший может быть привлечен к участию в деле в качестве свидетеля и обязан давать показания на общих основаниях [36, с. 6].

Анализ генезиса института частного обвинения требует обращения и к российской правовой традиции. После включения территории Казахстана в состав Российской империи в регионе сложилась ситуация правового дуализма - параллельно функционировали две формы судопроизводства. Для коренного населения сохранялась система разрешения споров, основанная на обычном праве и традиционных процедурах, тогда как дела, затрагивавшие интересы русского населения, рассматривались в соответствии с нормами российского

законодательства. Производство по таким делам велось на русском языке и осуществлялось по правилам, установленным правовой системой Российской империи.

При исследовании вопроса становления и развития российского уголовного процесса, можно отметить, что первым древнерусским судебником является Русская Правда. Именно в нем впервые встречаются нормы, определяющие преступное деяние. Этот памятник древнего права раскрывает судопроизводство рассматриваемого исторического периода как состязательное (обвинительное). Черты частного начала, присущие древнерусскому уголовному процессу, проявляются в активном участии лиц, заинтересованных в разрешении дела. Начало уголовного разбирательства связывалось с подачей челобитной, представлявшей собой обращение потерпевшего, его семьи или рода с жалобой на совершенное деяние.

В середине 19 века с введением в действие Судебных уставов от 20 ноября 1864 года публичное начало в уголовном процессе России стало преобладающим. В то же время установившийся порядок производства по уголовным делам отражал и учитывал личные интересы и сохранял некоторые элементы частно-искового характера (наличие частного обвинения и возможность предъявления гражданского иска в уголовном деле) [37, с. 118].

Статья 2 Устава Уголовного судопроизводства гласила: «Судебное преследование возбуждается как должностными, так и частными лицами». В основу деления обвинения на частное и публичное, не известное дореволюционному законодательству были положены тяжесть и юридическая природа преступлений и проступков. Частный порядок обвинения имел место при посягательствах на «права известного частного лица без особого посягательства на безопасность общества», публичный - в случае, когда объектом преступного деяния является «общественный интерес» [37, с. 120].

Обобщая историко-правовые предпосылки возникновения и эволюции института частного обвинения, представляется возможным выделить ключевые закономерности его формирования и трансформации в контексте развития уголовного судопроизводства. Частное обвинение исторически обусловлено развитием государства и общества. С него начинался уголовный процесс как деятельность еще в период становления государственных институтов обвинения. В англосаксонском состязательном уголовном процессе частное начало было сохранено и остается неизменным до сегодняшних дней. После Великой французской революции 1789 г., когда появился смешанный уголовный процесс, сочетающий в себе черты и состязательного и розыскного типов, частное начало становится в шаткое равновесие с публичным обвинением.

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих значение для раскрытия правовой природы института частного обвинения и определения направлений его дальнейшего развития в уголовном судопроизводстве Казахстана.

Во-первых, частное обвинение следует рассматривать как исторически первичную и базовую форму уголовного преследования, возникшую как способ разрешения конфликта между потерпевшим и правонарушителем. В ранних обществах защита нарушенного права носила характер коллективной ответственности рода, что обусловило такие явления, как кровная месть и примирительные практики. С усилением государственной власти функция наказания постепенно монополизируется государством, а публичность начинает восприниматься как объективный порядок урегулирования конфликтов, направленный на единообразие и управляемость правосудия. Тем самым исторический генезис демонстрирует, что соотношение частного и публичного начал в уголовном процессе не является статичным: оно отражает уровень развития государства и доминирующие представления о справедливости и правовой защите.

Во-вторых, теоретически оправдано выделение трех этапов развития уголовного процесса: - доминирование частного начала и сближение с гражданским процессом; - усиление публичного начала и вытеснение частной инициативы государственным преследованием; - современная модель публичности, ориентированная на гарантирование прав и свобод личности, что приводит к реализации частных начал в рамках публичного процесса. Существенно, что на третьем этапе публичность не противопоставляется частному интересу, а призвана обеспечивать его защиту, поскольку центральной ценностью становится личность как участник уголовно-процессуальных отношений. Отсюда следует методологически важный вывод о расширении частных начал в современном уголовном процессе как инструмента укрепления гарантий прав человека, состязательности и диспозитивности.

В-третьих, исторический опыт античных правовых систем показывает, что частная инициатива в уголовном преследовании не исключает существования процессуальных гарантий и принципов, сохраняющих актуальность и сегодня. Следовательно, частное обвинение исторически реализуется только при наличии процессуального баланса между правом потерпевшего на защиту и необходимостью предотвращения злоупотреблений.

В-четвертых, европейская эволюция уголовного судопроизводства демонстрирует цикличность и вариативность моделей: континентальная Европа в период укрепления государственной власти проходит этап инквизиционного (розыскного) процесса с концентрацией функций в руках суда и существенным ограничением роли частного обвинителя; англосаксонская традиция, напротив, долго сохраняет частную инициативу и развивает институты, придающие обвинению публичный характер через фильтры (например, большое жюри) и последующее становление публичного преследования. Это подтверждает, что «сохранение» либо «вытеснение» частного начала зависит не только от правовой традиции, но и от выбранной государством модели контроля над уголовным преследованием и распределения процессуальных функций.

В-пятых, российский опыт (включая Судебные уставы 1864 года и последующее усиление публичных начал после 1917 года) является важным для Казахстана как с точки зрения исторической преемственности правового развития, так и с позиции сравнительного анализа механизмов сочетания публичного преследования с элементами частно-искового характера (частное обвинение, гражданский иск в уголовном деле, институт примирения).

Совокупность приведенных данных позволяет утверждать, что институт частного обвинения на протяжении истории выполнял функцию обеспечения потерпевшему процессуальной инициативы и возможности требовать защиты нарушенного права, а также служил индикатором уровня уважения к личности и частной собственности, степени демократизации судопроизводства.

В целом историко-правовая ретроспектива подтверждает, что развитие частного обвинения в условиях современного уголовного процесса требует не декларативного расширения частной инициативы, а научно обоснованной настройки баланса между частными и публичными интересами, обеспечивающей потерпевшему реальный доступ к правосудию при одновременной минимизации злоупотреблений и процессуальных ошибок. Именно эти ориентиры должны определять дальнейшие предложения по модернизации законодательства и правоприменительной практики Республики Казахстан.

1.2 Частное обвинение в уголовном процессе Казахстана: возникновение и развитие

Судебная система Казахстана, подобно правовым системам других государств, прошла ряд исторических этапов своего становления и развития.

Формирование института частного обвинения восходит к традиционным нормам обычного права казахского общества, где он возник и в дальнейшем последовательно трансформировался и совершенствовался по мере развития социальных и правовых институтов. Однородность содержания обычного права казахов, является его характерной чертой. Она проявляется в органичном функционировании различных институтов и норм, которые в силу их консервативного характера оставались неизменными и действовали на территории Казахстана вплоть до XIX в.

Академик НАН РК С.З. Зиманов, характеризуя природу казахского обычного права, подчеркивал его органическую связь с жизнью народа, отмечая, что оно отражало уклад общества, логику повседневных отношений и во многом воплощало глубинные духовные ориентиры личности вне зависимости от исторического этапа развития [38, с.27]. При этом, другой академик НАН РК М.К. Сулейменов, называя казахское право правом «Степной демократии», вобравшим особенности и демократические ценности Великой степи кипчаков (Дешт-и-кипчак), в качестве отличительной его черты указывает на признание верховенством правил поведения и судебной власти и общественной и политической жизни [39, с. 27].

Важным моментом в истории казахского обычного права является деятельность хана Тауке и принятие законов «Жеті-Жарғы». В своде законов «Жеті-Жарғы» были систематизированы существующие ранее разрозненные обычно-правовые нормы казахского народа, а также в соответствии с положением этого свода законов устанавливались понятия преступного деяния [40].

Характерной чертой рассматриваемого исторического периода являлось разрешение преступных посягательств в рамках частно-исковой модели уголовного преследования. В данной конструкции потерпевший фактически выступал в роли истца, тогда как лицо, совершившее противоправное деяние, рассматривалось как ответчик. Тем самым уголовно-правовой конфликт осмысливался через категорию спора между частными субъектами. Причиненные противоправным поведением последствия - как в сфере преступных деяний, так и при гражданских правонарушениях - обозначались термином «зиян», отражавшим причинение вреда [41, с. 154-155]. Использование данной категории свидетельствует о восприятии правонарушения прежде всего как источника ущерба, подлежащего возмещению, что подчеркивает исковую природу соответствующей процессуальной модели.

Судопроизводство в период действия обычного права казахов осуществлялось на основе состязательного процесса. Специальным органом, рассматривавшим уголовные и гражданские дела, являлся суд биев. Состязательность проявлялась в наличии черт диспозитивности в рамках уголовно-процессуальных правоотношений. Поскольку возбуждались уголовные дела в судах биев, как правило, по инициативе сторон.

Состязательность уголовного судопроизводства сближает суд биев с судами раннефеодальных европейских государств. Вместе с тем, казахский судебный процесс отличала его особенность. При изучении таких памятников права как Русская Правда, Салическая Правда и др., можно отметить, что в них закреплена форма разрешения правовых конфликтов - поединок.

Современный исследователь К.А. Алимжан выделяет гласность и публичность, как важные особенности суда биев. Он считает, что они представляли собой органичную особенность [42, с. 78].

Как было указано выше, помимо других правовых норм в обычном праве казахов выделялись нормы о преступлениях и видах наказаний. Особенность его заключается в том, что правонарушения считались гражданскими, и за их совершение предусматривалась имущественная ответственность, т.е. уголовное преследование носило исковой характер.

В рамках нашего исследования, необходимо обратить внимание на категории уголовных правонарушений, которые существовали в нормах обычного права, а сегодня отнесены современным уголовно-процессуальным законом к делам частного и частно-публичного обвинения, а также виды наказаний, предусмотренных древними источниками казахского права за их совершение.

Выстраивая линию изучения норм обычного права казахов, считаем правомерным обращение к мнению ряда авторитетных ученых - исследователей.

В своем анализе казахского обычного права Н.С. Ахметова отмечает, что основой норм обычного права являются лежащие в них принципы и главное назначение этих норм – реализация принципов без искажения их сути и содержания [43, с. 5].

В казахском обычном праве были закреплены следующие основные виды преступлений против личности: 1) убийство, 2) телесные повреждения, 3) нанесение побоев и 4) оскорбление [40, с. 306]. Телесные повреждения известны под названием «захим» (увечье). При этом, уже существовало различие между тяжкими телесными повреждениям (аур-захим) и легкими (женил захим). К легким телесным повреждениям относились нанесенные раны, не связанные с потерей какого-либо органа тела [40, с. 316]. Наказание за данный вид преступлений назначалось в зависимости от воли потерпевшего – либо телесные и позорящие наказания, либо они заменялись куном (за тяжелые телесные повреждения) или аипом (за легкие телесные повреждения).

Особенностью рассмотрения дел в суде биев являлось то, что инициирование разбирательства, как правило, осуществлялось по инициативе самих участников конфликта. Обращение к бию носило частно-инициативный характер и не требовало сложных процессуальных формальностей, что обеспечивало относительную простоту процедуры и ее доступность для членов общества.

Процесс разрешения спора отличался неформализованностью и был ориентирован на достижение справедливого и приемлемого для обеих сторон результата. Бий, выступая в роли авторитетного посредника, стремился не только установить обстоятельства конфликта, но и содействовать примирению сторон, вынося решение, которое воспринималось ими как окончательное и учитывающее интересы как истца, так и ответчика.

Суд биев строился на принципе состязательности. Стороны могли по своему усмотрению обратиться к одному или нескольким биям, а обязанность представления доказательств возлагалась на участников спора: истец подтверждал обоснованность своих требований, тогда как ответчик представлял доводы и доказательства в свою защиту.

Важной особенностью данного судопроизводства являлась возможность прекращения разбирательства на любой стадии в случае примирения сторон. При этом судебное следствие осуществлялось преимущественно в устной форме, без ведения письменных протоколов, что соответствовало традициям обычного права и практике разрешения конфликтов в казахском обществе.

После вхождения Казахстана в состав Российской империи на его территории одновременно действовали нормы обычного права и российских законов, которые стали вводиться в 20-х гг. XIX в. связи с принятием «Устава о сибирских киргизах» 1822 г.

В период присоединения Казахстана к Российской империи процессуальная модель судопроизводства была приведена в соответствие с общеимперскими правовыми стандартами, что обусловило выделение дел частного обвинения. Подобный подход отражал положения уголовно-процессуального законодательства Российской империи и соответствующие обоснования [44, с.7].

Согласно УУС 1864 г., выделялись три вида уголовного преследования: 1) публичное обвинение; 2) частно-публичное; 3) частное [45, с.13].

Включение Казахстана в правовое пространство Российской империи обусловило распространение на часть его территории имперского законодательства, регулирующего порядок разрешения споров по делам частного обвинения и содержащего характерные черты российских правовых институтов. Однако применение этих норм носило ограниченный характер и затрагивало лишь отдельные группы населения и территории.

Советский период развития судопроизводства Казахстана применительно к формированию законодательной основы института частного обвинения можно разделить на следующие этапы: 1) судопроизводство на основе обычного права казахов, декретов, инструкций и положений революционных трибуналов (октябрь 1917 - 1923 гг.); 2) судоустройство и судопроизводство (1923 - 1959 гг.), основанное на УПК РСФСР редакции 1923 года, в соответствии с Основами судоустройства и судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 29 октября 1924 года, Положением о Казахском отделении Верховного Суда РСФСР от 18 января 1926 года, Конституцией Казахской ССР 1937 года, Законом о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 года и Основами законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, Основами уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, принятых в 1958 году; 3) судопроизводство по УПК Казахской ССР 1959 года (1960-1977 гг.); 4) судопроизводство по УПК Республики Казахстан 1997 года (1998 – наше время).

С провозглашением в 1917 г. в России советской власти, был ознаменован новый этап развития уголовного правосудия, начался и новый этап в развитии уголовно-процессуального права. Правовое регулирование института частного обвинения после событий 1917 г. было обусловлено приоритетом публичного начала в уголовном судопроизводстве, что определялось политико-правовыми изменениями в уголовной политики государства того периода развития. Это привело к сокращению диспозитивности и частноправовых элементов в уголовном процессе.

Первым нормативным актом, регулирующим организацию советской судебной системы, стал Декрет о суде № 1, принятый 22 ноября 1917 г. [46, с. 28]. В соответствии со ст. 5 данного акта сторонам предоставлялось право по спорным гражданским делам, а также по делам частно-уголовного характера передавать возникшие разногласия на рассмотрение третейского суда.

Вместе с тем детальное правовое регулирование порядка формирования и деятельности третейских судов было закреплено значительно позднее - в Декрете ВЦИК «О третейском суде» от 16 (3) февраля 1918 г., которым были определены основные организационные и процедурные основы функционирования данного института [46, с. 476–478].

Первый Уголовно-процессуальный кодекс был принят 25 мая 1922 года [47]. Этим УПК было установлено, что дела частного обвинения (к ним были отнесены дела о преступлениях, предусмотренных лишь шестью статьями УК РСФСР), возбуждались не иначе как по жалобе потерпевшего. Было также предусмотрено право потерпевшего на примирение с обвиняемым, что влекло за собой прекращение дела, которое допускалось до вступления приговора в законную силу.

Значимую роль для развития в этот период института частного обвинения сыграло утверждение постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г. УПК РСФСР. Так, статья 10 УПК РСФСР к числу преступлений, преследуемых в частном порядке, относила: а) нанесение умышленных легких телесных повреждений, не причинивших расстройства здоровью (ч. 2 ст. 143 УК РСФСР); б) умышленное нанесение удара, побоев и иных насильственных действий, сопряженных с причинением физической боли (ч. 1 ст. 146 УК РСФСР); в) оскорбление (ст.ст. 159, 160 УК РСФСР); г) клевету (ст. 161 УК РСФСР) [48].

Важнейшей вехой в развитии уголовно-процессуального законодательств явилось принятие 25 декабря 1958 г. Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик [49, с. 275] и Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» [49, с. 124].

В ст. 24 Основ уголовного судопроизводства впервые было сформулировано законодательное определение потерпевшего, а также закреплен примерно такой же круг преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения, что и в УПК 1923 г. [49]. Эти нормы были затем воспроизведены и в принятом 22 июля 1959 г. УПК Казахской ССР [50], который относил к числу преступлений, преследуемым в порядке частного обвинения: 1) умышленное легкое телесное повреждение (ст. 97 УК Казахской ССР); 2) умышленное нанесение удара, побоев и иные насильственные действия, причинившие физическую боль потерпевшему, если указанные действия совершены после применения к виновному товарищеским судом мер общественного воздействия (ч. 1 ст. 99 УК Казахской ССР); 3) клевету (ч. 1 ст. 118 УК Казахской ССР); 4) оскорбление (ст. 119 УК Казахской ССР) [50].

Таким образом, ст. 27 УПК Казахской ССР особо выделяла дополнительное право потерпевшего – поддержание обвинения, которое он мог реализовать на протяжении всего судебного разбирательства путем заявления ходатайств, представления доказательств и т.д. Это положение свидетельствовало о значительном продвижении процессуального закона в сторону расширения прав потерпевшего и его новой роли, как участника уголовного судопроизводства.

Уголовно-процессуальный кодекс 1959 года действовал на территории Казахской ССР и затем уже после принятия нашей Республикой статуса независимого государства вплоть до 1 января 1998 года.

Социально-политические и экономические преобразования, произошедшие в последнее десятилетие XX века, обусловили необходимость глубокого реформирования законодательства. В условиях становления национальной правовой системы все более очевидными становились противоречия между правовыми категориями и институтами, сформированными в рамках социалистической правовой модели, и их новым содержательным наполнением, соответствующим современным общественным реалиям.

Раскрытие предпосылок формирования такого правового явления, как частное обвинение, предполагает определение начального этапа внедрения данного института в современное законодательство Республики Казахстан, о чем будет сказано ниже.

Изменение позиции законодателя относительно института частного обвинения, по нашему мнению, произошло с приобретением Казахстаном статуса независимого государства и принятием 28 января 1993 года девятой сессией Верховного Совета РК новой Конституции, объявившей Казахстан демократическим, светским и унитарным государством, осуществляющим свою деятельность в интересах гражданина и общества, а человека, его жизнь, свободу и неотъемлемые права высшей ценностью государства. Таким образом, Конституция 1993 года установила курс на формирование правового государства и признание приоритета прав человека.

12 февраля 1994 года Постановлением Президента РК утверждается Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан [51], в которой были определены кардинальные преобразования всей правовой системы Республики – законодательства, принципов судебной системы и правоохранительных органов. Тем самым эта программа ознаменовала новый этап в совершенствовании и демократизации всей правовой системы государства.

Современное уголовно-процессуальное законодательство, формировавшееся с учетом международных стандартов в сфере защиты прав и свобод человека, изначально ориентировано на институциональное укрепление гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве. Законодатель ставил задачу повышения качества и результативности правосудия посредством совершенствования процессуальных механизмов и процедурных гарантий.

Для реализации указанных направлений Государственной программой правовой реформы предусматривалось в числе иных направлений и существенное сокращение сферы публичного обвинения путем передачи решения вопроса о целесообразности привлечения виновного к уголовной ответственности по отдельным видам преступлений против личности, посягательств на негосударственные формы собственности и пр. на усмотрение потерпевшего. Для достижения этих целей необходимы были такие

изменения в правовой системе Казахстана, которые бы обеспечили каждому свободный доступ к правосудию, предоставили бы реальную возможность субъектам правоотношений защищать свои права и законные интересы любыми законными способами и средствами.

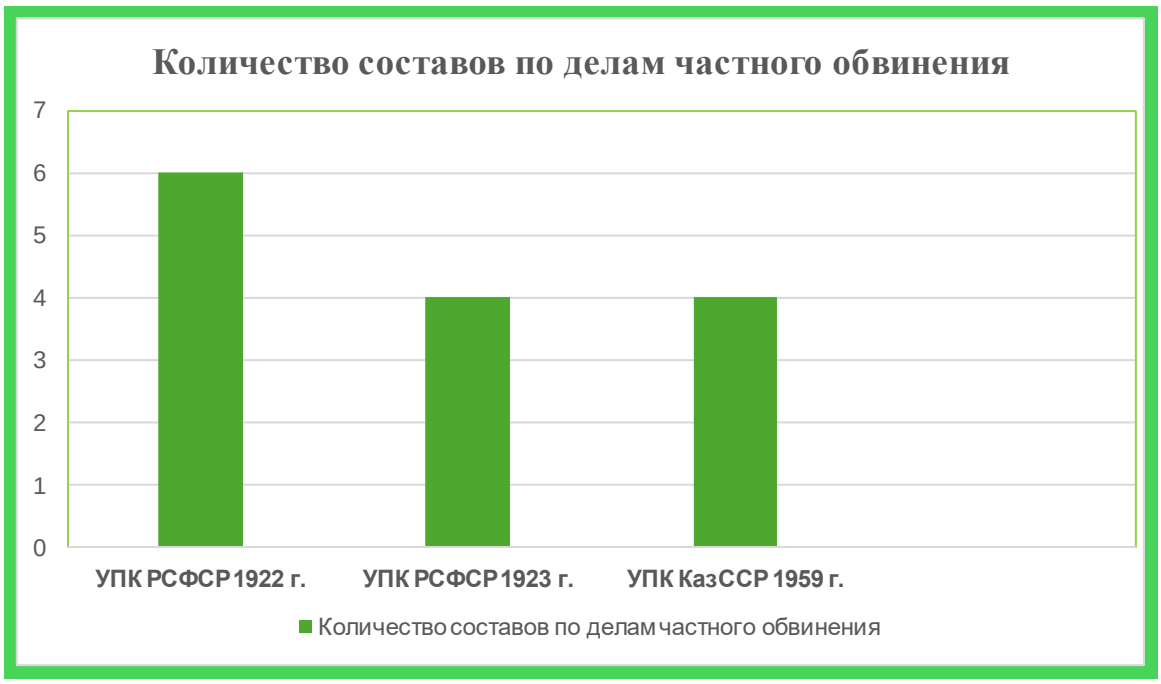
Процесс расширения частных начал, нашел свое выражение в принятом 13 декабря 1997 г. УПК РК. Указанный нормативный акт значительно расширил группу уголовных правонарушений, для которых законом установлен особый порядок уголовного преследования, реализуемый в форме частного либо частно-публичного обвинения. В его нормах нашло закрепление не только определение потерпевшего, но и частного обвинителя, а также этим лицам были предоставлены довольно широкие процессуальные возможности по защите своих прав [52].

Ныне действующий УПК РК от 4 июля 2014 года, вступивший в действие с 1 января 2015 года [53], обновив перечень, преступлений, преследуемых в частном и частно-публичном порядке еще более обеспечил реализацию доступа к правосудию по правонарушениям, по которому пострадавшее лицо вправе обратиться в суд в частном порядке.

Исследование и анализ генезиса и развития частного обвинения как феномена казахстанской науки уголовного процесса можно сделать вывод, что этот институт развивался, начиная с обычного права казахов, т.е. зародившись в его недрах. Судопроизводство в судах биев носило гласный, публичный характер. Народные суды осуществляли правосудие в рамках состязательного процесса. И сегодня в нормах современного УПК Республики Казахстан закреплены отдельные нормы обычного права казахов и проявляются определенные черты судопроизводства биев.

Изменения количественного состава уголовных правонарушений, преследуемых в порядке частного обвинения на всем протяжении развития уголовно-процессуального законодательства представлены на Диаграмме 1 - Количество составов уголовных правонарушений по делам частного обвинения: сравнение кодексов:

Диаграмма 1 - Количество составов уголовных правонарушений по делам частного обвинения: сравнение кодексов



Таким образом, анализ историко-правовых предпосылок возникновения и развития института частного обвинения позволяет сделать вывод о том, что данный правовой феномен получил самостоятельное институциональное оформление в зарубежных национальных правовых системах. В связи с этим опыт его нормативного закрепления и практического применения будет предметом дальнейшего рассмотрения в следующем подразделе исследования.

Обращение к истории развития частного обвинения в системе обычного права казахов свидетельствует о том, что по своему происхождению оно предшествует формированию публичного обвинения. В этой связи частное обвинение можно рассматривать как один из базовых институтов, лежащих в основе становления уголовного процесса Республики Казахстан.

По мере эволюции национальной правовой системы, а также усиления роли государства в сфере уголовной политики и расширения публичных начал уголовного судопроизводства, институт частного обвинения претерпевал определенные трансформации. Тем не менее, несмотря на указанные изменения, он сохранил свои исторические корни и первоначальные правовые основы.

Историческая динамика развития данного института, включая изменение круга уголовных правонарушений, относимых к категории дел частного обвинения, а также их последующее исключение из этой сферы, отражает характер взаимодействия государства и личности на различных этапах общественного развития. В определенной степени именно по границам применения частного обвинения можно судить о степени признания и защиты государством прав и интересов личности в уголовном судопроизводстве.

1.3. Зарубежный опыт правового регулирования частного обвинения

В данном подразделе, посредством применения сравнительно-правового метода, предпринята попытка анализа зарубежного опыта правового регулирования института частного обвинения.

Нельзя не согласиться с мнением А.А. Трефилова о том, что анализ иностранного опыта организации дознания, предварительного следствия, рассмотрения дела по существу и проверочных стадий позволяет лучше понять отечественный подход к их построению, выявить его сильные и слабые стороны, определить, насколько он соответствует современным международным и европейским стандартам защиты прав личности [54, с. 21]. Центром внимания при сравнительном исследовании является то, что оно позволяет сравнить и оценить возможные подходы к решению той или иной проблемы, принятые в различных правовых системах, для нахождения наиболее благоприятного решения [55, с. 834]. Оценивая потенциал сравнительно-правового метода, немецкий процессуалист Т. Кун подчеркивает, что эффективное взаимодействие судебных и правоохранительных органов различных государств возможно лишь при условии достаточного знания особенностей их процессуальных систем. По его мнению, координация в сфере правосудия предполагает понимание не только общей модели судопроизводства партнерских государств, но и ее структурных элементов и ключевых институциональных характеристик. Иначе говоря, межгосударственное сотрудничество в уголовно-процессуальной сфере требует предварительного анализа и сопоставления базовых принципов и механизмов функционирования соответствующих правовых систем [56, с. 670].

Сравнительное исследование зарубежного законодательства указывает на то, что, несмотря на процессы глобализации, каждое государство имеет различную степень разработки проблем частного обвинения.

Правовая система Федеративной Республики Германия относится к романо-германской правовой семье. Основные источники уголовного и уголовно-процессуального права этой страны представляют иерархично выстроенную систему и состоят из Общей и Особенной частей.

Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (УПК ФРГ) основывается на Имперском уголовно-процессуальном кодексе от 1 февраля 1877 года, который вступил в силу 1 октября 1879 года. С момента воссоединения Германии в 1990 году на всей ее территории действует УПК ФРГ [57].

Институт частного обвинения в ФРГ имеет много общих черт с существующим аналогичным институтом в Республике Казахстан. Порядок производства по делам частного обвинения регламентирован УПК ФРГ (книга V).

В соответствии с § 374 УПК ФРГ в порядке частного обвинения потерпевший может возбудить уголовное преследование без предварительного ходатайства в прокуратуру [58, с. 311].

В отличие от национального порядка производства по делам данной категории указанное право частного лица закреплено в нормах Уголовного кодекса ФРГ [59]. Так, в соответствии с § 77 (1), если деяние преследуется только на основании заявления, то потерпевший может подать его, если иное не предусмотрено законом.

В случае смерти частного обвинителя право на возбуждение дел частного обвинения переходит - супругу(е) и детям, а при их отсутствии – родителям умершего. В случае же отсутствия у заявителя и тех и других, обладателями указанного правомочия становятся братья, сестры и внуки § 77 (1) УК ФРГ. Исключением правопреемства на подачу заявления является отсутствие воли потерпевшего на реализацию права уголовного преследования, заявленной им при жизни.

В случае, если лицо, имеющее право на подачу заявления, недееспособно или ограниченно дееспособно, то заявление может подать его законный представитель § 77 (3) УК ФРГ.

Особенностью рассмотрения дел данной категории является закрепление в УПК ФРГ обязанности внесения частным обвинителем залога как гарантии возмещения расходов, которые предположительно понесет обвиняемый, на тех же условиях, что и истец в гражданском споре по требованию ответчика (§ 379).

Особенностью немецкой модели частного обвинения является обязательность предварительной попытки примирения сторон по ряду уголовных правонарушений. Указанное требование распространяется также на деяние, предусмотренное § 323a УК ФРГ, если противоправное действие, совершенное в состоянии полного опьянения, квалифицируется как уголовный проступок.

Если примирение не состоялось, указанные органы выдают заявителю сертификат, который он в последующем обязан предъявить при подаче заявления частного обвинения и предоставить в суд (§ 380 УПК ФРГ).

Указанная норма, на наш взгляд, также является весьма эффективной и могла бы быть имплементирована в национальное законодательство с целью разгрузки судов, поскольку обращение сторон к медиаторам позволяет найти такие подходы к решению проблемы, которые невозможно получить в суде, руководствуясь правовыми нормами. Дела частного обвинения весьма специфичны и носят больше бытовой характер, поэтому процедура медиации, целями которой является достижение варианта разрешения спора, устраивающего обе стороны и снижение уровня конфликтности сторон, является оптимальным альтернативным способом разрешения такого рода конфликтов и способствует сохранению отношений между сторонами и после достижения результата.

В соответствии с § 376 УПК ФРГ прокуратура может предъявить публичное обвинение по делам, указанным в § 374, только при условии наличия общественного интереса. При рассмотрении дел частного обвинения участие прокурора не является обязательным. Однако суд вправе направить

материалы дела в прокуратуру, если сочтет целесообразным передачу уголовного преследования органам публичного обвинения.

Наряду с этим § 377 УПК ФРГ предусматривает возможность принятия прокуратурой уголовного производства на любой стадии процесса до вступления приговора в законную силу посредством соответствующего официального заявления. Следует отметить, что немецкое уголовно-процессуальное законодательство не содержит детального указания на основания, по которым органы публичного обвинения могут вступить в производство по делу, инициированному частным обвинителем. УПК РК, в отличие от УПК ФРГ в ч. 4 ст. 32 закрепляет, правомочие прокурора начинать либо продолжать производство по делу частного и частно-публичного обвинения и при отсутствии жалобы потерпевшего.

В современном уголовно-процессуальном законодательстве Франции, важное место занимает учение об исках. Разграничение публичного и гражданского исков как двух способов защиты общества и личности от преступления, появилось еще в средневековых ордонансах 1532 г. и 1670 г. [33, с. 331] и на сегодняшний день УПК Франции 1958 г. содержит вводную часть, которая именуется «О публичном и гражданском исках» (ст. 1 - 10) [60]. Стоит также отметить, что во французской системе правосудия сложилась фактическая монополия государственного обвинения (прокуратуры) [61, с. 141-154]. То есть, законодательство Франции предоставляет потерпевшему право на доступ к правосудию, однако, оставляет за собой монополию уголовного преследования, исходя из принципа его целесообразности.

Как отмечает О.Ю. Шумилина, предоставление потерпевшему права на осуществление обвинения во французском уголовном процессе не сводится лишь к защите частных интересов. Выполняя контрольную функцию за деятельностью публичной власти, подобная конструкция позволяет государству одновременно обеспечивать защиту нарушенного преступлением частного интереса и содействовать реализации публичных интересов уголовного правосудия [62, с. 6].

Нельзя однозначно согласиться с данной точкой зрения. На наш взгляд, частное обвинение во Франции как отдельный институт все-таки существует. Он образует интересное сочетание гражданского иска и частного обвинения в одном комплексном институте. И на это указывает тот факт, что публичный иск - это средство, предоставленное французским законодателем обществу и государству для возмещения ущерба, нанесенного преступлением. Гражданский иск, по своей сущности близкий к жалобе потерпевшего, содержащей требование о возбуждении уголовного преследования, представляет собой процессуальную форму реализации частным лицом права на защиту своих личных прав и интересов. При этом право на доступ к правосудию в рамках публичного обвинения реализуется уполномоченным государственным органом - прокуратурой, тогда как в случае обращения с гражданским иском соответствующая инициатива исходит от частного обвинителя.

Гражданский иск в данном случае нельзя рассматривать только с точки зрения цивилистики. Это обусловлено тем, что в немецком уголовном процессе нет такой процессуальной фигуры как потерпевший. Лицо, которое считает, что преступлением нарушены его права, даже, если не имеет каких-либо имущественных притязаний, должно подать гражданский иск для того, чтобы стать участником процесса. После подачи иска оно становится гражданским истцом. В случаях, когда производство по делу начинает прокурор в рамках подачи публичного иска, пострадавшее лицо становится свидетелем.

Английское право относится к системе общего права (common law) и часто его называют прецедентным правом (case law). Вместе с тем М.К. Сулейменов обращает внимание на некорректность подобного подхода, указывая, что соответствующая позиция не в полной мере отражает правовую природу рассматриваемого явления. Он отмечает, что, конечно, прецедентное право составляет подавляющую часть английского права. Создавалось поначалу английское право судами, которые при рассмотрении дел руководствовались местными обычаями. Со временем, отмечает ученый, решения судов (прецеденты) становились обязательными при рассмотрении всех аналогичных дел нижестоящими судами. Однако, наряду с общим прецедентным правом (common law) в Англии сложилось и действует прецедентное право справедливости (law of equity) [63, с. 6-7].

В Англии давно существует обычная практика для пострадавших от преступлений инициировать уголовное преследование [64, с. 499]. Право человека на возбуждение частного обвинения в британском уголовном процессе представляется как важное конституционное право на защиту «от бездействия властей» [65]. В английской правовой литературе, высказываются различные точки зрения относительно необходимости существования в уголовном процессе этого феномена. Так, А.Л. Престидж считает, что история частного обвинения определяется не его возникновением, а скорее его упадком. Система уголовного правосудия в средневековой Англии, отмечает автор, была основана на предположении, что ответственность за сохранение мира и наказание правонарушителей лежит на каждом члене общества.

Первоначально не существовало специальных органов, осуществляющих уголовное преследование и самого механизма судебного преследования за уголовные преступления, а скорее оно представляло из себя инициативу частных граждан [66, с. 109]. Профессиональная полиция в Англии была создана в 1829 году и в этой связи произошло ослабление частного обвинения и усиление публичного, поскольку полиция приобрела функции следователя и прокурора. По мнению автора, только в 1985 году в Великобритании была создана полноценная система государственного обвинения [66, с. 109]. Видимо, автор связывает этот момент с принятием Закона о преследовании преступлений (Prosecution of Offences Act) 1985 г. [67, с. 109]

Действительно, если обратиться к Правилам уголовного судопроизводства [68], которые являются основным правовым актом,

регламентирующим порядок уголовного преследования, то мы увидим, что в них отсутствует стадия досудебного расследования.

Таким образом, английское частное обвинение - это преследование, осуществляемое частным лицом или организацией, а не органом уголовного преследования, имеющим законные полномочия его осуществлять. Например, таким как Королевская прокурорская служба (Crown Prosecution Service). Это государственный орган в Англии и Уэльсе, который осуществляет уголовное преследование.

Право на возбуждение частного обвинения закреплено в статье ст. 6 (1) Закона о преследовании преступлений (Prosecution of Offences Act) 1985 г. [67] В указанном Законе содержится прямое указание на то, что любое лицо вправе начать и осуществлять уголовное преследование, если оно не подпадает под обязательства Генерального прокурора осуществлять его ведение. Однако, пункт (2) данной статьи предусматривает, что Генеральный прокурор по делам частного обвинения вправе осуществлять контроль за ведением дела на любом этапе его рассмотрения. В некоторых случаях частный обвинитель должен запросить согласие Генерального прокурора до начала разбирательства.

В случаях, когда Королевская прокурорская служба решает, что принятие частного обвинения для продолжения его ведения является целесообразным, то, если нет исключительных обстоятельств, она должна направить частному обвинителю и обвиняемому письменное уведомление с объяснением причин принятия решения.

Частный обвинитель не обязан информировать Королевскую прокурорскую службу о том, что он инициировал частное обвинение. Сведения об этом факте поступают в Королевскую прокурорскую службу, если частный обвинитель, либо лицо, в отношении которого начато частное обвинение обращаются с требованием о начале публичного обвинения, Также информация может быть направлена судьей в виде отчета или когда CPS узнает о частном обвинении из других источников, например, из доклада прессы. При этом, узнав о начале процесса частного обвинения CPS имеет право запросить материалы дела от частного обвинителя, который обязан их предоставить.

После рассмотрения материалов дела CPS может взять на себя и продолжить частное обвинение, когда в этом возникает особая потребность (например, в случае большого общественного резонанса дела).

На сегодняшний день в Великобритании отсутствует официальная централизованная, полнотекстовая и исчерпывающая статистическая база данных, отражающая количество дел частного обвинения. Вместе с тем, анализ нормативных актов, судебных инструкций и справочных материалов, размещенных на официальном правительственном портале https://www.gov.uk, позволил выявить отдельные категории правонарушений, по которым производство может осуществляться в частном порядке.

Согласно Правилам уголовного судопроизводства 2020 года (Criminal Procedure Rules 2020 and Criminal Practice Directions 2023) [69], частный обвинитель должен заполнить официальное обвинение либо выдать ордера в

соответствии с разделом 1 Закона о магистратских судах 1980 года (Magistrates' Courts Act 1980) [70].

Таким образом, английский уголовный процесс, как и уголовное судопроизводство Республики Казахстан, при выборе варианта частного преследования предоставляет лицам, пострадавшим от преступлений, преимущества. В производстве по делам частного обвинения заявитель не связан необходимостью ожидать начала расследования со стороны полиции либо органов уголовного преследования. Такая процессуальная конструкция предоставляет частному обвинителю возможность самостоятельно инициировать судебное разбирательство, что позволяет сократить сроки рассмотрения дела и уменьшить сопутствующие финансовые затраты по сравнению с традиционной процедурой уголовного преследования.

В английской научной литературе нередко высказываются мнения о том, что публичное обвинение, осуществляемое государственными органами, в Великобритании постепенно вытеснило частное обвинение. Однако, британские исследователи выступают за сохранение института частного обвинения по всем уголовным делам [71].

В американской системе уголовного правосудия жертвы преступлений также наделены правом на осуществление частного обвинения. Однако, несмотря на то, что это обычное явление в Англии, не все американские штаты допускают данный вид уголовного преследования. Они разрешают частным обвинителям участвовать наряду с прокурором по уголовным делам, при условии, что прокурор является ключевой фигурой обвинения и контролирует этот процесс.

Сегодня рассмотрение дел частного обвинения без прямого участия государственного обвинения чаще всего встречается в судах ограниченной юрисдикции. В законе не указана та категория дел, в которых могут участвовать частные обвинители. Однако, их использование наиболее распространено при рассмотрении серьезных правонарушений. Суды допускают такое участие в этих делах, поскольку потерпевший проявляет большую заинтересованность в обеспечении осуждения, и государственному обвинителю может потребоваться дополнительная помощь.

Некоторые штаты фактически разрешают частные обвинителям участвовать при рассмотрении всего дела без посторонней помощи или участия государственного прокурора.

Согласно результатам исследования, проведенного ученым Эммой Кофман (Emma Kaufman), представленным в статье «The Past and Persistence of Private Prosecution» [71], в ряде юрисдикций США сохраняется возможность участия частных лиц в инициировании уголовного преследования.

В частности, в штате Род-Айленд частные лица вправе возбуждать уголовные дела по любому виду проступка. В Нью-Гэмпшире граждане могут предъявлять обвинения по деяниям, наказуемым исключительно штрафом. В Оклахоме прелюбодеяние является уголовно наказуемым деянием, и инициировать преследование может как пострадавший супруг, так и любое

лицо, выражающее возражение против совместного проживания лиц в условиях «явного и открытого прелюбодеяния» [71].

Как установлено в исследовании, эти примеры иллюстрируют институт частного уголовного преследования в его узком понимании. Вместе с тем, в более широком трактовании, включающем случаи, когда частные лица могут участвовать в качестве сообвинителей, действующих с одобрения окружного прокурора, или представлять свои дела перед большим жюри - такая практика предусмотрена еще примерно в двадцати штатах. Кроме того, в семи штатах допустимо и самостоятельное преследование частным лицом всех видов преступлений [71]. При этом, как подчеркивает исследователь, данная форма участия гражданских лиц не может рассматриваться как полностью частная, поскольку она требует формального одобрения государственных органов.

Для разрешения стоящих перед нами задач важное значение имеет рассмотрение некоторых особенностей регулирования института частного обвинения в уголовно-процессуальном законодательстве государств постсоветского пространства. Их историческая и правовая общность, сформировавшаяся в результате длительного периода функционирования в рамках единой правовой системы, обуславливает наличие схожих структур уголовного процесса, в том числе и в части регулирования частного обвинения. Подобный анализ позволяет выявить наиболее рациональные правоприменительные решения, одновременно предотвращая формальное заимствование зарубежных правовых конструкций и обеспечивая учет национально-правовых особенностей.

В действующем законодательстве особенности порядка производства по делам частного обвинения, обусловлены, прежде всего, меньшей общественной опасностью, и потому потерпевший вправе сам решить, обращаться ли ему за защитой своих прав и законных интересов в суд, или разрешить их без вмешательства государственных органов [72]. Следовательно, производство в порядке частного обвинения охватывает ограниченный круг уголовных правонарушений, доля которых в общей структуре преступности остается сравнительно незначительной.

1. *Против личности:*

- *Уголовный кодекс Российской Федерации*: ч. 2 ст. 20 УПК РФ. Это дела о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УК РФ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ч. 1 ст. 116.1 УК РФ (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость) [73];

- *Уголовный кодекс Республики Беларусь*: ст. 153 УК РБ (Умышленное причинение легкого телесного повреждения), ч. 1 ст. 170 УК РБ (Понуждение к действиям сексуального характера), ст. 177 УК РБ (Разглашение тайны усыновления (удочерения), ч. 1 ст. 178 УК РБ (Разглашение врачебной тайны), ст. 185 УК РБ (Принуждение), ч. 1 ст. 202 УК РБ (Нарушение неприкосновенности жилища и иных законных владений граждан), ч. 1 ст. 203

УК РБ (Нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных или иных сообщений) [74];

- *Уголовный кодекс Республики Узбекистан*: ч. 1 ст. 105 УК РУ (Умышленное средней тяжести телесное повреждение), ст. 109 УК РУ (Умышленное легкое телесное повреждение), ч. 1 ст. 110 УК РУ (Истязание), ст. 111 УК РУ (Причинение по неосторожности средней тяжести или тяжкого телесного повреждения), ч. 1 ст. 118 УК РУ (Изнасилование), ч. 1 ст. 119 УК РУ (Насильственное удовлетворение половой потребности в противоестественной форме), ч. 1 ст. 121 УК РУ (Понуждение лица к вступлению в половую связь), ст. 136 УК РУ (Принуждение женщины к вступлению в брак или воспрепятствование к вступлению в брак), ч.ч. 1, 2 ст. 139 УК РУ (Клевета), ч.ч.1,2 ст. 140 УК РУ (Оскорбление), ч. 1 ст. 141.1 УК РУ (Нарушение неприкосновенности частной жизни), ст. 141.3 УК РУ (Разглашение сведений, ущемляющих честь и достоинство личности и отражающих интимные стороны жизни человека) и ст. 149 УК РУ (Нарушение авторских или изобретательских прав) [75];

- *Уголовный кодекс Республики Таджикистан:* ст. 112 УК РТ (Умышленное причинение легкого вреда здоровью), ст. 116 УК РТ (Побои), ч.ч. 1, 2 ст. 156 УК РТ (Нарушение авторских и смежных прав) [76];

- *Уголовный кодекс Азербайджанской Республики:* ст. 147 УК АР (Клевета), ст. 148 УК АР (Оскорбление), ст. 165.1 УК АР (Нарушение авторских или смежных прав) и ст. 166.1 УК АР (Нарушение изобретательских и патентных прав) [77].

2. Против собственности:

- *Уголовный кодекс Республики Беларусь*: ч. 1 ст. 216 УК РБ (Причинение имущественного ущерба без признаков хищения).

Отдельного внимания заслуживает анализ законодательства Республики Армения, поскольку категории дел частного обвинения, закрепленные в уголовном законодательстве этого государства, существенно отличаются от аналогичных, предусмотренных в УПК других республик.

Уголовный кодекс Республики Армения предусматривает, что на основании уголовного иска лица, пострадавшего от преступления предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 167 УК РА (Причинение здоровью вреда средней тяжести), ч. 1 ст. 168 УК РА (Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии сильного душевного волнения), ч. 1 ст. 169 УК РА (Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего противоправное посягательство), ч. 1 ст. 170 УК РА (Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны), ч. 1 ст. 171 УК РА (Причинение легкого вреда здоровью), ст. 172 УК РА (Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности), ст. 173 УК РА (Причинение вреда средней тяжести здоровью по неосторожности), ч. 1 ст. 178 УК РА (Заражение вирусом иммунодефицита человека по неосторожности), ч. 1 ст. 180 УК РА

(Заражение инфекцией, передающейся половым путем, по неосторожности), ч. 1 ст. 182 УК РА (Оставление в опасности), ч. 1 ст. 194 УК РА (Психическое воздействие), ч.1 ст. 195 УК РА (Физическое воздействие), ч. 1 ст. 227 УК РА (Нарушение авторских и смежных прав), ч. 1 ст. 228 УК РА (Нарушение патентного права), ч. 1 ст. 253 УК РА (Грабеж), ч. 1 ст. 254 УК РА (Кража), ч. 1 ст. 255 УК РА (Мошенничество), ч. 1 ст. 256 УК РА (Хищение вверенного имущества), ч. 1 ст. 257 УК РА (Компьютерное хищение), ч. 1 ст. 259 УК РА (Причинение имущественного ущерба путем обмана, злоупотребления доверием или иным незаконным способом), ч. 1 ст. 262 УК РА (Незаконное подключение к трубопроводам природного газа, нефти, воды или электрической сети, или средствам телекоммуникации или электронной коммуникации, или незаконное изменение показаний приборов, предусмотренных для их измерения, или нанесение вреда их нормальной работе), ч. 1 ст. 263 УК РА (Незаконное использование имущества другого лица), ч. 1 ст. 264 УК РА (Уничтожение или повреждение имущества), ст. 265 УК РА (Неисполнение и недобросовестное исполнение обязанности по хранению или охране имущества), ст. 266 УК РА (Завладение имуществом, вышедшим из владения лица), ч. 1 ст. 341 УК РА (Нарушение требований по обеспечению безопасности движения или правил, обеспечивающих безопасность движения или эксплуатации воздушного, водного, железнодорожного, магнитного (магнитопланного), канатного транспорта или метрополитена) и ч. 1 ст. 342 УК РА (Нарушение требований по обеспечению безопасности дорожного движения или правил обеспечивающих безопасность дорожного движения или эксплуатации транспортных средств) [78].

На наш взгляд, отнесение законодателем Республики Армения такого количества составов преступлений к категории дел частного обвинения является достаточно спорным, поскольку в данный перечень включены преступления, по которым почти всегда требуется проведение досудебного расследования (например, ч. 1 ст. 253 УК РА (Грабеж), ч. 1 ст. 254 УК РА (Кража), ч. 1 ст. 255 УК РА (Мошенничество), ч. 1 ст. 256 УК РА (Хищение вверенного имущества), ч. 1 ст. 257 УК РА (Компьютерное хищение) и др.). Поскольку концепция института частного обвинения предусматривает возложение обязанности по поддержанию обвинения (уголовного иска) на частного обвинителя, то в данном случае потерпевший по данной категории уголовных дел, в большинстве случаев, не обладающий специальными юридическими знаниями, окажется в весьма затруднительном положении, осуществляя процесс доказывания.

Судопроизводство по делам частного обвинения обладает рядом процессуальных особенностей, обусловленных спецификой самих преступлений, преследуемых в порядке частного обвинения. К числу основных особенностей дел этой категории необходимо отнести возбуждение дел только по заявлению (УПК РФ, УПК РБ, УПК РТ), жалобе (УПК РУ, УПК АР) потерпевшего. Согласно УК Республики Армения поводом для начала

производств в порядке частного обвинения является подача потерпевшим уголовного иска.

Подводя итог вышеизложенному, полагаем возможным формулирование следующих основных выводов.

1. В целом, частное обвинение достаточно развито в уголовно-процессуальном законодательстве и демонстрирует наличие как общих характеристик, так и специфических особенностей.

Уголовно-процессуальные кодексы государств постсоветского пространства, несмотря на сохраняющуюся общность правовой культуры и профессиональных традиций юридического сообщества, демонстрируют различный подход к регулированию института частного обвинения. Законодатели по-разному определяют круг уголовных правонарушений, по которым производство осуществляется в частном порядке, в одних случаях расширяя, а в других - сужая его. Наряду с этим в некоторых правовых системах допускается вмешательство правоохранительных органов в производство по делам данной категории, тогда как в иных юрисдикциях их участие либо ограничено, либо полностью исключено.

2. Значимым механизмом обеспечения защиты прав потерпевшего является закрепление правопреемства в праве на инициирование производства по делам частного обвинения. Эффективным, на наш взгляд, является правило в законодательстве ФРГ, когда в случае смерти частного обвинителя право на подачу жалобы переходит его супругу(е) и детям, а при их отсутствии – родителям. В случае же отсутствия у заявителя и тех и других, обладателями указанного правомочия становятся братья, сестры и внуки § 77 (1) УК ФРГ.

Следует отметить, в основном, одинаковый подход в этом вопросе и в УПК стран постсоветского пространства (УПК РФ, РБ, РТ).

Считаем, что аналогичное правило должно быть закреплено в УПК РК с четко регламентированной процедурой с целью исключения затруднения его реализации.

3. Законодательства ряда зарубежных стран предусматривает различные механизмы и процедуры для предотвращения злоупотреблений со стороны частных обвинителей при подаче жалоб частного обвинения.

Так, УПК ФРГ возлагает на частного обвинителя обязанность внести залог, который выступает в качестве финансовой гарантии возмещения возможных расходов обвиняемого, возникающих в связи с участием в процессе. Размер и срок внесения залога определяются судом с учетом конкретных обстоятельств дела. При этом законодатель предусматривает возможность освобождения от данной обязанности, если потерпевший обращается к государству за юридической помощью.

Законодательство Франции для предотвращения злоупотребления наделяет следственного судью, которому направляется жалоба, правом обязать лицо, ее подавшее, под страхом недопустимости принятия жалобы внести на депозит соответствующего суда определенную сумму платежа.

Подобное регулирование, на наш взгляд, отражает общую тенденцию уголовного процесса этих стран к строгому обеспечению процессуального равновесия между сторонами, а также к минимизации риска необоснованного привлечения лица к уголовному преследованию по инициативе частного обвинителя.

Статистические данные, представленные в подразделе 3.2 диссертационного исследования, свидетельствуют о значительном объеме процессуальных отказов в принятии жалоб, а также о существенной доле обращений, не преодолевающих первичную формальную проверку суда. Подобная картина позволяет предположить наличие случаев недобросовестного обращения к механизму частного обвинения, в том числе в рамках межличностных конфликтов. Дополнительным косвенным индикатором подобного «конфликтного» использования института может служить невысокий процент дел, завершающихся вынесением приговора (см. Таблицу 6 «Количество принятых судами жалоб по делам частного обвинения за 2025 г.»).

В этой связи, на наш взгляд, внедрение элементов германской модели может способствовать сбалансированию интересов сторон и разгрузке судов.

4. Эффективным элементом уголовно-процессуального регулирования, закрепленным в УПК ФРГ, является стадия обязательных примирительных процедур. Обоснованность их обязательного учета в уголовном процессе ФРГ подтверждаются нормативным регулированием. Так, в соответствии с § 153a УПК ФРГ (Strafprozessordnung, StPO) прокурор обладает правомочием на приостановление и прекращение уголовного преследования в случаях примирения обвиняемого с потерпевшим и полностью возмешает причиненный вред [79]. Указанные действия сторон обуславливают включение механизма смягчения наказания, либо исключают его назначение (§ 46a УК ФРГ (Strafgesetzbuch, StGB)) [80].

Представляется целесообразным рассмотрение возможности имплементации данной нормы в национальное законодательство с целью снижения нагрузки на судебную систему. Обращение сторон к процедурам медиации позволяет выработать такие варианты урегулирования конфликта, которые в рамках исключительно судебного разбирательства, опирающегося на нормы права, зачастую недостижимы. Специфика дел частного обвинения заключается в их преимущественно бытовом характере, что делает использование медиации наиболее рациональной альтернативой судебному разрешению и способствует развитию данного института.

2 Современные проблемы институционализации частного обвинения

2.1. Частное обвинение как объект правового регулирования и научного исследования

Институт частного обвинения – один из специфических механизмов, который предоставляет потерпевшему право быть инициатором уголовного преследования, и поддерживать обвинение в суде без обязательного участия прокурора. Данное обстоятельство приобретает особую значимость, поскольку в сфере уголовного судопроизводства рассматриваемый институт наглядно отражает механизм соотнесения и согласования публичных интересов государства с частными интересами личности.

Актуальность исследования частного обвинения обусловлена рядом факторов. Во-первых, в условиях роста числа дел, имеющих бытовой и межличностный характер, государственные органы правосудия объективно заинтересованы в разгрузке судов за счет применения альтернативных способов разрешения конфликтов. Во-вторых, институт частного обвинения выступает важным правовым инструментом обеспечения доступа к правосудию для потерпевших по категориям дел, не представляющим значительной общественной опасности, но имеющим существенное значение для защиты их прав и интересов.

Как объект правового регулирования частное обвинение является предметом активного научного дискурса, в рамках которого исследуются вопросы его сущности, правовой природы и целесообразности сохранения в уголовном судопроизводстве.

Процедура расследования, рассмотрения и разрешения уголовного дела должна реально обеспечивать свободный доступ к правосудию. Право каждого на свободный доступ к правосудию закреплено в ст. 8 Всеобщей декларации прав человека [81], в ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [82], в ст. 14 Международного Пакта о гражданских и политических правах [83] и других международно-правовых документах.

В Республике Казахстан право каждого на судебную защиту своих прав и свобод закреплено в п. 2 ст. 13 Конституции Республики. Также в п. 3 ст. 12 УПК РК зафиксирована норма о том, что «государство обеспечивает каждому доступ к правосудию».

Уголовно-процессуальная форма, обеспечивая развитие и движение уголовного дела, должна предусматривать не только нормативное закрепление последовательности процессуальных действий, а также оснований, условий, порядка и сроков их осуществления. Ее содержание предполагает также функционирование эффективной системы контроля, направленной на проверку законности, обоснованности и своевременности как совершаемых процессуальных действий, так и принимаемых в ходе производства по делу процессуальных решений.

В связи с этим одним из ключевых требований, закрепленных в международных стандартах в сфере правосудия, выступает обеспечение права на надлежащую и законную процедуру рассмотрения и разрешения дела. Реализация данного принципа направлена на гарантирование соблюдения прав участников уголовного процесса, а также на обеспечение справедливого и эффективного осуществления уголовного судопроизводства [84, с. 80].

Однако на практике недостаточно четко разработан эффективный механизм правовой защиты лиц, пострадавших от уголовных правонарушений. Интересы их выражаются в потребности в защите жизненно важных для их ценностей - обеспечение доступа к правосудию и возмещение вреда, причиненного уголовным правонарушением.

В исковой модели частного обвинения юридически значимы не только права частного обвинителя как инициатора уголовного иска, но и корреспондирующие права лица, в отношении которого данный иск предъявлен. В случае неподтверждения обвинения процесс должен обеспечивать механизмы реабилитации и компенсации вреда, причиненного незаконным уголовным преследованием.

В случае вынесения оправдательного приговора либо прекращения уголовного дела по реабилитирующим основаниям у лица возникает право на реабилитацию. Данное право влечет наступление комплекса правовых последствий, включая восстановление ранее нарушенных прав и законных интересов, а также возмещение причиненного имущественного ущерба, компенсацию морального вреда и иные предусмотренные законом формы восстановления правового положения реабилитированного лица (в пределах и порядке, установленных УПК и разъясненных судебной практикой). Общее направление такого подхода раскрывается в научной литературе как разграничение: реабилитация - это публичная реституция статуса, а возмещение вреда - ее важный, но не единственный элемент [85, с. 128].

Актуальность темы подтверждается и общей динамикой судебной практики. По официально озвученным итогам 2025 года число оправдательных приговоров выросло (причем в сообщениях отдельно оговаривается, что статистика приводится без учета дел частного обвинения), что подчеркивает практическую значимость механизмов реабилитации и компенсации вреда как системной гарантии [86]. Таким образом, в модели частного обвинения реабилитация выполняет функцию «баланса диспозитивности»: чем больше частная инициатива влечет публичные процессуальные последствия для привлекаемого лица, тем более значимы процедуры восстановления прав при необоснованном обвинении.

Важным практическим вопросом в частном обвинении также является - кто несет финансовые последствия процесса, если обвинение не подтверждено. В Казахстане он решается через институт процессуальных издержек и их взыскания.

Верховный Суд Республики Казахстан прямо фиксирует специальный подход к частному обвинению [87]. По делам частного обвинения

распределение процессуальных издержек зависит от исхода производства. В случае вынесения оправдательного приговора суд вправе возложить полностью либо частично судебные расходы на лицо, по инициативе которого было возбуждено дело. В случае прекращения уголовного дела по основанию примирения сторон обязанность компенсировать процессуальные издержки возлагается на подсудимого как на лицо, в отношении которого осуществлялось уголовное преследование. Вместе с тем при отказе частного обвинителя от поддержания предъявленного обвинения и вынесении судом решения о прекращении производства по делу законодатель предусматривает возможность возложения судебных расходов на самого частного обвинителя - полностью либо в определенной части по усмотрению суда с учетом обстоятельств дела.

Нормативное постановление ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13 [88] разъясняет последствия поддержания обвинения в суде. Исходя из особенностей института частного обвинения, риск неблагоприятного исхода процесса в определенной мере лежит на инициаторе уголовного преследования. В этой связи судья обязан разъяснить ему, что в случае постановления оправдательного приговора либо прекращения дела по основаниям, свидетельствующим о неподтверждении обвинения, на него может быть возложена обязанность по возмещению судебных издержек.

Такое разъяснение имеет принципиальное значение для обеспечения осознанности процессуального волеизъявления частного обвинителя и соответствует общим началам уголовного судопроизводства, включая принципы состязательности, равенства сторон и справедливости распределения процессуальных расходов. Более того, оно выполняет превентивную функцию, предупреждая злоупотребление правом на обращение в суд и стимулируя добросовестное использование механизма частного обвинения как формы реализации права на доступ к правосудию.

Статистика за 2025 г. указывает на наличие в судебной практике оправдательных приговоров по делам частного обвинения - 167, однако их доля ниже по сравнению с количеством осужденных лиц – 253. По итогам рассмотрения дел сумма процессуальных издержек составила 9 958 727 тенге., из них 3000 тенге. в доход государства. Сумма, взысканная в фонд компенсации потерпевшим, составила 4 796 356 тенге. Таким образом, объем процессуальных издержек по данной категории дел относительно невелик, а механизм компенсации вреда потерпевшим через Фонд компенсации реально функционирует, что подтверждается фактом взыскания почти 4,8 млн тенге [89].

Правоприменительная практика показывает, что усилия правоохранительных органов концентрируются на расследовании преимущественно тяжких и особо тяжких преступлений, отличающихся высокой общественной опасностью. Уголовное преследование такого рода уголовных правонарушений, как правило, осуществляется в публичном и частно-публичном порядке. В этих случаях предпринимаются все возможные

пределах сформулированного требования и направлена на защиту прав личности [123, с. 233].

Существенным проявлением исковой природы производства по делам частного обвинения М.Ю. Жирова видит в характере процессуальных действий сторон в судебном разбирательстве, где инициатива и поддержание обвинения сосредоточены в руках частного лица. При этом частное начало трактуется как самостоятельное направление уголовно-процессуальной деятельности, функционирующее во взаимосвязи с официально закрепленным публичным началом уголовного судопроизводства [124, с. 293].

В рамках концепции исковой природы частного обвинения представляется необходимым разграничить три самостоятельные, но взаимосвязанные правовые конструкции: уголовный иск (частно-обвинительное требование), гражданский иск в уголовном процессе и требование о возмещении вреда в порядке реабилитации.

В рамках института частного обвинения уголовный иск следует рассматривать как выраженное в установленной уголовно-процессуальным законом форме требование лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, адресованное суду как органу государственной власти. Содержание такого требования заключается в признании факта совершения противоправного деяния, публичном подтверждении причинения вреда и привлечении виновного лица к уголовной ответственности.

Правовая природа уголовного иска носит карательно-правовой характер, поскольку его предмет включает не только установление факта противоправного поведения, но и достижение уголовно-правового результата. Последний выражается в вынесении обвинительного приговора либо в принятии иного судебного решения, свидетельствующего о доказанности и обоснованности предъявленного обвинения.

В отличие от уголовного иска, гражданский иск в уголовном процессе имеет компенсационную направленность. Его предметом является взыскание имущественного вреда, компенсация морального вреда либо возмещение иных убытков, причиненных уголовным правонарушением. Гражданский иск не преследует цели привлечения к уголовной ответственности; он ориентирован на восстановление нарушенного субъективного права потерпевшего посредством имущественной компенсации. При этом гражданский иск в уголовном процессе сохраняет самостоятельность по своему предмету и основаниям, отличаясь от уголовного иска как по целевой направленности (компенсация вместо карательного результата), так и по юридической природе (гражданско-правовое требование в рамках уголовно-процессуальной формы).

Вопросы реабилитации и компенсации вреда лицам, незаконно подвергнутым уголовному преследованию, занимают особое место в системе гарантий прав личности в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан. Комплексное исследование данной проблематики представлено в монографии С.Н. Бачурина [125], а также в ряде научных публикаций автора, посвященных

критериям, размерам и процессуальному механизму компенсации морального вреда [126; 127].

С.Н. Бачурин последовательно исходит из конституционной природы института реабилитации, связывая его с положениями ст. 1 Конституции Республики Казахстан о признании человека, его прав и свобод высшей ценностью государства [125, с.3]. Особое внимание автор уделяет условиям и основаниям возникновения права на реабилитацию, разграничивая юридический факт оправдательного приговора или прекращения дела по реабилитирующим основаниям и волеизъявление самого лица на реализацию права на возмещение вреда [128, с.44].

Таким образом, проведенное разграничение уголовного иска, гражданского иска в уголовном процессе и требования о возмещении вреда в порядке реабилитации позволяет сформулировать принципиальный теоретический вывод о многоуровневой природе частного обвинения как института, сочетающего диспозитивные и публичные начала.

Уголовный иск в делах частного обвинения представляет собой особую форму реализации права на доступ к правосудию, посредством которой частное лицо инициирует публичную судебную процедуру с карательно-правовым результатом. Гражданский иск, будучи встроенным в уголовный процесс, дополняет уголовный иск компенсационной функцией, обеспечивая восстановление нарушенных имущественных и неимущественных прав потерпевшего.

Одновременно институт реабилитации наглядно обозначает границы реализации принципа диспозитивности в делах частного обвинения. При вынесении оправдательного приговора либо прекращении уголовного дела по реабилитирующим основаниям характер процессуального взаимодействия существенно изменяется: частноправовой конфликт между сторонами трансформируется в плоскость публично-правовой ответственности государства за неправомерное осуществление уголовного преследования. Инициирование производства по воле потерпевшего не устраняет обязанность государства обеспечивать защиту личности от необоснованного обвинения и гарантировать соблюдение принципа законности.

Закрепленные на конституционном уровне широкие возможности интерпретации положений Конституции Республики Казахстан об основных правах и свободах гражданина и человека применительно к целям и задачам уголовного процесса путем их законодательного закрепления в рамках надлежащей отрасли права, определяют институт реабилитации как механизм восстановления нарушенных прав и возмещения причиненного вреда и придают ему важное значение в уголовном процессе. Механизм реабилитации следует рассматривать как системное условие легитимности частного обвинения, обеспечивающее баланс частных и публичных интересов при реализации права на судебную защиту.

Иначе говоря, исковая природа частного обвинения раскрывается не только через активность потерпевшего, но и через корреспондирующую

обязанность государства обеспечить баланс интересов сторон, включая восстановление прав лица, подвергшегося необоснованному уголовному преследованию.

Частное обвинение представляет собой самостоятельный институт уголовно-процессуального права, характеризующийся особой конструкцией правового регулирования. Его специфика обусловлена включением в процессуальный механизм признаков, традиционно присущих исковой форме защиты права, прежде всего - диспозитивного начала. Указанная диспозитивность проявляется в закрепленной законом возможности лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, по собственной инициативе инициировать уголовное преследование, определять содержание и пределы обвинения, давать юридическую оценку деянию причинителя вреда, а также распоряжаться дальнейшим движением дела. В частности, потерпевший вправе отказаться от поддержания обвинения либо реализовать примирительную модель завершения процесса, что влечет прекращение производства по делу в установленном законом порядке.

С точки зрения теории деятельности, частное обвинение в уголовном процессе Республики Казахстан - это реализующий диспозитивное начало самостоятельный уголовно-процессуальный институт исковой природы, в рамках которого волеизъявление лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, обретает форму уголовного иска - юридического требования в условиях особой правовой процедуры о публичном подтверждении причинения уголовным правонарушением, которое в соответствии с законодательством отнесено к делам частного обвинения.

Таким образом, частно-публичное обвинение в уголовном процессе Республики Казахстан следует квалифицировать как институт комплексной, смешанной правовой природы. Его конструкция предполагает, что инициирование производства по делу ставится в зависимость от выраженной в установленной законом форме воли потерпевшего, тогда как последующая реализация функции уголовного преследования, формирование и поддержание обвинения в судебных стадиях переходят в сферу публичной компетенции государства. Иными словами, диспозитивный элемент проявляется на этапе начала производства по делу, тогда как дальнейшее процессуальное движение приобретает преимущественно публично-правовой характер.

Публичное обвинение - это уголовно-процессуальный институт, в рамках которого инициирование, осуществление и поддержание уголовного преследования осуществляются государством в лице уполномоченных органов независимо от волеизъявления потерпевшего. Данный вид обвинения основан на приоритете публичного интереса в обеспечении законности и охране правопорядка.

2.2 Частное обвинение в условиях внутренней и внешней конвергенции правовых систем

Феномен правовой конвергенции оказывает серьезное влияние на реформирование современного законодательства, в том числе и уголовно-процессуального. В этой связи, понимание особенностей правовой конвергенции, осмысление природы данного явления способствует значительному пониманию возможностей преобразования отечественной правовой системы.

Энциклопедически конвергенция (от лат. convergens – сходящийся) – сближение различных экономических систем, стирание различий между ними, обусловленное общностью социально - экономических проблем и наличием единых объективных закономерностей развития [94, с.338]. В свою очередь, юридическая конвергенция - это процесс взаимодействия между элементами внутри системы права, между правом и иными регуляторами отношений в обществе, а также между правовыми системами различных государств, характеризующийся сближением, увеличением количества связей между элементами сближающихся объектов и степенью согласованности воздействия этих элементов на общественные отношения [129, с. 19].

Для определения особенностей структуры юридической конвергенции как сближения правовых систем, необходимо рассматривать ее как результат процесса глобализации. Большой энциклопедический словарь определяет глобализацию (глобализм) как возрастание роли внешних факторов (экономических, социальных и культурных) в воспроизводстве всех стран - участниц этого процесса, формирование единого мирового рынка (рынков) без национальных барьеров и создание единых юридических условий для всех стран [130, с. 611].

Глобализация как явление международного характера способствует развитию крупных экономических, политических и социальных перемен в новом тысячелетии. За последние полвека силы глобализации ускорялись в развитых странах мирах. При этом, важность глобализации как экономических, политических и социальных связей, объединяющих мир воедино, широко признается.

Ученые и политические деятели согласны с тем, что влияние глобализации в современном мире бесспорно, однако, в научных исследованиях до сих пор ставятся дискуссионные вопросы о том, является ли процесс глобализации положительным или отрицательным явлением; есть кто-нибудь, кто контролирует эти процессы; кто является победителем и проигравшим в фундаментальных преобразованиях, вызванных глобализацией; и какую политику следует проводить перед лицом глобализации? [131]

Международное право всегда реагировало на различные формы глобализации, и в этом смысле глобализация не является совершенно новым явлением и в международном праве. Однако, как и в прошлом, текущая фаза глобализации имеет свои специфические особенности, из которых можно

выделить следующие: развитие информационных технологий; уменьшающаяся фактическая важность национальных границ; и роль суверенного государства [132, с. 14].

Под влиянием процесса глобализации неизбежно происходит преобразование и правовой системы государств [133, с. 9].

Интеграционные процессы, по мнению Ю.А. Гурджи, как проявление глобализации вызывают характерные изменения в национальных системах законодательства, включая: возрастающую роль международных источников права; укрепление тенденции распространения прямой юрисдикции этих документов и соответствующих судебных органов; наконец - адаптацию национальной системы законодательства к законодательству региональной международной структуры, а также приведение отечественного нормативно-правового материала в соответствие с международными стандартами в сфере прав человека. И главное, глобализация проявляет себя в единстве идеологической основы сотрудничества правоохранительных структур на международном уровне; сейчас эта идея - безопасность - постепенно замещает индивидуализм на коллективизм в понимании сущности категории права человека [134, с. 77].

Следовательно, характерной особенностью современного этапа глобализации в демократических правовых системах выступает развитие тенденции к гармонизации и унификации правовых предписаний, направленных на гарантирование и защиту базовых прав и свобод человека. В сфере уголовного судопроизводства данные процессы находят отражение в расширении процессуальных возможностей участников производства, внедрении упрощенных процедур рассмотрения уголовных дел, а также в ужесточении требований к деятельности должностных лиц и усилении их ответственности за неукоснительное соблюдение уголовно-процессуальных норм.

В процессе внутреннего и внешнего взаимодействия правовых систем отдельных государств неизбежно происходит трансформация национальной правовой системы. Эта трансформация, как правило, происходит посредством трех правовых процессов: гармонизации, конвергенции и аппроксимации [135, с. 110].

При анализе сближения уголовно-процессуального законодательства в литературе (прежде всего, англо- и немецкоязычной) можно встретить разнообразные термины: гармонизация (harmonisation, Harmonisierung), унификация (unification, Vereinheitlichung), конвергенция (convergence, Konvergenz), кодификация (codification, Kodifizierung). Авторы не всегда делают разграничение между этими терминами [136, с. 97]. Так, указывается, что гармонизация уголовного права и уголовного процесса не есть унификация, а лишь сближение составляющих различных уголовных юрисдикций и создание общих правовых рамок [137, с. 61].

Гармонизация, сближение национальных систем уголовного судопроизводства влияет на все направления сотрудничества государств в сфере уголовного процесса [138, с. 284].

Поиск сбалансированной модели соотношения интересов личности и государства объективно обусловлен необходимостью дальнейшей модернизации уголовно-процессуального законодательства и его адаптации к современным требованиям обеспечения прав и свобод человека. Одним из факторов, способствующих эффективному регулированию общественных отношений, в том числе и в уголовном процессе является юридическая конвергенция.

В контексте развития и сближения правовых систем современности конвергенция стала изучаться в последнее время довольно активно. Новизна суждений современных теоретиков права о юридической конвергенции состоит, как нам представляется, в интерпретации положений теории конвергенции - теории схождения, исторического сближения и слияния двух противоположных общественных систем, социализма и капитализма, возникшей в 50-60-х г.г. XX в.

Рассматривая проблему правовой конвергенции как процесса постепенного сближения публично- и частноправовых начал, - С.С. Алексеев подчеркивал, что наблюдаемое внешнее взаимопроникновение этих сфер не исчерпывает сущности происходящих изменений. По его мнению, речь идет не просто о формальном пересечении институтов, а о более глубинных трансформациях, затрагивающих саму структуру и «материю» права, его конструктивные основы. Именно эти системные процессы, изменяющие внутреннюю организацию правового регулирования, и могут быть охарактеризованы как правовая конвергенция [139, с. 515].

Особую значимость в русле проведенного нами исследования приобретает суждение данного автора о том, что развитие современного гражданского общества, центром которого является человек и его неотъемлемые права, отчетливо прослеживается в сфере публичного права. Независимо от особенностей формы правления и модели государственного устройства, развитие демократических институтов сопровождается формированием сходных по своей сущности правовых режимов. Такие режимы основываются на признании народовластия, обеспечении свободных и конкурентных выборов, институциональном разграничении властных полномочий, а также приоритете прав и свобод человека и гражданина. Тем самым, демократизация публичной власти приводит к выработке универсальных юридических стандартов, которые направлены на обеспечение гармоничного соотношения между интересами государства и самостоятельностью личности, что находит отражение в механизмах правового регулирования различных отраслей права [140, с. 516].

Так, к пониманию сущности частного права, С.С. Алексеев подходит с точки зрения наличия презумпции идентичности. Из его суждения вытекает, что несмотря на несмотря на различия исторического пути развития правовых

систем, концептуальных научных подходов и особенностей правоприменительной практики, нередко принимаются сходные решения одних и тех же социальных проблем, вплоть до совпадения в деталях правового регулирования [139, с. 517].

Современные теоретики права рассматривают юридическую конвергенцию как динамичный процесс и одновременно - итог взаимодействия национальных правовых систем, а также различных элементов самой правовой системы, т.е. норм права и законодательства, нормативных и ненормативных регуляторов, юридических и иных социальных предписаний. Сущность данного явления проявляется в их постепенном сближении и усилении взаимосвязанности, то есть в повышении степени когерентности правового регулирования [129, с. 34]. В той или иной редакции эта мысль все чаще сопровождает изыскания в области отраслей права.

Проблема взаимодействия правовых систем, как указывают М.Г. Тирских, О.Т. Аббасов, должна быть определена как одна из основополагающих в контексте правильного понимания развития правовых систем современности, а сближение отдельных правовых систем – как магистральный путь развития права в общемировом масштабе. И далее они отмечают: «В настоящее время процессы глобализации (экономической, политической, культурно-идеологической) мира достигли пределов, при которых очевидной становится необходимость сближения правовых норм различных государств, регулирующих сходные общественные отношения. Таким образом, глобальный характер (распространенность в большинстве стран мира) многих общественных отношений стал своеобразным толчком для сближения правовых систем отдельных государств» [135, с. 109].

Современное уголовно-процессуальное право Республики Казахстан, несомненно, идет по пути сближения с правом других правовых систем. И доказательством этому является УПК РК 2014 года. Так, например, отказ от стадии возбуждения уголовного дела, является образцом западной модели уголовного процесса. В УПК РК закреплен такой институт западного уголовного процесса, как «сделка» («соглашение») между прокурором и подозреваемым, обвиняемым (подсудимым).

В США таким образом заканчивается 95% дел. Положительным в национальном уголовно-процессуальном законодательстве также является внедрение института судебного контроля за досудебным расследованием, который осуществляется следственным судьей. В данном случае налицо французская модель досудебного производства и т.д.

Безусловно, без всестороннего изучения опыта зарубежных стран трудно выработать оптимальную модель уголовно-процессуального регулирования общественных отношений в Республике Казахстан и привести их в соответствие с международно-правовыми стандартами.

С другой стороны, если говорить о внутренней конвергенции национальной правовой системы, то речь идет о конвергенционных процессах в виде обмена частными и публичными элементами различных отраслей права.

Ярким примером такого процесса, на наш взгляд, является институт частного обвинения в уголовном процессе.

Таким образом, наше обращение к рассмотрению указанного института в условиях внутренней и внешней конвергенции правовых систем связано, прежде всего, с тем, что, во-первых, есть необходимость в научных основах определения пределов такого регулирования; во-вторых, установлении формы правового регулирования. Оба аспекта между собой тесно взаимосвязаны.

В доктрине уголовно-процессуального права сформировался подход, предполагающий сопоставление института частного обвинения с исковой моделью гражданского судопроизводства. Такой методологический прием позволяет выявить общие конструктивные элементы, связанные с инициативой стороны, диспозитивностью и процессуальной автономией участников.

Ранее данный аспект уже затрагивался при анализе историко-правовых предпосылок становления частного обвинения, а также при рассмотрении позиций дореволюционных и советских процессуалистов. Однако и на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки вопрос о соотношении частного обвинения и исковой формы производства сохраняет теоретическую и практическую значимость, требуя дальнейшего осмысления с учетом трансформации принципов уголовного судопроизводства.

Основным тезисом указанного подхода является утверждение, что частное обвинение – это уголовный иск, т.е. средство проявления диспозитивности в уголовном процессе, суть которого заключается в реализации частным обвинителем права на защиту от тех видов уголовных правонарушений, которые отнесены законодателем к делам частного обвинения.

Как известно, диспозитивность первоначально сформировалась в сфере гражданско-правовых и гражданско-процессуальных правоотношений, но в процессе реформирования системы казахстанского права, в основе которого лежит концепция органичного соотношении публичных и частных начал в уголовном процессе, диспозитивность обрела свое влияние и в сфере уголовно-процессуальных отношений.

В юридической литературе довольно часто излагаются точки зрения о возможности сближения на современном этапе частного и публичного права.

Так, академик НАН РК М.К. Сулейменов пишет, что «…границы между публичным и частным правом не являются гранитными и незыблемыми. Они, напротив, чрезвычайно подвижны, что зачастую связано с историческими и социально экономическими условиями. В одни периоды усиливалось влияние публичного права, в другие – частного… Таким образом, происходит взаимопроникновение методов и принципов публичного и частного права» [140, с. 8-9]. Профессор А.Г. Диденко считает, что «основными видами сочетания публично-правовых и частно-правовых элементов являются, во-первых, включение в механизм гражданско-правового регулирования публичных элементов в качестве юридических фактов, предусмотренных гражданско-правовыми нормами, и, во-вторых, включение в гражданское

законодательство публичных норм, непосредственно предусматривающих частно-правовые последствия» [141, с. 106].

Развивая идею сближения публично- и частноправовых начал, С.В. Скрябин указывает на тенденцию расширения сферы действия частноправовых элементов в тех общественных отношениях, которые традиционно относятся к области публичного права [142, с. 36]. С.П. Мороз отмечает, что абсолютных частно-правовых или публично-правовых отраслей права не существует, так как каждая отрасль права содержит частно-правовые и публично-правовые нормы (элементы) [143, с. 16]. На наш взгляд, институт частного обвинения в уголовном процессе является ярким примером взаимопроникновения частного и публичного права, поскольку его правовую природу как уголовного иска определяет диспозитивное начало.

А.В. Демин рассматривает диспозитивность как юридический феномен, присущий всем отраслям права без исключения - как частным, так и публично-правовым [144, с. 94]. При этом автор обращает внимание на то, что в сфере публичного права применение диспозитивных начал носит ограниченный характер, поскольку здесь приоритет отдается императивному регулированию и защите публичных интересов [144, с. 96-97].

На наш взгляд, это абсолютно верно, поскольку диспозитивность в уголовном процессе распространяется лишь на узкий круг правоотношений, а именно на дела частного и частно-публичного обвинения, производство по которым начинается только по жалобе потерпевшего.

В своих исследованиях А.А. Александров рассматривает диспозитивность в уголовном судопроизводстве как многоуровневое правовое явление. По его мнению, она выражается, с одной стороны, в возможности сторон распоряжаться правом на уголовный иск, что отражает материальный аспект диспозитивности. С другой стороны, диспозитивность проявляется в свободе осуществления процессуальных прав, включая полномочия в сфере доказывания, исходя из собственных процессуальных интересов участников [115, с. 7].

Тем самым подчеркивается, что диспозитивное начало охватывает как содержание притязания, так и способы его процессуальной реализации, формируя пространство автономии сторон в пределах установленных законом процедурных рамок.

Данную научную позицию поддерживает и И.С. Дикарев, который проводит разграничение между материальной и процессуальной диспозитивностью. Материальная диспозитивность, по его мнению, выражается в праве участников распоряжаться предметом уголовного процесса - обвинением, а также материально-правовым требованием, возникающим в связи с рассмотрением гражданского иска в уголовном деле. Процессуальная же диспозитивность проявляется в предоставлении участникам уголовного судопроизводства и другим заинтересованным субъектам процессуальных средств защиты их личных, охраняемых или представляемых интересов. Хотя реализация таких прав не предполагает распоряжения предметом уголовного

процесса, она может существенно влиять на динамику и результаты уголовного судопроизводства [110, с. 12].

В.В. Хатуаева определяет диспозитивность в уголовном процессе как «деятельности частного лица по защите своих законных личных интересов, от которой зависит ход уголовного судопроизводства и мера должного поведения должностных лиц правоохранительных органов в возникающих уголовно-процессуальных отношениях» [145, с. 12]. Тем самым подчеркивается, что диспозитивное начало выступает фактором, способным определять направление развития уголовно-процессуальных отношений, а также корректировать пределы активности публичных субъектов в зависимости от реализуемых частным лицом процессуальных прав.

Мы разделяем подход, согласно которому в уголовно-процессуальном праве реализуется внутренняя конвергенция, т.е. происходит сближение и взаимопроникновение норм уголовного процесса и отраслей частного права. Однако, на наш взгляд, проникновение частного права в публичную сферу должно быть ограничено.

Частное обвинение, таким образом, - яркий пример действия частного начала в уголовном судопроизводстве. При этом закон устанавливает границы, определяющие правовые последствия волеизъявления конкретного лица в уголовном процессе.

Согласно теории конвергенции, помимо внутренней выделяют и внешнюю конвергенцию. Вопрос о частном обвинении в условиях внешней конвергенции правовых систем также является концептуально важным и значимым. И в этом смысле традиционное представление о внешней конвергенции национальной уголовно-процессуальной правовой системы представляет собой процесс ее сближения с иными правовыми системами.

Внешняя конвергенция может строиться на двухстороннем, региональном, либо международном уровне [146, с. 55].

В современных условиях понимание процессов глобального мирового взаимодействия в сфере правового регулирования сводится к признанию и уважению на государственном и межгосударственном уровне прав человека. В условиях интеграции в международное правовое пространство Республика Казахстан ориентируется на адаптацию национального законодательства к международным стандартам обеспечения прав и свобод человека, включая регулирование уголовно-процессуальных отношений. Внесенные законодательные изменения направлены на оптимизацию процедур расследования, сокращение излишних процессуальных барьеров и повышение оперативности уголовного судопроизводства. Одновременно данные новеллы ориентированы на укрепление процессуальных гарантий лиц, вовлеченных в уголовный процесс, обеспечивая более эффективную защиту их прав и свобод [147, с. 84].

До недавнего времени в науке и на практике, как правило, чаще говорили о защите прав подозреваемых, обвиняемых от произвола правоохранительной системы, не уделяя достаточного внимания положению потерпевшего, не

учитывая приоритетные интересы граждан, пострадавших от уголовного правонарушения.

Конвергенция уголовно-процессуального права Республики Казахстан с международным правом и через него с правом многих других государств, признающих права человека в вопросах регулирования отношений, складывающихся в сфере раскрытия, расследования и рассмотрения уголовных дел, наиболее ярко была отражена в Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года.

Концепция связывала успешную реализацию приоритетных национальных проектов, решение актуальных общественно-значимых задач не только с собственным опытом и практикой, но и со сближением и заимствованием отвечающих национальным интересам институтов из других, пусть традиционно не свойственных для нас правовых систем, доказавших на деле свою эффективность и способствовавших модернизации национального права [148]. Гарантии в виде правовых механизмов или отдельных процедур, а именно упрощения порядка осуществления досудебного производства являются наиболее эффективным средством достижения направления совершенствования уголовного судопроизводства.

В свете рассматриваемого вопроса в Концепции имеется целый раздел, посвященный юридической конвергенции в виде соответствия условий внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности международным стандартам и международному сотрудничеству в целом. В рассматриваемой сфере в условиях глобализационных процессов и усиления значения международно-правового регулирования обозначены перспективы дальнейшего совершенствования национальной нормативной базы с целью ее согласования с международными обязательствами и общепризнанными стандартами. Вместе с тем гармонизация внутреннего законодательства с международными правовыми требованиями осуществляется с учетом национальных интересов и стратегических приоритетов развития Республики Казахстан, что предопределяет приоритет внутренней правовой политики при адаптации международных норм.

Важным элементом, обеспечивающим защиту прав потерпевшего, является правопреемство частного обвинителя, поскольку, в том случае, когда лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения не может лично участвовать в уголовном процессе, например, в случае смерти, или в случае утраты способности осознанно выражать свою волю в результате уголовного правонарушения виновного лица это гарантирует, что его интересы будут защищены и уголовное преследование будет продолжено.

В подразделе 1.3 мы уже упоминали об эффективности правила, закрепленного в законодательстве ФРГ, когда в случае смерти частного обвинителя право на подачу жалобы переходит его супругу(е) и детям, а при их отсутствии – родителям. В случае же отсутствия у заявителя и тех и других, обладателями указанного правомочия становятся братья, сестры и внуки (§ 77

(1) УК ФРГ). Данного подхода придерживаются и УПК Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Таджикистан.

Соглашаясь с законодательством этих государств, считаем, что аналогичное правило должно быть закреплено и в УПК РК. В этой связи предлагаем ввести норму о правопреемстве на подачу жалобы частного обвинения и продолжении преследования. Статью 72 УПК РК предлагаем дополнить текстом следующего содержания: «В случае смерти частного обвинителя право на подачу жалобы переходит к его правопреемникам - близким родственникам, супругу (супруге) умершего или утратившего способность осознанно выражать свою волю в результате уголовного правонарушения».

Данное предложение основано на том, что дела частного обвинения концептуально строятся на инициативе и процессуальном распоряжении со стороны потерпевшего: именно он инициирует обвинение, поддерживает его и, как правило, определяет судьбу конфликта через отказ от обвинения или примирение [149, с. 48]. Однако на практике возникает проблемный аспект правового регулирования, а именно - выбытие потерпевшего (в т.ч. в случае смерти), утрата им процессуальной дееспособности, невозможность продолжать обвинение. Согласно ч. 1 ст. 413 УПК РК производство частного обвинения подлежит прекращению в связи со смертью частного обвинителя, кроме случаев, когда близкие родственники потерпевшего либо подсудимый настаивают на рассмотрении дела. При этом п. 16 Нормативного постановления ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13 предусматривает, что в случае смерти потерпевшего до обращения им с жалобой в суд уголовное дело частного обвинения не подлежит возбуждению по заявлениям его родственников, поскольку действующее законодательство не закрепляет за ними правопреемство в осуществлении уголовного преследования [88]. На наш взгляд, указанное требование снижает согласованность модели частного обвинения с началом диспозитивности и автономии воли, потому что частный уголовно-правовой конфликт прекращается вопреки интересам потерпевшей стороны.

В российской модели частного обвинения прямо предусмотрено, что в случае смерти потерпевшего уголовное дело возбуждается путем подачи заявления его близким родственником (ч. 2 ст. 318 УПК РФ) [73], что фактически является частным случаем правопреемства на входе в процедуру. Таким образом, это решение является компромиссом, в результате которого частный характер конфликта сохраняется (инициатива остается на стороне потерпевшей стороны/ее правопреемника), а вмешательство государства не становится «обязательной заменой».

Кроме того, современная научная дискуссия все чаще настаивает, что процессуальные права умершего потерпевшего должны переходить к близким родственникам/близким лицам (а не «растворяться»), поскольку речь идет о защите частного интереса и доступа к правосудию [150].

В диссертационном исследовании М.А. Гаврилова правопреемство анализируется как самостоятельный уголовно-процессуальный механизм, а применительно к частному обвинению формулируется идея расширить круг правопреемников (не ограничиваясь только «близкими родственниками») и обеспечить им возможность получить статус частного обвинителя при выбытии исходного субъекта [151, с.14].

Тем самым современная доктрина предлагает не «заменять» частное обвинение публичным, а институционально продолжать частное обвинение через правопреемника - как более бережный к частной автономии способ. Если процедура изначально допускает, что потерпевший распоряжается обвинением (инициирует, поддерживает, прекращает через примирение/отказ), то выбытие потерпевшего не должно автоматически разрушать саму диспозитивную конструкцию. Логика диспозитивности требует продолжения частной инициативы там, где это возможно и не противоречит публичным интересам. Именно поэтому правопреемство здесь выполняет функцию процессуальной непрерывности частного интереса, а не подмены его государственным усмотрением.

В делах частного обвинения государство должно вмешиваться минимально - лишь для гарантии процедурной справедливости и защиты уязвимых лиц. Если же круг правопреемников чрезмерно узок, правовая система фактически подталкивает к двум крайностям: прекращение дела в связи с формальным выбытием потерпевшего при сохранении частного интереса семьи, близких лиц; расширение участия государства (в т.ч. через прокурорский механизм), хотя конфликт по природе остается частным. Правопреемство, на наш взгляд, напротив, позволяет удержать процедуру в частной сфере, не расширяя при этом государственную сверх необходимого.

Ярким примером внешней конвергенции процессуальных норм является институт медиации, внедренный, в частности, в УПК РК. Этот альтернативный способ разрешения уголовно-правовых конфликтов заимствован национальным законодателем из современного уголовного процесса Европейских стран.

Казахстанские ученые С.П. Мороз, С.Ю. Романовская, констатируя признание медиации при разрешении споров самого широкого круга, отмечают применение этого альтернативного способа при разрешении сложных многосторонних конфликтов в коммерческой и публичной сфере [152, с. 110].

С.А. Акимбекова, Г.Л. Нуртаева, В. Капацина, рассматривая медиацию как стратегию урегулирования, в свою очередь, указывают, что переговорный процесс основывается на интересах сторон, лежащих в основе их позиций, и завершается заключением соглашения. В современных условиях многие европейские компании предпочитают альтернативные способы разрешения споров, позволяющие уйти от суда. К их преимуществам относятся продолжительность процедуры, простота, низкие финансовые затраты и конфиденциальность [153, с. 574].

Сегодня медиация является элементом примирения сторон в уголовном процессе Республики Казахстан по делам частного обвинения.

Анализ зарубежной практики показывает, что институт медиации является весьма эффективным, поскольку – это альтернатива для разрешения конфликта между потерпевшим и лицом, совершившим преступление путем их примирения.

Глобальному развитию и правовой унификации в области внесудебного разрешения споров способствовало принятие Типового Закона о международной коммерческой согласительной процедуре (Model Law On International Commercial Conciliation – UNICINTRAL) [154]. В Республике Казахстан Закон «О медиации» был принят 28 января 2011 года [155], вступил в законную силу 6 августа 2011 года. Данный правовой акт закрепил внесудебную процедуру разрешения споров и конфликтов, в том числе касающуюся и сферы уголовно-процессуальных правоотношений.

Аналогичные законодательные акты действуют в ряде государств-участников СНГ.

Генеральная Ассамблея ООН в резолюции «Отправление правосудия в Организации Объединенных Наций» (A/RES/61/261) от 4 апреля 2007 года признала, что неформальное урегулирование конфликтов является одним из ключевых элементов системы отправления правосудия, где центральная роль отведена посредничеству, и подчеркнула необходимость максимально широко использовать неформальную систему с тем, чтобы избежать необязательных судебных разбирательств [156].

В актах рекомендательного характера Комитета министров Совета Европы, посвященных вопросам обеспечения доступа к правосудию и повышения его эффективности и справедливости, подчеркивается целесообразность реализации мер, направленных на упрощение и стимулирование процедур примирения сторон. В частности, указывается на необходимость поощрения использования механизмов мирного урегулирования спора как на досудебной стадии - до принятия дела к производству судом, так и в процессе судебного разбирательства, если это отвечает характеру спора и интересам участников [157].

В соответствии с Рекомендацией № R (99) 19 от 15 сентября 1999 г. Комитета министров Совета Европы, посвященной медиации в уголовных делах, указывается на необходимость усиливать понимание как отдельным человеком, так и местным сообществом в целом их важной роли в предупреждении и сдерживании преступлений, а также в разрешении сопутствующих конфликтов, способствуя этим достижению целей правосудия по уголовным делам более конструктивными и менее репрессивными средствами [158].

В Казахстане медиация как законодательно признанный способ урегулирования в том числе и уголовно-правовых конфликтов – это процедура, которая проводится по взаимному согласию сторон как до суда, так и после его начала, оформляется медиативным соглашением и может влечь прекращение производства по делу в предусмотренных законом случаях. Более того, согласно ч. 3 ст. 20 Закона РК «О медиации» судьи и должностные лица

органов, осуществляющих уголовное преследование, не вправе в какой-либо форме принуждать стороны к медиации [155].

Изменения и дополнения в УПК РК 1997 г., связанные с введением в уголовное судопроизводство института медиации были внесены Законом РК 28 января 2011 года № 402-IV [159].

Новшества заключались в следующем: подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и частному обвинителю было предоставлено право на примирение, в том числе и в порядке медиации.

Указанная практика разъясняется и Верховным Судом РК в Нормативном постановлении «О судебной практике по делам частного обвинения». Среди прочего, подчеркнута возможность примирения сторон, в том числе в порядке медиации как характерная особенность таких дел и процессуальные ориентиры для судьи. При этом, государство ограничило злоупотребления повторным «примирением ради ненаказуемости»: в случае отказа от обвинения и примирения с обвиняемым исключается возможность повторной подачи жалобы о привлечении этого же лица к уголовной ответственности за те же деяния (п. 9).

Анализ состояния медиации в Республике Казахстан по отдельным аспектам на современном этапе по результатам социологического опроса на основе online-опросников в Google-форме за 2021 г. показывает, что медиация является востребованной по уголовным делам и составляет 20,5 % от иных категорий правовых споров [160].

Рассмотрим фрагментарные данные. Так, А. Жамансариева - и.о. председателя районного суда № 2 Алматинского суда города Нур-Султан в 2019 г., рассматривая вопросы реализации пилотного проекта «Примирительные процедуры в судах» приводит иллюстративный пример: в районном суде № 2 Алматинского района г. Нур-Султана в 2019 г. прекращено 132 уголовных дела об уголовных правонарушениях небольшой и средней тяжести на 169 лиц, что составляет 44 % от общего количества дел данной категории (302 уголовных дел на 337 лиц) и 21% от общего числа рассмотренных уголовных дел (639 уголовных дел на 749 лиц). По делам частного обвинения прекращено ввиду примирения сторон 4 уголовных дела, или 19% [161].

Для всесторонней и объективной оценки реального влияния процедуры медиации на разрешение уголовно-правовых конфликтов по делам частного обвинения необходим анализ эмпирических данных, отражающих фактическую практику прекращения уголовных дел с участием медиатора. В этой связи представляется целесообразным обратиться к статистическим показателям, характеризующим количество дел, рассмотренных с участием медиатора и прекращенных в виду примирения сторон с участием медиатора, а также динамику их применения в судебной практике. Обобщенные статистические показатели представлены в Таблице 1 - Количество уголовных дел частного обвинения, рассмотренных с участием медиатора.

Таблица 1 - Количество уголовных дел частного обвинения, рассмотренных с участием медиатора за 2022-2025 гг.

Год	Жалобы, принятые к производству	Рассмотрено с участием медиатора	Прекращено производство в виду примирения с участием медиатора
2022	1251	102	68
2023	1111	68	35
2024	1080	3	2
2025	1021	2	2
Данные взяты из Форм 1 № 1 «Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2022-2025 гг. [89], Форм № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2022-2025 гг. [162]			

Анализ представленных статистических данных свидетельствует об устойчивом снижении числа рассмотренных и прекращенных уголовных дел частного обвинения за примирением сторон с участием медиатора в динамике 2022–2025 гг. По сравнению с 2022 годом абсолютное количество показателей сократилось в 34 раза. Следовательно, на основании приведенных данных можно обоснованно заключить, что рассмотрение и прекращение дел частного обвинения по примирению сторон с участием медиатора имеет выраженную нисходящую динамику, особенно заметную начиная с 2024 года.

На наш взгляд, одной из причин, по которой лица, пострадавшие от уголовных правонарушений не обращаются к медиатору, является необходимость самостоятельно оплачивать процедуру. В соответствии с п.п. 5) п. 2 ст. 21 Закона РК «О медиации» условия, порядок и размер расходов, связанных с проведением медиации, а в случае осуществления медиации на профессиональной основе - выплаты вознаграждения медиатору (медиаторам) за проведение медиации, являются существенным условием договора о медиации, причем, если иное не установлено соглашением сторон, расходы, связанные с проведением медиации, уплачиваются сторонами совместно в равных долях.

Дополнительно, портал электронного правительства Республики Казахстан eGov.kz в разъяснениях указывает, что услуги медиатора являются платными и оплата его работы определяется по соглашению сторон [163].

Результаты опроса представителей судебной системы (38,6 %) в качестве причин, препятствующих развитию процедуры медиации, указали высокую стоимость услуг медиатора, 33,9 % опрошенных считают причинами экономического характера, препятствующих развитию процедуры медиации - отсутствие регулирования стоимости услуг медиатора [164].

В научных публикациях также в качестве факторов, сдерживающих расширение применения медиации, указываются, в том числе и экономические

препятствия – платность услуг медиатора. Так, Е.В. Мицкая, указывая на неразумность возложения на потерпевшего по делу об уголовном проступке обязанности оплачивать медиацию, отмечает в то же время, неэффективность оплаты услуг медиатора только подозреваемым, обвиняемым или подсудимым в силу того, что у потерпевшего может сформироваться впечатление, что медиатор будет уделять больше внимания доводам и предложениям стороны, финансирующей его вознаграждение [165, с. 115]. Автор обосновывает целесообразность введения бесплатной медиации по уголовным делам, полагая, что такая мера способна обеспечить реальное равенство участников криминального конфликта перед законом и устранить зависимость доступа к примирительным процедурам от их материальных возможностей [165, с. 115].

На наш взгляд, полный отказ от платной медиации не является эффективной мерой, поскольку он размывает профессиональные стимулы, ведет к дефициту квалифицированных медиаторов, росту очередей и «бесплатному» спросу низкого качества. Кроме того, отсутствие оплаты услуг медиатора требует стабильного бюджетного финансирования и контроля качества, что в реальных условиях приведет к формализации и снижению уровня услуг, а также доверия и эффективности указанной деятельности.

Приведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что медиация в Республике Казахстан обладает прочной нормативной основой, международным признанием и подтвержденной практической результативностью, в том числе по делам частного обвинения. Вместе с тем фактическая реализация медиативного потенциала в уголовном процессе сталкивается с рядом системных ограничений, носящих не правовой, а организационно-экономический и институциональный характер. К числу таких ограничений относятся фрагментарность статистического учета результатов примирения, низкая информированность участников процесса о возможностях и последствиях медиации, а также финансовые барьеры, препятствующие обращению к медиатору на ранней стадии конфликта.

Подводя итог сказанному, полагаем возможным формулирование следующих основных выводов и предложений.

1. В целях повышения правовой определенности, устранения терминологической разрозненности и снижения количества процессуальных ошибок по делам частного обвинения представляется обоснованным внесение изменений в ЗРК от 28 января 2011 года № 401-IV, дополнив ее ст. 24-1, закрепляющей особенности процедуры медиации по делам частного обвинения.

2. В целях стимулирования профессиональной деятельности медиаторов, предотвращения дефицита квалифицированных специалистов, экономии бюджетных средств и повышения доверия к указанной деятельности необходимо предусмотреть в ст. 24-1 модель «предмедиативной консультации», осуществляемой на бесплатной основе с общественным медиатором.

3. В ст. 2 ЗРК от 28 января 2011 года № 401-IV включить понятие «Предпредмедиативная консультация - В ст. 2 включить понятие

«Предпредмедиативная консультация - это предварительный, информационно-разъяснительный этап, предшествующий началу процедуры медиации, осуществляемый медиатором без проведения переговоров по существу спора и без заключения медиативного соглашения, в целях создания условий для принятия сторонами обоснованного и информированного решения относительно продолжения медиативной процедуры либо ее прекращения при выявлении очевидных правовых или процессуальных рисков».

Такая консультация носит информативный характер, способствует быстрой фильтрации споров, где медиация действительно уместна, и отказ по делам с явными рисками. В рамках «предмедиативной консультации» медиатор разъясняет сторонам принципы медиации (добровольность, равноправие сторон медиации, независимость и беспристрастность медиатора, конфиденциальность), правила общения, рамки возможного соглашения. Сторонами определяются спорные вопросы, пути их решения, сроки и бюджет.

После проведения «предмедиативной консультации» стороны способны принять осознанное решение о продолжении процедуры и вопросах распределения расходов. Таким образом сохраняется рынок профессиональных услуг медиаторов, повышает качество, а государство финансирует именно начальный этап. Чем больше разрешений конфликтов на ранней стадии, тем меньше нагрузки на суды.

4. В силу того, что дальнейшее развитие института медиации по делам частного обвинения не может ограничиваться исключительно расширением нормативных предписаний либо декларативным стимулированием примирительных процедур. Требуется внедрение инструментов, способных обеспечить реальную доступность медиации, снизить транзакционные и информационные издержки для сторон, а также сформировать прозрачную и управляемую среду медиативного взаимодействия, не нарушающую принцип добровольности и равенства сторон. Именно в этой плоскости актуализируется вопрос о целесообразности использования цифровых механизмов как формы институционального обеспечения медиативных процедур в уголовном процессе.

Предложенный нами специализированный информационный сервис по делам частного обвинения, реализованный в формате цифровой платформы **«E-TALAP RK»** (Приложение А) и интеграция специализированного модуля медиации в цифровую платформу представляет собой, на наш взгляд, значимый инструмент совершенствования уголовно-процессуального механизма разрешения конфликтов, обусловленных правонарушениями, преследуемыми в частном порядке. Такой модуль обеспечит практическую реализацию принципов восстановительного правосудия и корреспондирует положениям Закона Республики Казахстан «О медиации», предусматривающего возможность прекращения уголовного преследования на основании соглашения сторон (Приложение Б).

Во-первых, цифровой медиативный модуль обеспечит раннее информирование участников конфликта о правовых последствиях примирения

и процессуальных возможностях прекращения уголовного дела, что способствует формированию осознанного выбора способа защиты нарушенных прав. Наличие краткой юридической справки о допустимости примирения по делам частного обвинения позволит сторонам объективно оценить перспективы судебного разбирательства и альтернативные пути урегулирования спора.

Во-вторых, внедрение механизма «предмедиативной консультации» в цифровом формате будет выполнять функцию первичной фильтрации конфликтов. Предварительное выяснение готовности сторон к примирению (извинения, компенсация вреда, иные формы восстановления нарушенных прав) позволят выявить случаи, в которых уголовно-правовой конфликт может быть разрешен без обращения в суд. Такой подход снижает эмоциональную и процессуальную нагрузку на участников и предотвращает эскалацию конфликтов, не требующих судебного вмешательства.

В-третьих, цифровая медиация обеспечит вариативность и индивидуализацию условий примирения, опираясь на обобщенную судебную практику по делам частного обвинения, в том числе по ст. 131 УК РК. Предложение типовых вариантов урегулирования (удаление оскорбительных материалов, опубликование опровержения, публичные извинения, компенсация морального вреда) способствует формированию правомерных и социально приемлемых соглашений, соответствующих целям уголовного судопроизводства и интересам сторон.

В-четвертых, возможность приглашения ответчика в медиативный цифровой чат создает безопасную и нейтральную коммуникационную среду, исключающую прямое давление и эмоциональное противостояние, характерные для очных конфликтных взаимодействий. Это особенно важно в делах, связанных с оскорблением, где предмет спора часто носит нематериальный характер и связан с репутационным вредом.

В-пятых, цифровой формат медиации обеспечит существенную процессуальную экономию. Разрешение конфликта на основе медиативного соглашения позволяет сторонам избежать длительного судебного разбирательства, сократить временные и эмоциональные издержки, а также снизить нагрузку на судебную систему. При этом достигается восстановление нарушенных прав потерпевшего без применения карательных механизмов уголовного преследования.

Таким образом, внедрение цифрового модуля медиации в структуру специализированного информационного сервиса по делам частного обвинения способствует системному развитию примирительных процедур, повышению эффективности диспозитивного уголовного процесса и реализации приоритета интересов личности, что отвечает современным направлениям реформирования уголовной политики и задачам формирования сервисного и «слышащего» государства.

3 Особенности правоприменительной практики по делам частного обвинения

3.1. Основания и процессуальный режим производства по делам частного обвинения

Для понимания важности частного обвинения как самостоятельного вида уголовного преследования, необходимо сделать акцент на материально-правовых и процессуальных особенностях данного института. Такое обращение к базовым теоретическим положениям позволит более полно раскрыть сущность частного обвинения и определить его место в системе уголовно-процессуальных отношений.

Анализ норм УПК РК позволяет выделить такие основания, к числу которых следует отнести две группы данных:

1) материально-правовые основания, предусмотренные ч. 2 ст. 32 и ч. 1 ст. 33 УПК РК;

2) процессуальные основания, предусмотренные главой 47 УПК РК.

Материально-правовые особенности института частного обвинения выражаются в том, что совершенное уголовное правонарушение по своему составу относится к категории дел, производство по которым зависит от воли лица, пострадавшего от уголовного правонарушения.

Рассмотрение материально-правового аспекта производства по делам частного обвинения является актуальным, поскольку в юридической литературе дискуссионным является вопрос о категориальности уголовных правонарушений по делам частного обвинения.

Вступление в законную силу УПК РК 1997 года привело к заметному расширению круга уголовных дел, по которым уголовное преследование осуществляется в частном порядке. Были включены и преступления, предусмотренные ч.1 ст.120 УК РК (изнасилование), ч. 1 ст. 121 УК РК (насильственные действия сексуального характера), ст. 123 УК РК (понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера), ч. 1 ст. 296 УК РК (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами).

Таким образом, ч. 1 ст. 33 УПК РК 1997 г. гласила, что уголовное преследование может осуществляться в частном порядке по делам о преступлениях, предусмотренных статьями: 105 (умышленное причинение легкого вреда здоровью), 111 (неосторожное причинение вреда здоровью), 112 (угроза), ч. 1 ст. 120 (изнасилование), ч. 1 ст. 121 (насильственные действия сексуального характера), 123 (понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера), 129 (клевета), 130 (оскорбление), 136 (злостное уклонение от уплаты средств на содержание детей, и нетрудоспособных родителей), 140 (злостное уклонение от содержания нетрудоспособного супруга (супруги), 142 (нарушение

неприкосновенности частной жизни), ч.ч. 1, 2 ст. 144 (разглашение врачебной тайны), ч. 1 ст. 145 (нарушение неприкосновенности жилища), ч. 1 ст. 188 (неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества), ч. 1 ст. 296 (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами), ч. 1 ст. 300 (нарушение правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта) Уголовного кодекса Республики Казахстан.

Значительные научные дискуссии вызывал вопрос о целесообразности отнесения к категории дел частного обвинения преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 120 (изнасилование), ч. 1 ст. 121 (насильственные действия сексуального характера), ст. 123 (понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера) УК РК, к делам частного обеспечения.

Так, Г.Ж. Сулейменова отмечала, что действующее регулирование значительно затрудняет обеспечение потерпевшим эффективного доступа к правосудию по таким делам. В частности, автор обращает внимание на то, что в силу требований ч. 2 ст. 390 УПК РК на потерпевшего возлагается обязанность не только указать данные о лице, привлекаемом к ответственности, но и представить доказательства, а также обозначить свидетелей, подлежащих вызову в суд [92].

ЗРК от 5 мая 2000 г. № 47-II ч. 1 ст. 120 УК РК, ч. 1 ст. 121 УК РК, ч. 1 ст. 296 УК РК были исключены из ст. 33 УПК РК, и отнесены к делам частно-публичного обвинения [166].

Кроме того, ЗРК от 9 декабря 2004 г. № 10-III из ч. 1 ст. 33 УПК РК была исключена ст. 112 УК (угроза) [167].

ЗРК от 18 января 2011 г. № 393-IV [168] в статью 33 УПК вновь были внесены изменения, путем исключения преступлений, предусмотренных ст. 105 УК РК (умышленное причинение легкого вреда здоровью); ч. 2 ст. 144 (разглашение врачебной тайны); (ч. 1 ст. 188 УК РК) против собственности (неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества) путем внесения их в Кодекс об административных правонарушениях.

Итак, если первоначально УПК РК 1997 г. к делам частного обвинения относил 16 составов уголовных преступлений, то после всех изменений и дополнений, к моменту принятия УПК РК 2014 г. осталось лишь 10 составов. Тем не менее, круг преступлений, по которым в соответствии с УПК РК 1997 г. производство осуществлялось в частном порядке намного шире перечня дел о преступлениях частного обвинения, предусмотренных уголовно-процессуальными кодексами, действовавшими в Казахстане до принятия этого законодательного акта.

Новый УПК РК от 04 июля 2014 г. первоначально содержал следующий перечень уголовных дел, по которым производство осуществляется в частном порядке: умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 108 УК); побои (ст. 109 УК); истязание (ч. 1 ст. 110 УК); неосторожное причинение вреда здоровью (ч.ч. 1, 2 ст. 114 УК); понуждение к половому сношению,

мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст. 123 УК); клевета (ст. 130 УК); оскорбление (ст. 131 УК); (нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите (ч.ч. 1, 2 ст. 147 УК РК); нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 149 УК РК); (воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий) (ч. 1 ст. 150 УК РК); нарушение авторских и (или) смежных прав (ч. 1 ст. 198 УК); нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем (ч. 1 ст. 199 УК); разглашение врачебной тайны (ч. 1 ст. 321 УК), а также нарушение трудового законодательства Республики Казахстан (ст. 152 УК).

Однако, далее ЗРК от 3 июля 2017 года № 84-VI [169] из перечня дел частного обвинения исключил умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 108 УК) и побои (ст. 109 УК) путем внесения их в Кодекс об административных правонарушениях, а Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» [170] в перечне дел частного обвинения оставил ч.ч. 1, 2 ст. 152 УК РК (нарушение трудового законодательства Республики Казахстан), ч. 3 указанной статьи отнес к делам частно-публичного обвинения.

Далее, ЗРК от 27 декабря 2019 года № 292-VI уголовное правонарушение, предусмотренное ч. 1 ст. 110 (истязание) было исключено из перечня дел частного обвинения и отнесено к делам частно-публичного обвинения [171], что, на наш взгляд, обеспечило усиление защиты потерпевших и было направлено на повышение эффективности уголовного преследования по данному составу.

Сегодня исчерпывающий перечень составов, производство по которым начинается не иначе как по жалобе потерпевшего и подлежит прекращению за примирением его с обвиняемым, подсудимым, закрепленный в ч. 2 ст. 32 УПК РК выглядит следующим образом:

1) уголовные правонарушения против личности - неосторожное причинение вреда здоровью (ч.ч. 1, 2 ст. 114 УК РК), понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ч. 1 ст. 123 УК РК), оскорбление (ст. 131 УК РК);

2) уголовные правонарушения против конституционных и иных прав и свобод человека и гражданина - нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите (ч.ч. 1, 2 ст. 147 УК РК), нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 149 УК РК), воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий (ч. 1 ст. 150 УК РК), нарушение трудового законодательства Республики Казахстан (ч.ч. 1, 2 ст. 152 УК РК);

3) уголовные правонарушения против собственности - нарушение авторских и (или) смежных прав (ч.1 ст. 198 УК РК), нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем (ч. 1 ст. 199 УК РК);

4) медицинские уголовные правонарушения - разглашение тайны медицинского работника (ч. 1 ст. 321 УК РК).

Перечень уголовных правонарушений, приведенный в уголовно-процессуальном законе, отнесенных к делам частного обвинения, свидетельствует о поэтапном и неоднородном характере изменений уголовно-процессуального законодательства Республики Казахстан, осуществлявшихся на протяжении длительного периода времени. Многократное изменение круга соответствующих составов, их перераспределение между частным, частно-публичным и публичным обвинением, а также декриминализация отдельных деяний обусловили существенную усложненность нормативного материала и затрудняют его восприятие при изложении исключительно в текстовой форме.

В целях удобства исследования указанных изменений, обеспечения их наглядности и систематизации, а также для более четкого отражения хронологии и содержания законодательных трансформаций, представляется целесообразным обобщить данные сведения в табличной форме. Таблица 2 - Сравнительный анализ составов уголовных правонарушений, отнесенных к делам частного обвинения, в УПК РК 1997 г. и УПК РК 2014 г., на наш взгляд, позволяет сопоставить различные редакции уголовно-процессуального закона, отразить динамику количественного и качественного состава дел частного обвинения и тем самым повысить логическую стройность и аналитическую убедительность проведенного исследования.

Таблица 2 - Сравнительный анализ составов уголовных правонарушений, отнесенных к делам частного обвинения, в УПК РК 1997 г. и УПК РК 2014 г.

УПК РК 1997 г.	Внесенные изменения	УПК РК 2014 года	Внесенные изменения
Ст.105 УК (умышленное причинение легкого вреда здоровью)	Исключена Законом РК № 393-IV от 18 января 2011 г.	Умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 108 УК)	Исключена Законом РК № 84-VI от 3 июля 2017 г.
		Побои (ст. 109 УК)	Исключена Законом РК № 84-VI от 3 июля 2017 г.
		Истязание (ч. 1 ст. 110 УК)	Исключена Законом РК № 292-VI от

			27 декабря 2019 г.
Ст.111 УК (неосторожное причинение вреда здоровью)		Неосторожное причинение вреда здоровью (ч.ч. 1, 2 ст. 114 УК)	
Ст.112 УК (угроза)	Исключена Законом РК № 10-III от 9 декабря 2004 г.		
Ч. 1 ст. 120 (изнасилование)	Исключена Законом РК № 47-II от 5 мая 2000 г.		
ч. 1 ст. 121 УК (насильственные действия сексуального характера)	Исключена Законом РК № 47-II от 5 мая 2000 г.		
Ст.123 УК (понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера)		Понуждение к половому сношению, мужеложству, лесбиянству или иным действиям сексуального характера (ст. 123 УК)	В редакции Закона Республики Казахстан от 1 апреля 2019 года № 240-VI ЗРК – ч.1 ст.123 УК РК.
Ст.129 УК (клевета)		Клевета (ст. 130 УК)	Исключена Законом РК № 349-VI ЗРК от 26 июня 2020 г.
Ст.130 УК (оскорбление)		Оскорбление (ст. 131 УК)	
Ст.136 УК (злостное уклонение от уплаты средств на			

содержание детей, и нетрудоспособных родителей)			
		Нарушение неприкосновенности частной жизни и законодательства Республики Казахстан о персональных данных и их защите (ч.ч. 1, 2 ст. 147 УК РК)	
Ст.140 УК (злостное уклонение от содержания нетрудоспособного супруга (супруги)			
Ст.142 УК (нарушение неприкосновенности частной жизни)			
Ч.ч. 1, 2 ст. 144 УК (разглашение врачебной тайны)	Исключена Законом РК № 393-IV от 18 января 2011 г.	Разглашение врачебной тайны (ч. 1 ст. 321 УК)	В редакции Закона РК от Закона РК от 07 июля 2020 г. - Разглашение тайны медицинского работника (ч.1 ст.321 УК)
Ч. 1 ст. 145 УК (нарушение неприкосновенности жилища)		Нарушение неприкосновенности жилища (ч. 1 ст. 149 УК РК)	
		Воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе	

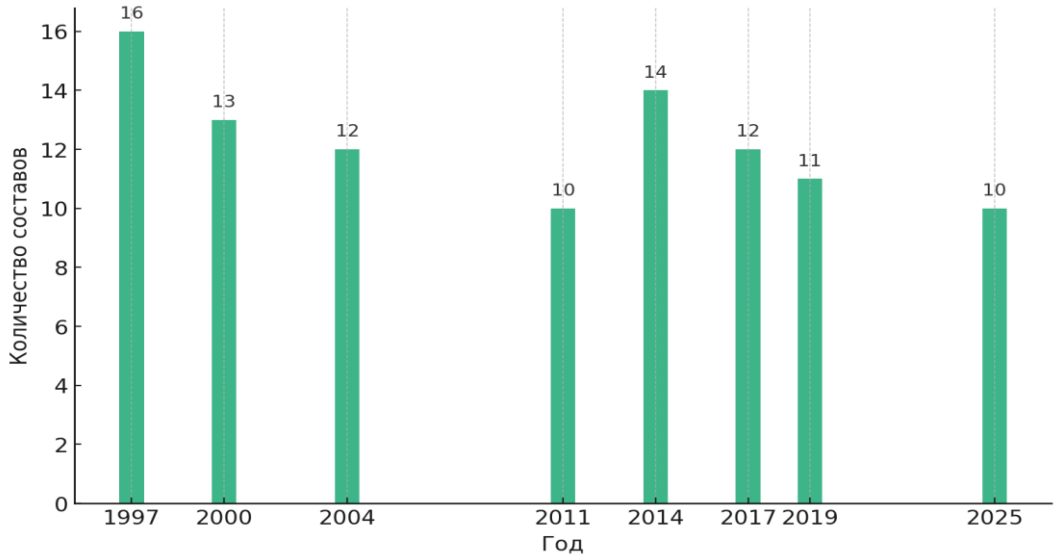
		избирательных комиссий) (ч. 1 ст. 150 УК РК)	
		Нарушение трудового законодательства Республики Казахстан (ст. 152 УК)	В редакции Закона РК № 180-VI от 12 июля 2018 г. - ч.ч. 1, 2 ст. 152 УК РК.
		Нарушение авторских и (или) смежных прав (ч. 1 ст. 198 УК)	
		Нарушение прав на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения или топологии интегральных микросхем (ч. 1 ст. 199 УК)	
Ч. 1 ст. 188 УК (неосторожное уничтожение или повреждение чужого имущества)	Исключена Законом РК № 393-IV от 18 января 2011 г.		
Ч. 1 ст. 296 УК (нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств лицами, управляющими транспортными средствами)	Исключена Законом № 47-II от 5 мая 2000 г.		
Ч.ч. 1 ст. 300 УК (нарушение правил,			

обеспечивающих безопасную работу транспорта)			

Диаграмма 2 - Динамика количества дел частного обвинения по годам (1997-2025 гг.) отражает динамику количественного перечня составов уголовных правонарушений, отнесенных к производству в порядке частного обвинения, в контрольных точках 1997-2025 г.г. фиксируется устойчивый нисходящий тренд при краткосрочных колебаниях: 16 (1997 г.), 13 (2000 г.), 12 (2004 г.), минимум 10 (2011 г.), временный подъем до 14 (2014 г.), далее последовательное снижение - 12 (2017 г.), 11 (2019 г.) и 10 (2025 г.).

Перечень составов сократился на 6 позиций, что составляет 37,5% к уровню 1997 г., что свидетельствует о постепенном сужении нормативного количества дел частного обвинения.

Диаграмма 2 - Динамика количества дел частного обвинения по годам (1997-2025 гг.)



Проведенный анализ показывает, что законодатель окончательно не может определиться с составами уголовных правонарушений, производство по которым должно осуществляться в частном порядке. На наш взгляд, такая ситуация во многом связана с объективным противоречием между двумя фундаментальными началами уголовного судопроизводства - охраной частных прав и интересов личности и обеспечением публичных интересов общества и государства.

Как отмечают С.К. Журсимбаев и Е.С. Кемали, законодатель стремится сохранить баланс между диспозитивностью, предполагающей свободу потерпевшего в инициировании и поддержании обвинения, и принципом публичности, ориентированным на защиту интересов общества в целом [172, с. 95].

С точки зрения науки уголовного процесса, частное обвинение является выражением диспозитивных начал уголовного процесса, которые заключаются в свободе участников распоряжаться своими правами в пределах закона. Однако, практика показывает, что предоставление потерпевшему исключительного права поддержания обвинения может привести к злоупотреблениям или к недостижению задач уголовного судопроизводства. Именно этим, на наш взгляд, обусловлено отнесение одних составов к делам частного обвинения и последующий их перевод в категорию частно-публичного преследования. Законодатель находится в состоянии постоянного поиска баланса между индивидуальной автономией потерпевшего и задачами уголовной политики государства. В результате законодательные колебания становятся закономерным следствием неустойчивости доктринальных и политико-правовых ориентиров.

В юридической литературе вопрос декриминализации побоев и умышленного причинения легкого вреда здоровью стал дискуссионным.

ЗРК от 3 июля 2017 года № 84-VI [169] глава 10. Административные правонарушения, посягающие на права личности Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях была дополнена ст. 73-1 (Умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ст. 73-2 (Побои). В свою очередь, российский законодатель, включив в КоАП РФ ст. 6.1.1 («Побои»), обогатил УК РФ очередным случаем административной преюдиции в виде ст. 116.1 («Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию») [173, с. 18].

В тот период на страницах научных журналов развернулась полемика по этому вопросу. Так, д.ю.н., профессор С.М. Рахметов в своей статье отмечал, что декриминализация этих деяний привела к ощущению послабления ответственности у семейных дебоширов и спровоцировала рост правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений: уже в следующий год их зарегистрированное число увеличилось более чем вдвое, а в 2019 году негативная динамика продолжилась [174, с. 133].

По оценке автора, двухлетняя практика после реформы показала ошибочность решения об исключении статей 108 и 109 УК РК: была подорвана политика «нулевой терпимости» к семейно-бытовому насилию, и снижен превентивный потенциал уголовного закона. В качестве корректировки профессор С.М. Рахметов предлагал восстановить уголовную ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои, вернув соответствующие нормы в УК и предусматривая в их санкциях в качестве альтернативы не арест, а лишение свободы.

Он подчеркивал, что такие посягательства преимущественно совершаются в семейно-бытовой сфере, и по степени общественной опасности превосходят оскорбление, хотя преступлениями не признаются. При этом за оскорбление (ст. 131 УК) сохраняется уголовная ответственность, тогда как за избиение лицо несет лишь административное наказание. Такая

несоразмерность, по мысли автора, нарушает принцип справедливости [174, с. 133].

В свою очередь, Р.С. Мельник и Ф.А. Галицкий, анализируя проблемы нормативного основания юридической ответственности за побои, высказываются что «существующее положение дел в части нормативной конструкции побоев представляется не только несовершенным, но и опасным (в контексте высокого риска нарушения прав лиц, привлекаемых к ответственности). Существенные опасения вызывает у авторов также и практика привлечения к ответственности за данный проступок, поскольку проведенный анализ отдельных дел позволяет говорить о наличии большого количества нарушений в этой сфере [175].

Свою точку зрения Р.С. Мельник и Ф.А. Галицкий обосновывают тем, что статистика за пять лет фиксирует устойчивый рост побоев: от 7 270 дел по ст. 73-2 КоАП в 2019 г. до 16 580 в 2023 г. В таких условиях, по мнению авторов, их криминализация неизбежно увеличит число лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, но одно ужесточение наказаний едва ли резко сократит насилие; нужен широкий комплекс мер с акцентом на профилактику и психологическую коррекцию поведения правонарушителей [175].

Некоторые казахстанские судьи, апеллируя к высокой распространенности дел по ст. 108 УК РК (умышленное причинение легкого вреда здоровью) и ст. 109 УК РК (побои), так же обосновывали целесообразность их декриминализации и определения административно-правового режима, то есть возвращения соответствующих деяний в сферу административных правонарушений.

Так, судья Восточно-Казахстанского областного суда Г.А. Алипанова отмечала, что не представляется обоснованным использовать механизм уголовного судопроизводства для разрешения затяжных конфликтов между соседями, основанных на оспариваемых фактах оскорбления, а равно и для урегулирования ситуаций взаимного причинения супругами легкого вреда здоровью и аналогичных случаев. Согласно ее позиции, уровень общественной опасности подобных деяний не соответствует тем негативным последствиям, которые влечет их вовлечение в сферу уголовного судопроизводства [176].

Аналогичной позиции придерживалась и Генеральная Прокуратура Республики Казахстан. По мнению, заместителя Генерального Прокурора И. Меркеля, данная мера позволит помочь женщинам, подвергающимся домашнему насилию [177].

Среди российских ученых одни высказывают мнения об эффективности декриминализации побоев как действенного инструмента пресечения и профилактики этого правонарушения [178, с. 166]. Другие, напротив, отмечают, что «..такие менее опасные виды насильственных действий со временем приобретают весьма тяжелые криминальные формы, влекут безнаказанность и наступление более тяжких последствий в виде причинения средней тяжести или тяжкого вреда здоровью человека либо даже смерти при систематичности и особой жестокости этих деяний» и выступают против многократного

реформирования уголовного законодательства в этом направлении, т.к. оно препятствует планомерному противодействию нанесения побоев [179, с.36].

ЗРК от 15 апреля 2024 года № 72-VIII [180] УК РК дополнен статьями 108-1(Умышленное причинение легкого вреда здоровью) и 109-1 (Побои). Так же Законом РК от 15 апреля 2024 г. № 72-VIII внесены изменения в УПК РК, в результате чего ч. 3 ст. 32 была дополнена указанием на статьи УК РК 108-1 (ч. 1) и 109-1 (ч. 1); тем самым побои и умышленное причинение легкого вреда здоровью отнесены к делам частно-публичного обвинения.

В Досье на проект Закона указано, что в Республике Казахстан после исключения в 2017 г. из Уголовного кодекса статей, предусматривавших ответственность за умышленное причинение легкого вреда здоровью и побои, количество зафиксированных случаев домашнего насилия увеличилось более чем в 2 раза. Причем каждый год наблюдается тенденция к росту вышеуказанных инцидентов.

Статистика домашнего насилия в 2021 году показывает, что только 40% обращений в полицию доходят до суда, а из дошедших до суда только 39% обвиняемых получают наказание в виде административного ареста, который длится от двух часов до трех суток. Современное состояние борьбы с бытовым насилием не способствует ни большей защите прав потерпевшей стороны, ни предотвращению повторного насилия со стороны агрессора [180].

Мы вполне солидарны с позицией законодателя. На наш взгляд, «менее опасные» формы насилия нередко запускают эскалационную спираль, переходя в причинение вреда средней тяжести, тяжкого вреда или даже смерти при систематичности и особой жестокости. Исключительно административная реакция формирует ощущение безнаказанности и подрывает принцип неотвратимости ответственности, особенно в семейно-бытовой среде с высокой виктимологической уязвимостью.

Кроме того, многократная декриминализация разрушает стабильность правового регулирования и препятствует планомерной профилактике. Закрепление побоев в УК создает предсказуемую правоприменительную рамку (единые квалификационные признаки, возможность процессуальной защиты потерпевших, судебного контроля, пробационного надзора) и позволяет дифференцировать ответственность: от мягких мер и коррекционных программ для первичных эпизодов до строгих санкций за повторность, систематичность и особую жестокость. Такой баланс повышает профилактический потенциал права, не подменяя его простым ужесточением наказаний.

Интересен в этом плане сравнительный анализ уголовного законодательства России и США, проведенный авторами статьи «Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ». Авторы утверждают, что во многих штатах нанесение побоев отнесено к числу административных правонарушений. Законодатель этой страны, по их мнению, в таких случаях считает, что данное деяние не несет той общественной

опасности, в ходе которой причиняется существенный вред, чтобы оно признавалось как преступление [181, с. 33].

В научной доктрине справедливо подчеркивается, что для возбуждения уголовного преследования необходимо соблюдение определенных процессуальных условий - процессуальных предпосылок уголовного преследования [182, с. 14]. Ю.В. Козубенко справедливо указывает на необходимость осуществления ряда процессуальных действий по приготовлению к уголовному преследованию [182, с. 14].

Исследуя институт частного обвинения в аспекте расширения частных начал в уголовном судопроизводстве, важно отметить, что при изучении вопросов возбуждения данного вида уголовного преследования, необходимо, на наш взгляд, сделать акцент на повод, которым согласно ч. 2 ст. 32 УПК и ст. 408 УПК является только жалоба потерпевшего о привлечении лица к уголовной ответственности за совершение уголовного правонарушения, отнесенного законом к делам частного обвинения.

Рассмотрим подробнее указанную норму закона. Во-первых, нормы УПК РК, регулирующие производство по делам частного обвинения, по-разному определяют поводы к возбуждению дел данной категории. Так, ч. 2 ст. 32, ч.1 ст. 72, ч. 1 ст. 408, ст. 409, 411 УПК РК говорит о жалобе, тогда как в ч. 7 ст. 408 УПК РК – о заявлении. Об этом несоответствии в нормах УПК РК 1997 г. отмечала Г.Ж. Сулейменова. По ее мнению, поводом к возбуждению уголовного дела частного обвинения является жалоба, а не заявление. Это различные понятия [72].

Ее позицию разделяет В.В. Хатуаева, отмечая: «Жалоба – это, точнее, чем заявление, так как жалоба является официальным требованием о защите нарушенного права» [183, с.12]. И с этими утверждениями нельзя не согласиться, поскольку энциклопедически жалоба - просьба гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц [94, с. 240].

Заявление – просьба гражданина о содействии в реализации его конституционных прав и свобод или конституционных прав и свобод других лиц, либо сообщение о нарушении законов и иных нормативных правовых актов, недостатках в работе государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц, либо критика деятельности указанных органов и должностных лиц [94, с. 261].

Заявление, в отличие от жалобы, не связано с нарушением прав и законных интересов гражданина, а потому не содержит требования об устранении такого нарушения. То есть, с принятием УПК РК 2014 г. указанные неточности не были устранены. Таким образом, ст. 408 УПК РК нуждается во внесении определенных дополнений. В частности, мы предлагаем ч. 7 изложить в редакции: «Если в отношении одного и того же уголовно наказуемого деяния правомочны возбудить частное обвинение несколько лиц, и по жалобе одного из них оно уже возбуждено, остальные лица вправе вступить в уже начатое

производство. В этом случае не требуется возбуждение самостоятельного производства по жалобе каждого из указанных лиц».

Тезис о том, что единственным поводом для начала производства по делам частного обвинения содержится в ч.2 ст. 32 УПК РК. Его подтверждает и Нормативное постановление ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13. Пункт 2 закрепляет следующее: «Поводом к возбуждению частного обвинения является жалоба потерпевшего: физического лица, достигшего 18-летнего возраста, юридического лица…, а также законные представители и представители потерпевшего, указанные в статьях 71, 76 УПК РК» [88].

Согласно ч. 1 ст. 4 Закона Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах» [184], систему законодательства Республики Казахстан составляют Конституция Республики Казахстан, соответствующие ей законодательные акты, иные нормативные правовые акты, в том числе нормативные постановления Конституционного Суда Республики Казахстан и Верховного Суда Республики Казахстан. При этом, в положениях ч. 5 ст. 10 Закона указано, что постановления Верховного Суда РК находятся вне иерархии нормативных правовых актов [184].

Г.Ж. Сулейменова обоснованно подчеркивает, что ключевое назначение судебной власти состоит в осуществлении правосудия. Исходя из этого, нормативные постановления Верховного Суда, несмотря на их обязательность для правоприменителей, не могут рассматриваться как источник самостоятельного нормотворчества.

Автор обращает внимание на то, что содержание таких актов должно ограничиваться официальным разъяснением и толкованием действующих нормативных правовых предписаний. Включение в них положений, выходящих за пределы интерпретируемых норм и фактически формирующих новые правила поведения, противоречило бы принципу разделения властей и установленным конституционным рамкам судебной компетенции [185].

Согласно положениям п. 1 ст. 4 и ст. 81 Конституции Республики Казахстан, компетенция Верховного Суда не предполагает внесения изменений или дополнений в законодательство либо иные нормативные правовые акты, в том числе путем формулирования новых предписаний, даже если они выводятся из содержания толкуемых норм. Равным образом Верховный Суд не наделен правом пересматривать или оценивать нормы при их разъяснении в форме нормативных постановлений. Его полномочия ограничиваются официальным толкованием действующих норм с целью обеспечения их единообразного и правильного применения. Именно поэтому нормативные постановления Верховного Суда относятся к самостоятельной разновидности правовых актов, отличающейся по своей юридической природе от актов правотворчества [184].

Таким, образом, включение в текст Нормативного постановления ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13 субъектов, обладающих правом подачи жалобы, но в то же время, не указанных в нормах УПК, на наш взгляд, недопустимо, поскольку, в данном случае происходит конкретизация норм закона.

Итак, п. 2 Нормативного постановления разъясняет, что «Поводом к возбуждению частного обвинения является жалоба потерпевшего: физического лица, достигшего 18-летнего возраста, юридического лица, законных представителей и представителей потерпевшего, указанных в статье 71, 76 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан» [88], тем самым конкретизируя поводы к началу производства по делам частного обвинения, указанные в ч.2 ст. 32 УПК РК.

В то время как нормативное толкование не ведет к созданию новых правовых норм, оно только разъясняет смысл уже действующих. Имеет общий характер и призвано обеспечить единообразие в понимании и применении норм права [186, с.187].

В делах частного обвинения ключевую процессуальную роль занимает частный обвинитель, которым является лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения, отнесенного законом к данной категории, наделенное полномочиями инициирования производства и поддержания обвинения в пределах предоставленной законом диспозитивной компетенции.

Исследуя содержание понятия «частный обвинитель», также следует отметить на использование законодателем неоднородной дефиниции этого понятия, в УПК РК оно формулируется по-разному. Часть 1 ст.72 УПК РК предусматривает, что это лицо, подавшее жалобу в суд по делу частного обвинения и поддерживающее обвинение в суде. Часть 6 ст. 408 УПК РК устанавливает, что частным обвинителем и потерпевшим лицо становится с момента принятия судом жалобы к своему производству.

Проведенный анализ норм уголовно-процессуального законодательства позволяет поддержать позицию Г.Ж. Сулейменовой о том, что статус частного обвинителя возникает в случаях, предусмотренных ч. 6 ст. 408 УПК Республики Казахстан. Основанием для признания лица частным обвинителем выступает принятие судьей соответствующего дела к своему производству [72].

Именно с момента принятия судом жалобы к производству у лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, возникают процессуальные права и обязанности частного обвинителя. С этого времени оно получает возможность реализовывать процессуальные полномочия, предусмотренные ст. 72, а также ч.ч. 3 и 4 ст. 410 УПК Республики Казахстан. Судья обязан разъяснить указанные права, о чем составляется соответствующий протокол, подписываемый судьей и лицом, обратившимся с жалобой.

Изучение личности пострадавшего от преступления, а затем - и потерпевшего в уголовном судопроизводстве является актуальным на всем протяжении существования общества и государства. Как справедливо подчеркивает И.В. Жеребятьев, потерпевший, занимая центральное место в структуре уголовного процесса, традиционно находился и продолжает находиться в центре внимания ученых-процессуалистов, что обусловлено его особой ролью и значением в механизме уголовного судопроизводства [187, с. 30].

Потерпевшим в уголовном процессе признается лицо, в отношении которого есть основание полагать, что ему непосредственно уголовным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред (ч. 1 ст. 71 УПК). При этом, важное значение имеет вопрос определения момента, с которого фигура потерпевшего появляется в производстве по уголовному делу. УПК РК гласит, что «…лицо признается в уголовном процессе потерпевшим после вынесения соответствующего постановления (ч. 3 ст. 71 УПК)».

Одновременно, ч. 6 ст. 408 УПК устанавливает, что лицо, подавшее жалобу, является частным обвинителем и потерпевшим, с момента принятия судом жалобы к своему производству. Соответственно, до осуществления данной процедуры, лицо является пострадавшим от уголовного правонарушения.

Данная позиция поддерживается рядом исследователей. В частности, И.В. Жеребятьев указывает, что статус пострадавшего возникает с момента совершения в отношении лица преступного посягательства, то есть объективно связан с фактом причинения вреда, а не исключительно с последующим процессуальным признанием [187, с. 31]. В свою очередь, анализируя данную проблематику, Н.Е. Петрова подчеркивает, что лицу, пострадавшему от преступления, должно быть обеспечено право осознанного выбора процессуального статуса. По ее мнению, ему следует разъяснять возможность участия в деле в качестве субсидиарного обвинителя, гражданского истца либо потерпевшего без дополнительных процессуальных притязаний, исходя из характера защищаемого интереса [23, с. 122].

О.Я. Баев высказывает предложение о целесообразности нормативного разграничения понятий «лицо, пострадавшее от преступления» и «потерпевший по уголовному делу». По его мнению, первое понятие должно охватывать любое лицо, которому преступным деянием причинен физический, имущественный либо моральный вред, то есть отражать фактическое состояние причинения ущерба. Второе же обозначает процессуальный статус субъекта уголовного судопроизводства, который после соответствующего признания приобретает права и обязанности участника процесса и выступает на стороне обвинения.

Тем самым подчеркивается различие между материально-правовым фактом причинения вреда и процессуальным оформлением статуса потерпевшего в рамках конкретного уголовного дела. Законодательное закрепление такого разграничения, по мнению автора, способствовало бы устранению терминологической неопределенности и более четкому определению процессуальных гарантий соответствующих лиц [188, с. 279].

В.Е. Юрченко обращает внимание на то, что лицо, которому причинен вред преступлением, приобретает возможность участвовать в уголовном судопроизводстве в качестве его участника лишь после официального признания его потерпевшим в установленном законом порядке [189, с. 24]. По мнению

В.В. Дорошкова, при производстве по делам частного обвинения приобретение лицом процессуального статуса потерпевшего обусловлено вынесением судьей соответствующего постановления. Лишь с момента принятия такого процессуального решения лицо становится полноправным субъектом уголовно-процессуальных отношений. При отсутствии в материалах дела указанного акта наделение пострадавшего правами потерпевшего либо возложение на него соответствующих обязанностей не имеет надлежащего правового основания и противоречит требованиям процессуального закона [190, с. 75].

Исходя из проведенного анализа и в целях устранения терминологических неточностей, а также предупреждения новых коллизий и неопределенностей для правоприменителей, мы приходим к следующим выводам.

Необходима, на наш взгляд, регламентация правового статуса частных лиц, выступающих в уголовном процессе по делам частного обвинения в качестве «лиц, пострадавших от уголовных правонарушений». Для этого следует конкретизировать правовое значение термина «лицо, пострадавшее от уголовных правонарушений».

В действующем УПК РК используется несколько взаимосвязанных, но различающихся категорий: «заявитель» (п. 7 ст. 7 УПК РК); «потерпевший» (ст. 71 УПК РК); «частный обвинитель» (ст. 72, 408 УПК РК). Однако, промежуточное состояние лица - до признания его потерпевшим и до приобретения статуса частного обвинителя - нормативно четко не определено. В этой связи предлагается включить в ст. 7 УПК РК следующий вариант формулировки термина «лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения - это лицо, которому непосредственно уголовным правонарушением причинен моральный, физический или имущественный вред, до признания его потерпевшим в порядке, установленном настоящим Кодексом».

Данное определение отражает материально-правовую природу категории, т.к. лицо становится пострадавшим с момента причинения вреда, а не с момента вынесения процессуального постановления.

В делах частного обвинения лицо подает жалобу, но статус частного обвинителя возникает только с момента принятия жалобы судом к производству (ч. 6 ст. 408 УПК РК). Следовательно, до этого момента лицо не является ни потерпевшим, ни частным обвинителем, но объективно остается субъектом, которому причинен вред. Отсутствие четкой дефиниции может привести к смешению статусов, повлекшему преждевременное возложение процессуальных обязанностей, необоснованному отказу в правах, разночтения при квалификации участия лица в деле.

В целях обеспечения терминологической определенности и устранения возможных коллизий в правоприменительной практике представляется необходимым сопоставить понятия «лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения» и «заявитель», поскольку их формальное сходство не исключает существенных различий в правовой природе, основаниях

возникновения статуса и процессуальных последствиях участия соответствующих субъектов в уголовном судопроизводстве. Ключевые различия отражены в Таблице 3 - Критерии различия понятий «лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения» и «заявитель».

Таблица 3 - Критерии различия понятий «лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения» и «заявитель»

Критерий	**Лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения**	**Заявитель**
Основание статуса	Факт причинения вреда	Факт обращения с сообщением
Характер категории	Материально-правовой	Процессуально-правовой
Наличие вреда	Обязательно	Не обязательно
Момент возникновения	С момента совершения уголовного правонарушения	С момента подачи заявления

Таким образом, закрепление указанного понятия и дача его разъяснения в ст. 7 УПК РК позволит четко разграничить материальный и процессуальный статус, устранить противоречия между ст. 72 и ст. 408 УПК РК, обеспечить последовательность правового регулирования и исключить подмену понятий «заявитель» и «потерпевший» и «лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения». Тем самым будет достигнута системная согласованность уголовно-процессуального понятийного аппарата и усилена правовая определенность в делах частного обвинения.

В связи с вышеизложенным, необходимо отметить, что нуждается в изменении и изложении в следующей редакции ч. 2 ст. 32 УПК РК: «…производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, его законного представителя и представителя, и подлежит прекращению за примирением с обвиняемым, подсудимым».

Соответственно, ч. 3 ст. 32 УПК нуждается в редакции – «Производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе лица, пострадавшего от уголовного правонарушения и подлежит прекращению за примирением его с подозреваемым, обвиняемым, подсудимым лишь в случаях, предусмотренных статьей 68 Уголовного кодекса Республики Казахстан».

Статья 32 УПК (ч.ч. 4-6) подлежат также изменению путем замены слова «потерпевшего» словосочетанием «лица, пострадавшего от уголовного правонарушения».

Целесообразно также внести соответствующие изменения в текст Нормативного постановления ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13. Пункт 2 должен быть изложен следующим образом: «Поводом к возбуждению частного

обвинения является жалоба лица, пострадавшего от уголовного правонарушения: физического лица, достигшего 18-летнего возраста, юридического лица, законных представителей и представителей лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, указанных в статьях 71, 76 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан».

Учитывая данные изменения, можно утверждать, что поводами к началу производства по делам частного обвинения являются: 1) жалоба лица, пострадавшего от уголовного правонарушения; 2) жалоба законного представителя или представителя лица, пострадавшего от уголовного правонарушения.

Бесспорно, актуальным является вопрос о необходимости расширения перечня составов уголовных правонарушений, преследуемых в частном порядке, на что указывает и статистика (Таблица 4 - Количество совершенных уголовных правонарушений, относящихся к делам частного обвинения в 2023-2025 г.г.).

Таблица 4 - Количество совершенных уголовных правонарушений, относящихся к делам частного обвинения в 2023-2025 г.г.

№	Наименование	Находились в производстве в 2023 г.	Находились в производстве в 2024 г.	Находились в производстве в 2025 г.
1	ст. 114 УК РК	158	176	134
2	ст. 123 УК РК	13	10	11
3	ст.147 УК РК	75	81	76
4	ст. 149 УК РК	207	229	117
5	ст.152 УК РК	7	1	3
6	ст. 198 УК РК	12	4	2
Данные взяты из Отчетов № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 2023 - 2025 г.г. [191]				

Из указанной таблицы видно, что основное количество дел сконцентрировано в трех составах: ст.ст. 114, 147 и 149 УК РК. Это указывает на смещение конфликтов в сферу частной жизни (ст. 147, 149). Это типичные «victim-driven» споры, где превалирует частный интерес потерпевшего, и эффективны быстрые средства защиты.

Такая концентрация нагрузки в составах, затрагивающих преимущественно частные блага, показывает, что действующий перечень дел частного обвинения актуален, и обеспечивает защиту по инициативе потерпевшего, тем самым разгружая досудебные органы по делам с преобладающим частным интересом, и снижает риск «эскалационной спирали» к более тяжким составам.

Таблица 5 - Количество поступивших в суд жалоб по делам частного обвинения: сравнительная динамика за 2023–2025 годы показывает, что общий

поток жалоб по делам частного обвинения высок и устойчив. Это стабильно значимая нагрузка на суды и индикатор востребованности частного обвинения как способа защиты частных интересов.

Таблица 5 - Количество поступивших в суд жалоб по делам частного обвинения: сравнительная динамика за 2023–2025 годы

№	Наименование	Поступило жалоб за 2023 г.	Поступило жалоб за 2024 г.	Поступило жалоб за 2025 г.
Всего:		7078	6225	6317
1	ч. 1 ст. 123 УК РК	7	7	2
2	ст.131 УК РК	6938	6105	6198
3	ч.ч.1,2 ст.147 УК РК	39	49	52
4	ч. 1 ст. 149 УК РК	53	29	36
5	ч. 1 ст. 150 УК РК	2	0	1
6	ч.ч.1,2 ст.152 УК РК	12	29	23
7	ч. 1 ст. 198 УК РК	3	6	5
8	ч. 1 ст. 199 УК РК	0	0	0
9	ч. 1 ст. 321 УК РК	1	0	0
Данные взяты из Форм № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2023 - 2025 г.г. [192]				

Анализ приведенных статистических данных указывает на то, что основное количество касается ст. 131 УК РК (оскорбление). Увеличение жалоб по ст. 147 УК РК и ст. 152 УК РК демонстрирует, что споры о частной жизни, переписке, персональных данных и репутации логично разрешать по модели, где инициатива и контроль за процессом принадлежат потерпевшему, а цель - быстрое пресечение и восстановление нарушенных частных благ.

При этом простое увеличение количества составов уголовных правонарушений не всегда способствует реальному укреплению частных начал в уголовном процессе и зачастую приводит лишь к их формальному расширению.

Так, Ю.В. Козубенко указывает на необходимость объединения дел частного и частно-публичного обвинения в единую категорию, рассматриваемую как частное преследование. Подобный подход мотивируется автором общностью существенных признаков, характеризующих уголовные дела, относимые к данной группе [193, с. 86].

Конечно, отнесение большего количества уголовных правонарушений к делам, производство по которым зависит от воли пострадавшего лица, указывает на то, что политика законодателя предусматривает максимально

возможный учет интересов потерпевшего при рассмотрении дел частного обвинения. Помимо этого, выделение дел частного обвинения в отдельную группу и определение особого порядка начала производства, рассмотрения и разрешения этой категории уголовных дел продиктовано стремлением упростить процедуру производства по ним.

В этой связи, представляется обоснованным отнесение к категории дел частного обвинения таких составов уголовных правонарушений как разглашение тайны усыновления (удочерения) (ст. 138 УК РК) и неисполнение обязанностей по уплате средств на содержание детей, уклонение от уплаты средств на содержание нетрудоспособных родителей, нетрудоспособного супруга (супруги) (ст. 139 УК РК).

Также необходимо включение в текст статьи 32 УПК РК части 2-1, поскольку особенностями частного порядка уголовного преследования являются: приоритет частных интересов перед публичными, сравнительно низкая степень общественной опасности уголовных правонарушений частного обвинения, необходимость сохранения социально-значимых отношений между пострадавшим и лицом, совершившем правонарушение, а также субъективная оценка пострадавшим действий обидчика.

Учитывая, что данные посягательства непосредственно затрагивают семейно-бытовую сферу, потерпевший нередко не заинтересован в уголовном преследовании обидчика. Отсюда вытекает необходимость наделить его диспозитивными полномочиями.

Согласно статье 33 УПК РК, по деяниям, предусмотренным главой 9 УК РК, при условии, что вред причинен исключительно интересам коммерческой либо иной организации, не являющейся государственным предприятием, и не затронуты интересы иных организаций, граждан, общества или государства, уголовное преследование начинается по заявлению руководителя, учредителя (участника) этой организации или уполномоченного органа или с их согласия.

Таким образом, производство в порядке ст. 33 УПК РК имеет ту же юридическую природу, что и производство по делам частного обвинения. Следовательно, основания и порядок начала производства по этим делам и их прекращения (в том числе и за примирением сторон) могут быть унифицированы путем объединения в одной главе УПК.

Подводя итог сказанному, полагаем возможным формулирование следующих основных выводов:

1. Для уяснения вопроса категориальной принадлежности составов уголовных правонарушений к делам, преследуемым в порядке частного обвинения, исходя из особенностей преобладания частного интереса пострадавшего лица и применимости диспозитивных механизмов защиты, следует расширить действующий перечень за счет включения иных составов:

- необходимо дополнить ч. 2 ст. 32 УПК РК, изложив ее в следующей редакции: «2. Дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных статьями 114 (частями первой и второй), 123 (частью первой), 131, 138, 139, 147 (частями первой и второй), 149 (частью первой), 150 (частью первой), 198 (частью

первой), 199 (частью первой), 321 (частью первой) Уголовного кодекса Республики Казахстан, а также статьей 152 (частями первой и второй) Уголовного кодекса Республики Казахстан, за исключением случая, предусмотренного частью третьей настоящей статьи, а также уголовные правонарушения против интересов службы в коммерческих и иных организациях (глава 9 УК РК) Уголовного кодекса Республики Казахстан, считаются делами частного обвинения. Производство по этим делам начинается не иначе как по жалобе лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, его законного представителя и представителя и подлежит прекращению за примирением с обвиняемым, подсудимым».

- с учетом изложенного, мы предлагаем включить в ст. 32 УПК РК часть 2-1 в следующей редакции: «2-1. Дела об уголовных правонарушениях, предусмотренных статьями 187, 188 (частью первой), 189 (частью первой), 190 (частью первой) и 200 (частью первой) Уголовного кодекса Республики Казахстан, совершенных в отношении лица, пострадавшего от преступления, членами его семьи, близкими родственниками либо иными лицами, которых оно обоснованно считает близкими, являются также делами частного обвинения».

3.2. Производство по делам частного обвинения: совершенствование правового регулирования

Поскольку государство самостоятельно посредством закона определяет какую-то область отношений как частную, то оно должно доказать обоснованность своего вмешательства в данные правоотношения. Указанное правило распространяется и на участие прокурора в делах частного обвинения, т.е. прокурор, возбуждая дело частного обвинения, должен доказать обоснованность своего участия в нем.

УПК РК наделяет прокурора правом начать или продолжить производство по делу частного обвинения при отсутствии жалобы потерпевшего, если деяние затрагивает интересы лица, находящегося в беспомощном или зависимом состоянии либо по другим причинам не способного самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами (4 ст. 32 УПК РК).

Закрепление законодателем определенной категории общественных отношений за сферой частного регулирования означает признание приоритета автономии воли участников и минимизацию публичного вмешательства. В этой связи, любое последующее участие государства в подобных правоотношениях требует убедительного нормативного и фактического обоснования, подтверждающего необходимость такого вмешательства с точки зрения защиты публичного интереса либо обеспечения прав и свобод личности.

Данное требование в полной мере распространяется и на процессуальную активность прокурора по делам частного обвинения. Инициируя производство либо вступая в уже начатый процесс, прокурор должен исходить из наличия

предусмотренных законом оснований, объективно свидетельствующих о невозможности эффективной защиты прав потерпевшего без участия публичного обвинителя либо о наличии значимого публичного интереса, требующего вмешательства государства. Прокурор должен доказать обоснованность своего участия в деле, т.е. - зависимость лица, пострадавшего от уголовного правонарушения от обвиняемого или его беспомощность.

В действующем законодательстве Республики Казахстан отсутствует правовой акт, устанавливающий легальное определение и раскрывающий содержание таких правовых категорий, как «зависимое состояние» и «иные причины». Лишь термин «беспомощное состояние» получает закрепление в Нормативном постановлении Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 4 «О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и иными насильственными действиями сексуального характера» [194], где раскрывается его юридическое содержание. Данный факт, на наш взгляд, фактически сводит решение вопроса о начале производства по уголовному делу частного обвинения к субъективному усмотрению прокурора. Использование оценочных правовых конструкций в данном случае фактически приводит к сужению возможностей реализации диспозитивного начала в уголовном судопроизводстве.

Стоит отметить, что действующий УПК РК, также не дает пояснения о праве примирения сторон в случае начала производства по уголовному делу частного обвинения прокурором, что является пробелом в законе. На наш взгляд, начало производства прокурором, не должно лишать частных лиц возможности примирения. Однако, к решению вопроса о прекращении данных дел за примирением сторон нельзя подходить однозначно.

Подход к рассмотрению данного вопроса должен быть взвешенным и обдуманным с тем, чтобы учесть максимальное количество возможных ситуаций. Во всяком случае, приоритет, несомненно, должен отдаваться интересам личности.

Осуществление прокурором полномочий по возбуждению уголовных дел частного обвинения, предусмотренных законом, не исключает последующего участия в судебном разбирательстве потерпевшего или его представителя. Такая ситуация может возникнуть в случае отпадения обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 32 УПК РК, которые ранее препятствовали лицу, пострадавшему от уголовного правонарушения, самостоятельно осуществлять принадлежащие ему процессуальные права.

В подобных случаях представляется обоснованным предоставить приоритет участия в судебном разбирательстве именно пострадавшему, либо его представителю. Это объясняется тем, что прокурор инициирует производство по делу в силу необходимости защиты интересов лица, которое по объективным причинам не могло самостоятельно реализовать свои права. С устранением данных обстоятельств соответствующие процессуальные полномочия должны быть возвращены пострадавшему, что соответствует содержанию и смыслу положений ч. 2 ст. 32 УПК РК.

Действующий УПК указывает лишь на право начинать либо продолжать производство по делу прокурором, но оставляет без правового регулирования процессуальное положение прокурора в случае вступления частного обвинителя в начатое прокурором производство по делу.

В целях восполнения этого пробела полагаем необходимым дополнить Нормативное постановление ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13 следующим положением: «В случае утраты обстоятельств, препятствующих пострадавшему начать производство по делу частного обвинения, он вправе вступить в дело, начатое прокурором. В этих случаях прокурор слагает свои полномочия по участию в дальнейшем производстве по делу».

При этом, рекомендуется Генеральной Прокуратуре РК разработать Правила для применения ч. 4 ст. 32 УПК РК, предусматривающие критерии случаев беспомощного или зависимого состоянии и других причин, препятствующих лицу, пострадавшему от уголовного правонарушения, самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами с приложением Шаблонов решения о вступлении прокурора. На наш взгляд, соответствующая норма предотвратит недопущение злоупотреблений со стороны частных лиц и обеспечит согласование частно-правовых интересов с приоритетами публичного уголовного преследования.

На сегодняшний день на практике у пострадавшего возникает множество проблем, связанных с производством по делам частного обвинения. Первоначально, на него возлагается обязанность составить в соответствии с требованиями закона жалобу. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 408 УПК РК жалоба должна содержать наименование суда, в который она подана, описание события уголовного правонарушения, место и время его совершения с указанием доказательств, просьбу к суду о принятии дела к производству, сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности, список свидетелей, вызов которых в суд необходим. Пострадавший от уголовного правонарушения, должен осуществить действия, которые трудно провести самостоятельно, без помощи юриста-профессионала и правоохранительных органов. Тогда как закон не предусматривает содействие правоохранительных органов в сборе необходимых фактических данных для составления жалобы.

Исходя из положений ч. 4 ст. 410 УПК РК, судья должен оказать содействие сторонам в собирании доказательств по их ходатайству и вызове указанных ими свидетелей. Что же касается составления жалобы, то подобных правил не установлено. Представляется, что судья не должен осуществлять помощь при ее составлении, поскольку указанная деятельность оборачивается в консультирование, т.е. функцию, не свойственную суду. Сам пострадавший, в свою очередь, не может в полном объеме самостоятельно использовать государственный аппарат для реализации функции обвинения.

Практика по делам частного обвинения показывает, что лицам, пострадавшим от уголовного правонарушения, недостаточно знаний в области уголовно-процессуального законодательства, что влечет за собой затруднения при формулировании обстоятельств совершенного деяния. Вместе с тем суд

обязан проверять, чтобы поданная жалоба соответствовала установленным требованиям[195]. Представляется, что уже на этапе подачи жалобы в суд, немалое число пострадавших, откажется от дальнейшего участия в уголовном судопроизводстве.

В обозначенных условиях представляется целесообразным развитие специализированного информационного сервиса по делам частного обвинения (единой цифровой платформы), ориентированного на снижение процессуальных ошибок на стадии подготовки и подачи жалобы. Дополнительно, создание такой платформы представляется согласующимся с логикой цифровизации и реализацией концепции «Слышащего государства» [196].

Преимущества специализированного информационного сервиса по делам частного обвинения (на примере цифровой платформы **«E-TALAP RK»**) (Приложение А).

Интеграция в платформу функций онлайн-медиации и юридической справки расширяет спектр правовых возможностей заявителя, обеспечивая реализацию диспозитивного начала уголовного процесса. Возможность обращения к медиатору на ранней стадии способствует урегулированию конфликта до судебного разбирательства и снижению нагрузки на суды, что соответствует современным тенденциям развития восстановительного правосудия и примирительных процедур.

Сервис «E-TALAP RK» формирует единое цифровое пространство взаимодействия гражданина с правовой системой, обеспечивая доступность информации о процессуальных правах и обязанностях, освобождении от государственной пошлины по делам частного обвинения, а также порядке подписания и подачи жалобы в суд. Это особенно важно для лиц, не обладающих специальными юридическими знаниями и не имеющих возможности обратиться за профессиональной юридической помощью.

Внедрение подобной цифровой платформы отвечает задачам реализации концепции «слышащего государства» и сервисной модели публичной власти, ориентированной на человека и его потребности. Информационный сервис выступает не как инструмент контроля или давления, а как механизм поддержки и процессуального сопровождения, обеспечивающий равный и реальный доступ граждан к судебной защите.

Таким образом, использование специализированного информационного сервиса по делам частного обвинения позволяет повысить эффективность процессуального доступа к правосудию, снизить долю формализованных отказов на стадии принятия жалоб, укрепить диспозитивные начала уголовного судопроизводства и обеспечить практическую реализацию принципа доступности и понятности правосудия для граждан.

Изучение сложившейся правоприменительной практики по разрешению вопроса о принятии жалоб частного обвинения судами первой инстанции, показало, что за 12 месяцев 2025 года всего поступило 6317 жалоб о привлечении к уголовной ответственности, из них принято к производству 991,

что составляет в процентном соотношении 16 %, при этом рассмотрено с вынесением приговора 358 жалобы, т.е. 36,12% [192]

Таблица 6 - Количество принятых судами жалобы по делам частного обвинения за 2025 г.

Наименование		Поступило жалоб за отчетный период	Вынесено постановлений	Рассмотрено с вынесением приговора
			о принятии жалобы к своему производству	
Всего:		6317	991	358
1	ч. 1 ст. 123 УК РК	2	0	1
2	ст.131 УК РК	6198	970	344
3	ч.ч.1,2 ст.147 УК РК	52	8	3
4	ч. 1 ст. 149 УК РК	36	7	4
5	ч. 1 ст. 150 УК РК	1	1	1
6	ч.ч.1,2 ст.152 УК РК	23	4	4
7	ч. 1 ст. 198 УК РК	5	1	1
8	ч. 1 ст. 199 УК РК	0	0	0
9	ч. 1 ст. 321 УК РК	0	0	0
Данные взяты из Формы № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2025 г. [192], Формы № 1 «Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2025 г. [89]				

Приведенные показатели свидетельствуют о том, что механизм судебного рассмотрения дел частного обвинения функционирует, а жалобы потерпевших фактически принимаются судами и рассматриваются по существу, однако доступ к данной стадии существенно ограничен высоким уровнем процессуальных отказов на этапе принятия жалобы.

В то же время сам факт принятия к производству более тысячи жалоб подтверждает наличие действующих механизмов судебной защиты потерпевших по делам частного обвинения. Таким образом, акцент на проблемных аспектах правоприменения направлен не на нивелирование защитной функции суда, а на выявление и обоснование путей совершенствования процессуального доступа потерпевших к правосудию.

Изучение практики рассмотрения судами первой инстанции вопроса о принятии к производству жалоб по делам частного обвинения, указывает на то, что за 12 месяцев 2025 года было отказано в принятии 4027 или 64 % жалоб [192].

Таблица 7 - Количество постановлений об отказе в принятии жалоб к своему производству по делам частного обвинения за 2025 г.

Наименование		Поступило жалоб за отчетный период	Вынесено постановлений
			об отказе в принятии жалобы к своему производству
Всего:		6317	4027
1	ч. 1 ст. 123 УК РК	2	1
2	ст.131 УК РК	6198	3955
3	ч.ч.1,2 ст.147 УК РК	52	32
4	ч. 1 ст. 149 УК РК	36	22
5	ч. 1 ст. 150 УК РК	1	0
6	ч.ч.1,2 ст.152 УК РК	23	14
7	ч. 1 ст. 198 УК РК	5	3
8	ч. 1 ст. 199 УК РК	0	0
9	ч. 1 ст. 321 УК РК	0	0
Данные взяты из Формы № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2025 г. [192]			

Из приведенного анализа видно, что в большинстве случаев суды отказывают пострадавшим в принятии жалоб к производству.

Изучение практики рассмотрения уголовных дел частного обвинения районными судами показывает, что как правило, отказ в принятии к производству суда обусловлен тем, что жалоба не соответствует требованиям ст. 408 УПК РК, и заявитель не привел жалобу в соответствие в установленный судом срок.

Нормативное постановление ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13 в п.3 содержится положение о том, что суды не вправе отказывать в принятии жалобы к производству в связи с отсутствием в деяниях, описываемых в жалобе, события или состава преступления, в том числе по мотивам малозначительности содеянного, отсутствия доказательств и т.д. Отказ в принятии жалобы потерпевшего к производству осуществляется в случаях, когда лицо, подавшее жалобу, не исполнило указание судьи по приведению жалобы в соответствующую процессуальную форму, жалоба подана ненадлежащим лицом и т.д. Судебная практика указывает на наличие определенных проблем в практике применения соответствующих процессуальных норм.

Проведенный анализ деятельности суда № 2 г. Павлодара показывает, что в судебной практике имели место 46 случаев вынесения решений об отказе в принятии жалоб по делам частного обвинения по мотиву отсутствия перечня

свидетелей. Безусловно, судья обязан проверить соблюдение процессуальных требований к жалобе и при наличии недостатков вправе предложить их устранить. Вместе с тем системное толкование ч. 4 ст. 409 УПК ПК позволяет сделать вывод, что список свидетелей может быть представлен и на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Кроме того, в силу ч. 4 ст. 410 УПК суд обязан содействовать сторонам в собирании доказательств, включая вызов свидетелей.

Следовательно, отказ в принятии жалобы исключительно по формальному основанию отсутствия перечня свидетелей требует оценки с позиции обеспечения доступа к правосудию [198, с. 59].

Следует учитывать, что совершение уголовного правонарушения объективно возможно и при отсутствии очевидцев, поэтому непредставление списка свидетелей не всегда свидетельствует о несоответствии жалобы требованиям закона. Кроме того, отказ в принятии заявления не лишает потерпевшего либо его представителя права повторного обращения по тем же основаниям. Однако подобная практика фактически обязывает лиц, пострадавших от уголовных правонарушений, подавать жалобу повторно, что ведет к затягиванию разрешения уголовно-правового конфликта и создает элементы процессуальной волокиты. В этой связи при оценке соответствия жалобы установленным требованиям суду целесообразно исходить из необходимости обеспечения эффективной судебной защиты и недопущения чрезмерного формализма [198, с. 59].

Имеют место случаи, когда даже после надлежащего устранения заявителем указанных судом недостатков и приведения жалобы частного обвинения в соответствие с требованиями закона выносится повторное решение об отказе в ее принятии к производству. Подобная практика свидетельствует о возможном чрезмерном формализме и требует оценки с точки зрения соблюдения принципа доступа к правосудию и обеспечения эффективной судебной защиты.

Изучение практики рассмотрения уголовных дел частного обвинения свидетельствует о том, что суды не выработали единообразного подхода к толкованию требований УПК относительно указания в жалобе данных о лице, привлекаемом к уголовной ответственности. В частности, одни суды принимают в свое производство жалобы, содержащие сведения об обвиняемом, такие как фамилия, имя, отчество и местожительство. Другие суды, не ограничиваясь указанными сведениями, предлагают заявителям указать анкетные данные обвиняемого, о его судимости, психическом состоянии и т.д.

Яркой иллюстрацией таких нарушений является постановление судьи Медеуского районного суда г. Алматы, которым была возвращена жалоба частного обвинения для приведения ее в соответствие со следующими требованиями: «1) Жалоба должна быть подписана самим заявителем, а не его представителем с указанием на то, что он предупрежден об уголовной ответственности за заведомо незаконный донос; 2) Жалоба должна содержать сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности: анкетные и

адресные данные, подтвержденные соответствующими документами; а также список свидетелей с указанием их анкетных и адресных данных.

Однако такие требования являются надуманными, поскольку они не основаны на требованиях ст. 390 УПК РК. Во-первых, ч. 1 ст. 408 УПК РК не предусматривает требования о том, чтобы жалоба о привлечении лица к уголовной ответственности была подана самим потерпевшим, а ч. 2 ст. 408 УПК РК устанавливает: «Жалоба подписывается лицом, ее подавшим». В соответствии с п. 2 Нормативное постановление ВС РК от 25 декабря 2006 года № 13 поводом к возбуждению дел частного обвинения является жалоба не только потерпевшего, но и представителя потерпевшего, указанного в ст. 76 УПК РК.

В соответствии с ч. 1 ст. 76 УПК РК представителями частного обвинителя могут быть лица, правомочные в силу закона представлять при производстве по уголовному делу законные интересы частного обвинителя. Нотариально заверенная доверенность пострадавшего была приложена к поданной жалобе.

Во-вторых, предупреждение об уголовной ответственности за заведомо незаконный донос осуществляет судья. В-третьих, ч. 2 ст. 408 УПК РК устанавливает одним из требований, предъявляемых к содержанию жалобы по делу частного обвинения, указать «сведения о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; список свидетелей, вызов которых в суд необходим». При этом, законодатель не требует представления анкетных и адресных данных, подтвержденных соответствующими документами; а также анкетных и адресных данных свидетелей.

Согласно п. 4 указанного Нормативного постановления Верховного Суда РК, к числу необходимых данных, которые должны содержаться в жалобе для правильного ее разрешения, и которые должен проверить судья, относятся: когда, кем и где совершено противоправное деяние, в чем конкретно оно выразилось и чем подтверждается просьба потерпевшего о привлечении лица, на которое подана жалоба, к уголовной ответственности. Все эти требования в жалобе были указаны [199].

Подобные нарушения требований УПК РК при возвращении жалобы частного обвинения для пересоставления являются довольно распространенными в судебной практике.

В приведенной ниже Таблице 8 - Данные о количестве жалоб, несоответствующих требованиям УПК РК за 2025 г. отражены данные по количеству жалоб, несоответствующих требованиям ч. 1 ст.ст. 408, 409 УПК РК.

Таблица 8 - Данные о количестве жалоб, несоответствующих требованиям УПК РК за 2025 г.

Наименование		Количество жалоб, несоответствующих требованиям ч. 1 ст.ст.408, 409 УПК РК	Возвращено заявителю без рассмотрения
Всего:		3257	642
1	ч. 1 ст. 123 УК РК	2	1
2	ст.131 УК РК	3211	633
3	ч.ч.1,2 ст.147 УК РК	20	3
4	ч. 1 ст. 149 УК РК	15	4
5	ч. 1 ст. 150 УК РК	0	0
6	ч.ч.1,2 ст.152 УК РК	6	0
7	ч. 1 ст. 198 УК РК	3	1
8	ч. 1 ст. 199 УК РК	0	0
9	ч. 1 ст. 321 УК РК	0	0
Данные взяты из Формы № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2025 г. [192]			

Изучение данных, приведенных в Таблице 8, свидетельствует о наличии случаев, когда поступившие в суд жалобы по делам частного обвинения фактически оставались без принятия по ним надлежащего процессуального решения.

Подобная практика объективно снижает уровень гарантий реализации права на судебную защиту, поскольку процессуальные механизмы, призванные обеспечивать доступ к правосудию, фактически подменяются формальной проверкой соответствия обращения минимальным критериям.

Определенной спецификой характеризуется и механизм прекращения уголовных дел данной категории. Его особенности обусловлены правовой природой института частного обвинения, сочетающего элементы диспозитивности и публичного начала, что предопределяет отличительный порядок завершения производства по делу по сравнению с иными видами уголовного преследования. Так, согласно статистическим данным за 2025 г. прекращено 572 дела, что составляет 58% от числа всех оконченных дел. Из них, в виду примирения с потерпевшим – 83 дела, что составляет 58%

Таблица 9 - Данные о количестве прекращенных дел частного обвинения за 2025 г.

Наименование		Жалобы, принятые к производству	Всего прекращено дел	В виду примирения с потерпевшим
Всего:		991	572	83
1	ч. 1 ст. 123 УК РК	0	0	0
2	ст.131 УК РК	970	563	83
3	ч.2 ст.147 УК РК	8	2	0
4	ч. 1 ст. 149 УК РК	7	3	0
5	ч. 1 ст. 150 УК РК	1	0	0
6	ч.1 ст.152 УК РК	4	4	0
7	ч. 1 ст. 198 УК РК	1	0	0
8	ч. 1 ст. 199 УК РК	0	0	0
9	ч. 1 ст. 321 УК РК	0	0	0
Данные взяты из Формы № 1 «Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2025 г. [89]				

Согласно статистическим данным за 2025 г., представленным в Таблице 10 - Количество жалоб частного обвинения, поступивших из ОВД, прокуратуры и судов за 2025 г., видно, что в суды за 2025 г. поступило 6317 жалоб. Из них от органов следствия, дознания и прокуратуры - 2725 жалобы, или 43,14% от общего количества жалоб, из других судов по подсудности – 19, или 0,3%.

Таблица 10 - Количество жалоб частного обвинения, поступивших из ОВД, прокуратуры и судов за 2025 г.

Наименование		Поступило жалоб за отчетный период	из них	
			поступило из органов следствия, дознания, прокуратуры	поступило из других судов по подсудности
Всего:		6317	2725	19
1	ч. 1 ст. 123 УК РК	2	1	0
2	ст.131 УК РК	6198	2699	19
3	ч.ч.1,2 ст.147 УК РК	52	9	0

4	ч. 1 ст. 149 УК РК	36	14	0
5	ч. 1 ст. 150 УК РК	1	0	0
6	ч.ч.1,2 ст.152 УК РК	23	2	0
7	ч. 1 ст. 198 УК РК	5	0	0
8	ч. 1 ст. 199 УК РК	0	0	0
9	ч. 1 ст. 321 УК РК	0	0	0
Данные взяты из Формы № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2025 г. [192]				

Выше уже было указано, что по делам частного обвинения обязанность доказывания возлагается законом на частного обвинителя и обвиняемого. Причем в соответствии с ч. 4 ст. 410 УПК РК судья должен оказать содействие сторонам в собирании доказательств по их ходатайству и вызове указанных ими свидетелей. Правоприменительная практика показывает, что стороны по делам частного обвинения нечасто используют процессуальный механизм заявления ходатайств, направленных на получение помощи суда в собирании доказательств. Так, из 60 исследованных уголовных дел соответствующие ходатайства, адресованные суду, были заявлены лишь в 13 % случаев. Они касались, как правило, назначения судебно-медицинской экспертизы, истребования актов судебно-медицинского исследования, получения справок, а также вызова свидетелей. Наряду с этим в 5 % дел стороны обращались с ходатайствами о приобщении к материалам дела представленных ими документов и иных доказательств.

При этом, суд уклоняется от оказания соответствующей помощи. Только по двум уголовным делам из числа изученных имелись сведения о том, что ходатайство об оказании помощи в собирании материалов было удовлетворено судом до начала судебного разбирательства. Естественно, что такие действия судей нарушают требования УПК, и лишают лицо, понесшее ущерб от уголовного правонарушения, реализовать свое конституционное право на доступ к правосудию. Практика показывает, что пострадавший по делу частного обвинения в большинстве случаев не имеет представления, какие доказательства по делу ему необходимо истребовать для поддержания обвинения.

Современные тенденции развития уголовного процесса характеризуются одновременным усилением гарантий прав личности и усложнением механизмов доказывания, что особенно заметно в тех сегментах уголовного судопроизводства, где инициатива и процессуальная активность в значительной мере возлагаются на частных субъектов. В этой связи в Республике Казахстан вопрос о введении института частной детективной деятельности приобретает не только прикладное, но и системное значение.

В научно-публицистических работах С.К. Журсимбаев последовательно (на протяжении как минимум в 2012 - 2014 гг., с последующим возвращением к теме в 2024 г.) отстаивает тезис о необходимости институционализации

частной детективной деятельности в Казахстане как дополнительного, социально полезного и правомерного механизма защиты прав граждан и разгрузки государственных органов.

Уже в публикации 2012 г. автор прямо связывает потребность в законе о частной детективной деятельности с реализацией конституционных прав и возможностью граждан обращаться за помощью не только к государственным, но и к частным структурам. При этом он иллюстрирует прикладную значимость детективных услуг на примерах поиска пропавших лиц и розыска должников (социальная востребованность при дефиците оперативных ресурсов государства) [200]. В публикации 2014 г. С.К. Журсимбаев усиливает аргументацию, фиксируя «долгий и тернистый» путь соответствующего законопроекта и указывая на то, что государственные решения уже содержали поручение о внедрении института частной детективной деятельности (в т.ч. поручение Правительству по итогам Указа Президента РК 2010 г., последующие шаги по плану мероприятий и внесение проекта закона в Мажилис), однако регулирование так и не было завершено [201]. Тем самым автор демонстрирует, что проблема не в отсутствии общественной потребности, а в незавершенности правовой институционализации и сохранении правового вакуума.

В 2024 г. (уже в формате научной статьи) эта позиция получает дальнейшее развитие. Автор делает акцент на том, что ряд задач, возникающих в правоприменении, можно было бы делегировать частным детективам, однако, их деятельность по настоящее время не получила надлежащего нормативного закрепления и остается вне полноценного правового регулирования [202, с. 37].

Тем самым, линия аргументации С.К. Журсимбаева выглядит следующим образом: - признание социальной востребованности; - фиксация несоответствия между потребностью и регулированием; - предложение о функциональном «разграничении труда» между государственными органами и частным сектором при соблюдении гарантий законности.

В научной литературе последнего времени подчеркивается, что частная детективная деятельность может выступать элементом механизма реализации прав и свобод в уголовном процессе: ее роль связывается с повышением объективности установления обстоятельств, выявлением свидетелей, поиском информации и имущества, уточнением фактической базы по делу, что в конечном счете способно снижать риск процессуальных ошибок и повышать качество правоприменения. Так, в работе Г.Н. Мухамадиевой и соавторов частная детективная деятельность прямо рассматривается как фактор, который при должной правовой регламентации способен усиливать гарантийный потенциал уголовного процесса, а участие частного детектива в уголовно-процессуальных отношениях описывается как возможный способ укрепления защиты прав и законных интересов личности [203, с.88].

Особая актуальность института частных детективов проявляется в делах частного обвинения, поскольку сама конструкция этой формы уголовного преследования опирается на инициативу потерпевшего и его способность

обеспечить фактическую и процессуальную подготовку обращения в суд. В таких делах процессуальная активность Лица, пострадавшего от уголовного правонарушения объективно выше, чем в публичном обвинении, требуется не только волеизъявление, но и подготовка материала, позволяющего обосновать доводы, определить круг свидетелей, подтвердить обстоятельства и минимизировать риски отказа в принятии жалобы либо прекращения дела вследствие недостаточной фактической базы.

Именно поэтому обращение к частному детективу в делах частного обвинения может рассматриваться как легитимный механизм усиления правовой защиты лица, пострадавшего от уголовного правонарушения, а в ряде случаев - и как гарантия защиты прав лица, в отношении которого подана жалоба (например, для проверки версий, установления алиби, поиска свидетелей). В научных работах о частной детективной деятельности как гарантии прав личности в уголовном процессе подчеркивается потенциальная способность детективного сопровождения повышать полноту и объективность исследования обстоятельств и тем самым способствовать справедливости процессуального результата [204].

На наш взгляд, частный детектив может решить задачу предпроцессуальной подготовки обращения в суд. по делам частного обвинения. Частный обвинитель нередко сталкивается с дефицитом доказательств, отсутствием доступа к информации и сложностями фиксации обстоятельств. Детектив (при наличии закона) может обеспечить профессиональную помощь: поиск очевидцев, установление контактов, сбор открытых данных, фиксация цифровых следов, получение документов на законном основании (по согласию владельцев, через открытые реестры, договорные механизмы и т.п.). Это повышает шансы на качественную подготовку дела без подмены функций следствия.

Обращение к частному детективу является, также решает задачу ранней фильтрации и предотвращения необоснованных жалоб. В практике частного обвинения заметна проблема обращений, которые объективно не выдерживают проверки на наличие события, состава или доказуемости. Профессиональная проверка фактических обстоятельств до подачи жалобы может снижать нагрузку на суды и уменьшать долю процессуальных ошибок.

Вместе с тем научные работы подчеркивают, что без ясного нормативного регулирования детективная деятельность способна порождать угрозы правам личности - прежде всего из-за неопределенности допустимых методов и слабости механизмов ответственности. В исследовании 2022 года центральное место занимает проблема приватности и необходимость совершенствования правового режима неприкосновенности частной жизни в уголовном процессе; при этом подчеркивается, что легализация должна сопровождаться гарантиями и правилами, предотвращающими нарушения [204, с.89].

Следовательно, тезис о необходимости обращения к частным детективам по делам частного обвинения логически связан с другим тезисом: прежде чем

расширять практику - требуется правовая основа, которая обеспечит законность, контроль и ответственность.

Один из наиболее сложных вопросов - это не только разрешить деятельность частного детектива, но и определить процессуальный режим использования результатов его работы. Необходимо продумать механизм включения детектива в уголовно-процессуальные отношения таким образом, чтобы информация, полученная им, могла быть проверена, а ее использование не нарушало принципы уголовного процесса и права участников. Так, в работе 2023 года, посвященной гарантиям прав подозреваемого, авторы указывают на целесообразность урегулирования в УПК вопросов, связанных со сбором информации частным детективом как участником процесса, и подчеркивают ориентированность детективной активности на защиту конституционных прав и доступ к правосудию [204, с.118].

Обобщая результаты рассмотренных источников, можно сделать вывод, что в научной литературе сформировалась достаточно последовательная аргументация в пользу легализации и правового регулирования частной детективной деятельности в Казахстане. С одной стороны, подчеркивается ее потенциал как механизма защиты прав и интересов личности и повышения объективности установления фактов; с другой - фиксируется риск правовых нарушений при отсутствии ясных правил и гарантий.

В делах частного обвинения введение института частных детективов представляется особенно оправданным, поскольку:

- эта категория дел структурно требует высокой фактической и процессуальной активности частного обвинителя;
- качество первичной подготовки материалов и фиксации обстоятельств прямо влияет на эффективность рассмотрения и на снижение процессуальных ошибок;
- детективная помощь при законном регулировании может стать инструментом укрепления доступа к правосудию и реализации принципов состязательности и равенства возможностей.

Одновременно обращение к частным детективам по делам частного обвинения возможно и допустимо только при условии, что будущая модель будет построена на лицензировании, контроле, профессиональных стандартах и развитой системе гарантий прав личности, включая защиту приватности и персональных данных, а также четкое разграничение частных и публичных функций.

Целый ряд основополагающих международно-правовых актов, касающихся прав и свобод личности [81; 83; 205] предусматривают в рамках социально-правовой защиты жертв преступлений возмещение причиненного вреда.

Универсальным средством судебной защиты прав, свобод и законных интересов потерпевшего выступает гражданский иск, заявляемый в случаях причинения уголовного правонарушения материального ущерба либо морального вреда.

Развивая данное положение, следует отметить, что Конституционный Суд Республики Казахстан в своих нормативных постановлениях, посвященных вопросам доступа к правосудию и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, разъяснил, что право потерпевшего на предъявление гражданского иска и получение возмещения причиненного вреда является составной частью конституционной гарантии судебной защиты. Суд подчеркнул, что реализация данного права возможна как в рамках уголовного судопроизводства, так и посредством самостоятельного обращения в порядке гражданского судопроизводства, что обеспечивает лицу, пострадавшему от уголовных правонарушений, выбор наиболее эффективного способа защиты нарушенных интересов [206].

В этой связи в рамках уголовного судопроизводства подлежат рассмотрению гражданские иски о возмещении имущественного и морального вреда, причиненного уголовным правонарушением, о возмещении расходов на погребение, лечение потерпевшего, сумм, выплаченных ему в качестве страхового возмещения, пособия или пенсии, а также расходов, понесенных в связи с участием в производстве дознания, предварительного следствия и в суде, включая расходы на представительство (ч. 1 ст. 166 УПК РК).

Так, в ч. 4 ст. 166 УПК РК, устанавливается запрет на повторное инициирование требования по гражданскому иску в рамках судопроизводства по уголовным делам, если было принято решение в рамках гражданского процесса. Этим обеспечивается соблюдение принципа правовой определенности и недопустимости двойного судебного разбирательства по одному и тому же требованию.

Важным в возможности компенсации морального вреда в денежном выражении в нашей республике, явилось принятие 24 апреля 1992 года Пленумом Верховного Суда РК постановления № 2 «О практике применения законодательства, регламентирующего права и обязанности лиц, потерпевших от уголовных правонарушений» [207]. В данном постановлении дано разъяснение о праве потерпевшего на предъявление требования о компенсации морального вреда в денежном выражении и признании его в таком случае гражданским истцом.

Согласно ст. 73 УПК РК гражданский истец в уголовном судопроизводстве - это физическое или юридическое лицо, предъявившее гражданский иск о возмещении имущественного или морального вреда, причиненного уголовным правонарушением или деянием невменяемого.

Право на гражданский иск в уголовном процессе сохраняется на всем протяжении производства досудебного расследования и до окончания судебного следствия. Оно реализуется вне зависимости от того, идет ли речь об оконченном или неоконченном уголовном правонарушении. Гражданско-правовые требования могут быть также заявлены при совершении общественно опасного деяния невменяемым лицом либо в ситуации, когда лицо, подлежащее привлечению в качестве подозреваемого, на момент рассмотрения дела не установлено [208].

Нормы главы 47 УПК РК не реализуют в полной мере требования ч. 2 ст. 110 УПК РК, согласно которым «орган, ведущий уголовный процесс, должен разъяснять каждому лицу, участвующему в производстве по уголовному делу, принадлежащие ему права и возложенные на него обязанности».

В соответствии ч. 6 ст. 408 УПК РК, судом подлежат разъяснению права, предусмотренные ст. 72 и ч.ч. 3 и 4 ст. 410 УПК РК. Однако при этом закон умалчивает о том, что в случае предъявления частным обвинителем исковых требований, что предоставлено ему ч. 3 ст. 408 УПК РК, судья должен разъяснить ему права гражданского истца, предусмотренные ст. 73 УПК РК, а обвиняемому – права гражданского ответчика, предусмотренные ст. 74 УПК РК.

Полагаем, что необходимо внести в УПК РК следующие изменения и дополнения.

в целях исключения пробела, полагаем необходимым дополнить:

1) ч. 6 ст. 408 УПК РК, изложив ее в следующей редакции: «6. С момента принятия судом жалобы к своему производству лицо, ее подавшее, является частным обвинителем, и ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьей 72 и частями третьей и четвертой статьи 410 настоящего Кодекса. Если жалоба содержит просьбу о рассмотрении гражданского иска, и к жалобе приложено исковое заявление и необходимые материалы в подтверждение исковых требований, то суду надлежит решить вопрос о признании такого лица гражданским истцом, и ему должны быть разъяснены права, предусмотренные статьей 73 настоящего Кодекса.

В отличие от судов первой инстанции, рассмотрение дел частного обвинения в апелляционной и кассационной инстанциях имеет свои особенности. В соответствии с УПК РК апелляционное производство - один из ключевых этапов пересмотра судебных актов, призванный обеспечить соблюдение прав участников и законность принятых решений.

Право апелляционного обжалования приговора или постановления суда первой инстанции предоставлено осужденному, оправданному, их защитникам, в том числе вступившим в производство по делу после оглашения приговора, постановления, их законным представителям, потерпевшему (частному обвинителю), их представителям и законным представителям. Гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и законные представители вправе обжаловать приговор в части, относящейся к гражданскому иску (ст. 414 УПК РК). Спецификой апелляционной стадии является возможность истребования и исследования новых доказательств (ч. 3 ст. 423 УПК), однако их представление допускается лишь при обосновании невозможности представить их в суд первой инстанции. В этом контексте особенно важно профессиональное представительство, поскольку корректное формулирование апелляционной жалобы и подготовка подтверждающих материалов требуют глубокого понимания процессуальных норм и судебной практики. При этом, если в суде первой инстанции потерпевший способен самостоятельно

поддерживать обвинение, то в апелляции защита его интересов зачастую предполагает привлечение представителя либо адвоката [209, с. 109].

По данным Формы № 6 «Отчет о работе судов апелляционной инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2025 г. [9], по категории дел частного обвинения в отчетном периоде апелляционной коллегией рассмотрены приговоры в отношении 130 лиц. Все указанные приговоры явились предметом апелляционного обжалования, что отражает высокую процессуальную активность участников и конфликтный характер данной категории дел.

Итоги апелляционного пересмотра свидетельствуют о высокой устойчивости приговоров судов первой инстанции по делам частного обвинения. Так, 106 приговоров (81,5%) оставлены без изменения. При этом апелляционная инстанция отменила приговоры в отношении 9 лиц, что составило 6,9%. Вместе с тем 4 приговора (3,1%) подверглись изменению, что указывает на необходимость частичной корректировки отдельных выводов суда первой инстанции без применения института отмены судебного решения. Остальная часть массива (11 решений, 8,5%) приходится на иные процессуальные исходы апелляционного рассмотрения, что согласуется с диспозитивной природой частного обвинения и допускаемыми законом способами завершения производства, обусловленными волей сторон и спецификой оснований прекращения.

В целом приведенные показатели позволяют сделать вывод о том, что в апелляционной инстанции по делам частного обвинения преобладает модель подтверждения решений первой инстанции, однако наличие отмен и изменений демонстрирует сохраняющуюся актуальность проблем обеспечения качества судебного разбирательства, полноты исследования доказательств и корректности применения уголовного и уголовно-процессуального закона. Одновременно удельный вес «иных» апелляционных исходов подчеркивает важность учета особенностей диспозитивности и примирительных процедур при анализе эффективности механизма частного обвинения и его роли в обеспечении доступа к правосудию.

Кроме того, как нам представляется, для анализа эффективности института частного обвинения и решения возникающих в правоприменительной практике вопросов, необходим анализ данных статистики.

Анализ апелляционной практики по ч. 1 ст. 114 УК РК (Неосторожное причинение вреда здоровью) показывает, что в отчетном периоде апелляционной коллегией рассмотрены приговоры в отношении 7 лиц. Все 7 приговоров были обжалованы, что свидетельствует о полной процессуальной активности сторон по данной категории. По результатам апелляционного пересмотра: оставлено без изменения - 6 приговоров, что составляет 85,7% от числа рассмотренных; отменен -1 приговор, что составляет 14,3%; случаев изменения приговора без отмены не зафиксировано.

В отчетном периоде по ст. ч. 1 123 УК РК апелляционной коллегией рассмотрен приговор в отношении 1 лица. Указанный приговор был обжалован,

что отражает реализацию сторонами права на апелляционный пересмотр. По результатам рассмотрения: 1 приговор (100%) оставлен без изменения.

По делам об оскорблении (ст. 131 УК РК) апелляционной коллегией рассмотрены приговоры в отношении 116 лиц. Все указанные приговоры были обжалованы. Итоги апелляционного пересмотра: оставлено без изменения - 91 приговор, что составляет 78,4% от числа рассмотренных. Отменено - 9 приговоров (7,8%); изменено — 6 приговоров (5,2%); оставшаяся часть массива (10 решений, около 8,6%) приходится на иные процессуальные формы реагирования апелляционной инстанции. Среди 9 отмененных судебных решений четыре эпизода связаны с пересмотром обвинительных приговоров, которые были отменены, а вместо них судами постановлены оправдательные приговоры, 1 случай - отмена обвинительного приговора с вынесением нового обвинительного, 3 случая - отмена оправдательного приговора с постановлением обвинительного, 1 случай приходится на иные формы отмены.

Таким образом, апелляционная практика по делам об оскорблении характеризуется сравнительно активным вмешательством апелляционной инстанции в оценку выводов суда первой инстанции как в сторону оправдания, так и в сторону усиления обвинения.

По ч. 2 ст. 147 УК РК апелляционной коллегией рассмотрен приговор в отношении 1 лица. Указанный приговор был обжалован. По результатам пересмотра 1 приговор (100%) оставлен без изменения.

В отчетном периоде по ч. 1 ст. 149 УК РК апелляционной коллегией рассмотрены приговоры в отношении 3 лиц. Все указанные приговоры были обжалованы. Итоги апелляционного пересмотра: оставлено без изменения - 2 приговора, что составляет 66,7% от числа рассмотренных; отменен - 1 приговор (33,3%). Случаев изменения приговора без его отмены не зафиксировано.

По ч. 1 ст. 198 УК РК апелляционной коллегией рассмотрены приговоры в отношении 3 лиц. Все указанные приговоры были обжалованы. В итоге 3 приговора (100%) оставлены без изменения. По ч. 1 ст. 152 УК РК апелляционной коллегией рассмотрены приговоры в отношении 4 лиц. Все приговоры были обжалованы. По результатам пересмотра 4 приговора (100%) оставлены без изменения.

По другим составам, относящимся к категории дел частного обвинения в 2025 году апелляционное рассмотрение отсутствовало (все показатели равны нулю).

Таким образом, апелляционная практика по анализируемым составам в целом подтверждает высокий уровень устойчивости приговоров первой инстанции, что свидетельствует о достаточном качестве судебного разбирательства. Основания отмен приговоров преимущественно связаны с существенными нарушениями уголовно-процессуального закона; неправильной оценкой доказательств; ошибками в применении уголовного закона. При этом, более строгий апелляционный контроль демонстрируют категории дел, затрагивающие конституционные права и свободы личности, что соответствует их повышенной социальной и правовой значимости.

Низкая представленность ряда составов (ст. 150, 199, 321 УК РК и др.) в апелляционной статистике указывает на ограниченный объем уголовно-правового преследования в данных сферах либо на их латентный характер.

Кассационное производство направлено на проверку правильности применения норм материального и процессуального права, а не на пересмотр фактических обстоятельств дела. Участие адвоката в кассации не является обязательным, однако его целесообразность вытекает из сложности подготовки кассационной жалобы, требующей детального анализа применения правовых норм.

Институт примирения сторон в кассационном производстве не применяется, что соответствует общему назначению данной стадии процесса. Особенностью также является то, что прокурор наделен правом приносить апелляционные и кассационные ходатайства даже в случаях, когда он не участвовал в рассмотрении дела судом первой инстанции. Это предусмотрено ст.ст. 414, 486 УПК РК и направлено на обеспечение верховенства закона и защиту интересов потерпевших.

Анализ статистических показателей пересмотра дел частного обвинения в кассационном порядке за 2025 г., представленных в Форме № 6К «Отчет о работе суда кассационной инстанции по рассмотрению уголовных дел» [210] указывает на различная степень процессуальной активности.

Так, по делам о неосторожном причинении вреда здоровью (ст. 114 УК РК) апелляционная динамика характеризуется минимальной активностью. По ч. 1 указанной статьи рассмотрена одна жалоба, оставленная без удовлетворения; по ч. 2 жалобы не поступали. Данные показатели свидетельствуют либо о незначительном количестве дел данной категории, либо об устойчивости решений суда первой инстанции.

По делам о понуждении к действиям сексуального характера (ч. 1 ст. 123 УК РК) рассмотрено 3 жалобы, из которых 2 удовлетворены полностью и 1 частично. Таким образом, 100 % рассмотренных жалоб получили положительную оценку в кассационной инстанции, что указывает на активную корректирующую роль суда апелляционной инстанции при защите половой свободы и неприкосновенности личности.

По делам об оскорблении (ст. 131 УК РК) рассмотрено 5 жалоб, из которых 3 удовлетворены полностью, 1 - частично и 1 оставлена без удовлетворения. Уровень удовлетворения составил 80 %, что также свидетельствует о высокой степени вмешательства апелляционной инстанции и о необходимости дополнительной правовой оценки выводов суда первой инстанции по данной категории дел.

По делам о нарушении неприкосновенности частной жизни и законодательства о персональных данных (ст. 147 УК РК) по ч. 1 жалобы не поступали, тогда как по ч. 2 рассмотрено 3 жалобы, все из которых удовлетворены полностью либо частично (100 % удовлетворения).

По делам о нарушении трудового законодательства (ст. 152 УК РК) по ч. 1 апелляционная активность отсутствует, а по ч. 2 рассмотрено 3 жалобы, все

из которых оставлены без удовлетворения (0 % удовлетворения). Данные показатели свидетельствуют о большей устойчивости судебных решений по социально-трудовым спорам в рамках частного обвинения.

По иным составам уголовных правонарушений, отнесенным к делам частного обвинения, в анализируемом периоде статистические показатели отсутствуют, что может свидетельствовать либо о незначительном количестве таких дел, либо об отсутствии их пересмотра в апелляционном порядке.

С учетом характера кассационного производства, направленного на проверку правильности применения норм материального и процессуального права без переоценки фактических обстоятельств дела, представленные данные позволяют сделать вывод о его стабилизирующей функции в системе частного обвинения. Отсутствие значительного количества дел, возвращенных после отмены судебных актов вышестоящей инстанцией, а также единичность случаев дальнейшего пересмотра свидетельствуют о том, что апелляционная стадия в делах частного обвинения в большинстве случаев является ключевой и окончательно формирующей правовую позицию по делу.

Таким образом, кассационное производство в делах частного обвинения выполняет преимущественно функцию обеспечения единообразия судебной практики и контроля за соблюдением закона, тогда как основная нагрузка приходится на апелляционную инстанцию. Это подтверждает вывод о дифференцированном значении стадий пересмотра судебных решений в механизме реализации права на доступ к правосудию в рамках института частного обвинения.

В целом процессуальные особенности апелляции и кассации, закрепленные в УПК, ориентированы на соблюдение принципа законности и реализацию прав всех участников процесса [209, с. 109].

Заключение

По итогам исследования выделены, на наш взгляд, ключевые проблемы совершенствования законодательного регулирования правоотношений в делах частного обвинения. Сформулированные в диссертации положения и выводы позволяют представить следующие заключительные тезисы.

1. Современные тенденции развития уголовно-процессуального законодательства обусловливают возрастание актуальности научной позиции, рассматривающей частное обвинение как особую форму иска, обладающую универсальным характером:

- дела частного обвинения, как правило, не затрагивают публичные интересы в значительной степени, что обусловливает зависимость начала уголовного преследования исключительно от волеизъявления потерпевшего;

- обращаясь в суд с жалобой по делам частного обвинения, потерпевший реализует право на судебную защиту и восстановление нарушенных субъективных прав (ч. 1 ст. 408 УПК РК);

- бремя представления доказательств, подтверждающих обстоятельства совершения уголовного правонарушения и виновность обвиняемого, возлагается на частного обвинителя (ч. 1 ст. 410 УПК РК). В то же время обвиняемый вправе подать встречную жалобу (ч. 3 ст. 411 УПК РК);

- специфика производства по делам данной категории проявляется также в возможности примирения сторон (ч. 2 ст. 32, ч. 4 ст. 411 УПК РК). Наряду с этим частный обвинитель вправе в ходе судебного разбирательства изменить предъявленное обвинение при условии, что это не ухудшает положение подсудимого и не нарушает его право на защиту, а также отказаться от поддержания обвинения (ч. 5 ст. 411 УПК РК).

2. Исследуя обвинение как вид процессуальной деятельности потерпевшего в аспекте расширения частных начал в уголовном судопроизводстве, сформулировано положение, что при изучении вопросов возбуждения данного вида уголовного производства, нужно акцентировать внимание на повод, которым согласно ч. 2 ст. 32 УПК и ст. 408 УПК является только жалоба лица, пострадавшего от уголовного правонарушения о привлечении к уголовной ответственности.

3. Особенности производства по указанной категории дел определяют особый субъектный состав его участников, в котором ключевую роль занимает частный обвинитель как инициатор и носитель обвинительной функции.

В ходе исследования выявлено, что действующее уголовно-процессуальное законодательство содержит элементы несогласованности при определении круга лиц, наделенных правом инициировать производство по делам частного обвинения. Нормативные предписания, регулирующие данный вопрос, не во всех случаях обеспечивают единообразное понимание статуса субъекта обращения в суд, что создает предпосылки для различной правоприменительной практики и требует дополнительной законодательной конкретизации.

Это выражается, с одной стороны, в определении статуса частного обвинителя (ч. 1 ст. 72 УПК РК) и момента возникновения этого статуса (ч. 6 ст. 408 УПК РК) исключительно с момента принятия судом жалобы, а с другой - в указании в ч. 2 ст. 32 УПК РК на потерпевшего как на субъекта, по жалобе которого начинается производство. В целях устранения указанной несогласованности, обеспечения логической завершенности субъектного состава и повышения юридической определенности производства по делам частного обвинения предлагается внести изменения в ст. 32 УПК РК, закрепив в качестве субъекта, инициирующего данное производство, лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения, с последующим приобретением им статуса частного обвинителя после принятия жалобы судом.

4. Сделан вывод о необходимости расширения действующего перечня дел частного обвинения за счет включения иных составов, в которых, на наш взгляд, преобладает частный интерес потерпевшего и применимы диспозитивные механизмы защиты.

5. Законодательная институционализация частной детективной деятельности может выступить одним из дополнительных механизмов обеспечения конституционных гарантий судебной защиты и реализации права на доступ к правосудию. На наш взгляд, этот механизм должен быть создан и такой подход перспективен в силу, то, что он обеспечит фактическое равенство возможностей сторон в условиях, когда государственный аппарат уголовного преследования не вовлечен в процесс в полном объеме либо действует ограниченно.

В делах частного обвинения, где инициатива, доказывание и процессуальная активность в значительной степени возлагаются на лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения, участие частного детектива может выполнять функцию предпроцессуальной подготовки, содействовать сбору допустимой информации, установлению свидетелей, фиксации цифровых следов и иных обстоятельств, не подменяя при этом функций органов досудебного расследования.

Легализация частной детективной деятельности способна способствовать: повышению объективности установления фактических обстоятельств; снижению риска процессуальных ошибок; предварительной фильтрации необоснованных обращений; разгрузке судебной системы; укреплению принципов состязательности и равенства сторон.

Вместе с тем допустимость и целесообразность функционирования данного института возможны исключительно при условии его четкого нормативного закрепления, включающего лицензирование и государственный контроль; профессиональные стандарты деятельности; регламентацию допустимых методов сбора информации; определение процессуального статуса частного детектива и режима использования полученных им сведений; систему гарантий защиты прав личности, включая охрану частной жизни и персональных данных. Таким образом, введение института частной детективной деятельности в делах частного обвинения направлен на

укрепление гарантий прав личности, повышение качества правоприменения и обеспечение баланса публичных и частных интересов в уголовном судопроизводстве.

6. В соответствии ч. 6 ст. 408 УПК РК, судом подлежат разъяснению права, предусмотренные ст. 72 и ч.ч. 3 и 4 ст. 410 УПК РК. Однако при этом закон умалчивает о том, что в случае предъявления частным обвинителем исковых требований, что предоставлено ему ч. 3 ст. 408 УПК РК, судья должен разъяснить ему права гражданского истца, предусмотренные ст. 73 УПК РК, а обвиняемому – права гражданского ответчика, предусмотренные ст. 74 УПК РК.

7. Действующий УПК указывает лишь на право начинать либо продолжать производство по делу прокурором, но оставляет без правового регулирования процессуальное положение прокурора в случае вступления частного обвинителя в начатое прокурором производство по делу.

При этом, рекомендуется Генеральной Прокуратуре РК разработать Правила для применения ч. 4 ст. 32 УПК РК, предусматривающие критерии случаев беспомощного или зависимого состоянии и других причин, препятствующих лицу, пострадавшему от уголовного правонарушения, самостоятельно воспользоваться принадлежащими ему правами с приложением Шаблонов решения о вступлении прокурора.

8. Особую научную и практическую значимость имеет проблема правопреемства частного обвинителя. Урегулирование данного вопроса позволит обеспечить эффективную защиту прав потерпевшего по делам частного обвинения в случаях, когда лицо, пострадавшее от уголовного правонарушения, по объективным причинам не может лично участвовать в уголовном процессе, в частности в случае его смерти. Урегулирование этой практически часто возникающей ситуации гарантирует, что интересы потерпевшего будут защищены, и уголовное преследование будет продолжено. В этой связи предлагаем ввести норму о правопреемстве на подачу жалобы частного обвинения и продолжении преследования.

9. Необходима терминологическая унификация понятийного аппарата, обслуживающего нужды правоотношений в сфере производства по делам частного обвинения. В действующем Законе Республики Казахстан «О медиации» нет упоминания о допустимости медиативного соглашения в делах частного обвинения с привязкой к соответствующим основаниям прекращения.

В целях стимулирования профессиональной деятельности медиаторов, предотвращения дефицита квалифицированных специалистов, экономии бюджетных средств и повышения доверия к указанной деятельности предусмотреть модель «предмедиативной консультации», осуществляемой на бесплатной основе с общественным медиатором.

Такая консультация носит информативный характер, способствует быстрой фильтрации споров, где медиация действительно уместна, и отказ по делам с явными рисками. В рамках «предмедиативной консультации» медиатор разъясняет сторонам принципы медиации (добровольность, равноправие сторон

медиации, независимость и беспристрастность медиатора, конфиденциальность), правила общения, рамки возможного соглашения. Сторонами определяются спорные вопросы, пути их решения, сроки и бюджет. После проведения «предмедиативной консультации» стороны способны принять осознанное решение о продолжении процедуры и вопросах распределения расходов. Таким образом сохраняется рынок профессиональных услуг медиаторов, повышает качество, а государство финансирует именно начальный этап. Чем больше разрешений конфликтов на ранней стадии, тем меньше нагрузки на суды.

10. Создание специализированного информационного сервиса по делам частного обвинения, реализованного в формате цифровой платформы «E-TALAP RK», позволяет институционально решить ряд системных проблем, выявленных в практике начала и осуществления производства по уголовным делам данной категории. Ключевым преимуществом подобного сервиса является снижение уровня процессуальных ошибок, допускаемых заявителями на стадии подготовки и подачи жалобы, за счет структурирования и стандартизации соответствующих действий.

Платформа обеспечивает поэтапную навигацию заявителя через процедуру подготовки жалобы (заполнение данных, автоматизированный анализ, формирование итогового документа), что способствует приведению содержания жалобы в соответствие с требованиями ст. 408 УПК РК. Использование встроенных подсказок и юридических справок исключает типичные ошибки, связанные с отсутствием обязательных реквизитов, неконкретным описанием фабулы правонарушения, неправильным указанием подсудности либо процессуального статуса участников. В результате достигается повышение правовой определенности и предсказуемости стадии принятия жалобы к производству суда.

Автоматизированный анализ жалобы с использованием интеллектуальных алгоритмов (ИИ) выполняет функцию предварительной процессуальной верификации, не подменяя оценку суда по существу и не нарушая принцип независимости правосудия. Такой анализ ориентирован не на установление виновности, а на проверку формально-процессуальных требований и логической связности излагаемых обстоятельств, что позволяет минимизировать количество возвратов и отказов по формальным основаниям.

Список использованных источников

1 Послание Президента Республики Казахстан. Справедливое государство. Единая нация. Благополучное общество: 01 сентября 2022 г. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130 Дата обращения: 18.02.2025.

2 Закон Республики Казахстан от 30 декабря 2025 года № 245-VIII «О профилактике правонарушений» (вводится в действие 02 апреля 2026 г.) // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=34819878&pos=8;86 Дата обращения: 13.02.2026.

3 Послание Президента Республики Казахстан. Справедливый Казахстан: закон и порядок, экономический рост, общественный оптимизм: 02 сентября 2024 г. [Электрон. ресурс]//URL:https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-spravedlivyy-kazahstan-zakon-i-poryadok-ekonomicheskiy-rost-obshchestvennyy-optimizm-285014 Дата обращения: 18.02.2025.

4 Указ Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года. [Электрон. ресурс] // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674 Дата обращения: 18.02.2025.

5 Конституция Республики Казахстан принята на республиканском референдуме 30 августа 1995 г. [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029 Дата обращения: 19.02.2025.

6 Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858. Об утверждении Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года // Казахстанская правда. – 27.08.2009. - № 205 (25949).

7 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206-I // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., № 23, ст.335; 1998 г., № 23, ст. 416; 2000 г., № 3-4, ст. 66; № 6, ст. 141; 2001 г., № 8, ст. 53; № 15-16, ст. 239; № 17-18, ст. 245; № 21-22, ст. 281 (утратил силу).

8 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=2041;-33#pos=2041;-33 [Электрон. ресурс] // URL: (по состоянию на 16.09.2025 г.).

9 Формы № 6 «Отчет о работе судов апелляционной инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2019 - 2025 гг. [Электрон. ресурс] // URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics Дата обращения: 02.02.2026 г.

10 Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб.: Альфа, 1996. - Т. 1. – 552 с.

11 Шершеневич Г.Ф. История философии права. - СПб.: Лань, 2001. - 528 с.

12 Бряник Н.В. Динамика правопонимания в античности: от философии права Древней Греции к юриспруденции Древнего Рима // Научный ежегодник ИФиП УрО РАН. - 2018. - Том 18. - Вып. 1. – С. 7-23. [Электрон. ресурс] // URL:

https://elibrary.ru/download/elibrary_32760451_84410073.pdf Дата обращения: 18.05.2023 г.

13 Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб: Равена, Альфа, 1995. – 846 с.

14 Черняк Б.А. Становление и развитие судебных институтов в Древней Греции (от темных веков до поздней архаики) // Судебная власть и уголовный процесс. Научно-практический журнал. – 2016. - № 3. - С.142-146. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.twirpx.com/file/2109138/ Дата обращения: 18.05.2023.

15 Bauman Richard A. Crime and Punishment in Ancient Rome. - London: Routledge, 1996. – 200 с. [Электрон. ресурс] // URL: http://eds.a.ebscohost.com/eds/detail?sid=dd0e22ab-a07b-46b2-b327-648848e292f4@sessionmgr4008&vid=5&format=EB&rid=3#AN=79741&db=nlebk Дата обращения: 10.05.2023.

16 Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в архаический период // Право и государство: теория и практика. - 2010. - № 3 (63). - С. 123-127.

17 Медведев В.Г. Уголовный суд и процесс в Древнем Риме в период империи // Российский юридический журнал. - 2011. - № 3 (78). - С. 219-223.

18 Смирнов А. В. Модели уголовного процесса. — СПб.: «Наука», ООО «Издательство «Альфа», 2000. - 224 с.

19 Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. - М.: Спарк, 2001. – 767 с.

20 Романов А.К. Правовая система Англии. - М.: Дело, 2000. – 344 с.

21 Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. - М. Изд-во МГУ, 1994. - 590 с.

22 Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. – СПб: Равена, Альфа, 1995. – 846 с.

23 Петрова Н.Е. Частное и субсидиарное обвинение. - Самара: Изд-во «Самарский университет», 2004. - 213 с.

24 Wattinne A. L'affaire des trois roues. - Macon: Protat Freres, 1921. – 219 p.

25 Jack Lawson Oates. The Influence of the French Revolution on Legal and Judicial Reform. - Simon Fraser University, 1980. – 129 p.

26 John H. Langbein. The English Criminal Trial Jury on the Eve of the French Revolution. – Berlin: Duncker & Humblot, 1980. – 39 p.

27 Philip B. Kurland & D.W.M. Waters. Public Prosecution in England, 1854-79: An Essay in English Legislative History // Duke Law Journal. - 1959. - № 4. - 493-562 p.

28 John M. Beattie. Crime and the Courts in Surrey: 1736-1753, in Crime in England 1550-1800 (J.S. Cockburn, ed.). – Princeton: Princeton University Press, 1977. – 176 p.

29 Martin Wilkinson III. Criminal Procedure: Independently Published, 2018 – 55 p. (C.6); Wayne R. LaFave, Jerold H. Israel. Hornbook on Criminal Procedure. 2d ed. West, 1997. – 2283 p.

30 Бернам У. Правовая система США. 3-й выпуск. – М.: «Новая юстиция», 2006. – 1216 с.

31 Головко Л.В., Гуценко К.Ф., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. - Учебное пособие для юридических вузов. - 2-е изд., доп. и испр. - М.: Зерцало-М, 2002. - 528 с.

32 The Constitution of the United States of America // The official website of the library of Congress. Access mode: [Электрон. ресурс] // URL: https://www.congress.gov (Access date: 10.01.2020).

33 Judiciary Act of 1789 // the official website of the library of Congress. Access mode: [Электрон. ресурс] // URL: https://www.congress.gov (Access date: 10.01.2020).

34 United States Code, U.S.C., Title 28 — Judiciary and judicial procedure // the official website of the library of Congress. Access mode: [Электрон. ресурс] // URL: https://www.congress.gov (Access date:10.01.2020).

35 Jack M. Kress. Progress and Prosecution // The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. - Issue 1, 1976. – 99 -116 p.

36 John L. Worrall. Prosecution in America: A Historical and Comparative Account. – Albany: State University of New York Press, 2008. – 275 p.

37 Российское законодательство X-XX веков: В девяти томах. Т.8: Судебная реформа. - М.: Юридическая литература, 1991. – 496 с.

38 Зиманов С.З. Древний мир права казахов: Материалы, документы и исследования в десяти томах. – 2-ое издание. - Алматы, 2004. – Т.1. - 627 с.

39 Сулейменов М. Система права и система законодательства Казахстана: выбор пути //Журнал «Юрист». – 2011. - № 4 [Электрон. ресурс] // URL: https://journal.zakon.kz/4466326-sistema-prava-i-sistema-zakonodatelstva.html Дата обращения: 10.05.2023.

40 Культелеев Т.М. Уголовное обычное право казахов. – Алматы: ТОО РПИК «Дәуір», 2004. – 312 с.

41 Киргизская степная газета. Человек, общество, природа, 1888-1902 / Сост. У. Субханбердина. – Алматы: Гылым, 1994. - 816 с.

42 Алимжан К. Суд биев как институт обычного права // Мысль - 1999.- № 6.- С.78-84.

43 Ахметова Н.С. Право кочевого казахского общества // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2007. - № 28. – С. 4-8.

44 Ленский А. В., Якимович Ю. К. Производство по делам частного обвинения в уголовном процессе России. – М.: Юристъ, 1998. – 48 с.

45 Тальберг Д.Г. Русское уголовное судопроизводство. - Киев, 1891. - Т.2. - 214 с.

46 Декреты Советской власти. - М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – Т.1. – 198 с.

47 Постановление ВЦИК «Об уголовно-процессуальном кодексе» от 25 мая 1922 г. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.twirpx.com Дата обращения: 10.05.2023.

48 Постановление ВЦИК от 15 февраля 1923 года «Об утверждении Уголовно-Процессуального Кодекса РСФСР» // Известия ВЦИК. – 1923. - № 37 [Электрон. ресурс] // URL: https://ru.wikisource.org Дата обращения: 10.05.2023.

49 Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик // Основы законодательства Союза ССР и союзных республик. – М.: Юридическая литература, 1982. – С. 275 – 298.

50 Уголовно-процессуальный кодекс Казахской Советской Социалистической Республики. – Алма-Ата: Казгосиздательство, 1960. – 148 с.

51 Государственная программа правовой реформы в Республике Казахстан (основные направления): утверждена Постановлением Президента Республики Казахстан от 12 февраля 1994 года № 1569 [Электрон. ресурс] // URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/K940001569 Дата обращения: 10.05.2023.

52 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 13 декабря 1997 года № 206-I // Ведомости Парламента Республики Казахстан, 1997 г., № 23, ст.335; 1998 г., № 23, ст. 416; 2000 г., № 3-4, ст. 66; № 6, ст. 141; 2001 г., № 8, ст. 53; № 15-16, ст. 239; № 17-18, ст. 245; № 21-22, ст. 281 (утратил силу).

53 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V. https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=2041;-33#pos=2041;-33 [Электрон. ресурс] // URL: (по состоянию на 16.09.2025 г.).

54 Трефилов А. А. Уголовный процесс зарубежных стран. Т. 1 (2-е издание) – М.: ООО «НИПКЦ Восход–А», 2019. – 1024 с.

55 Choudhry, S. Globalisation in Search of Justification: Toward a Theory of Comparative Constitutional Interpretation', Indiana Law Journal,1999, Vol. 74, Issue 3.-P. 820—892.

56 Kühne H. Strafprozessrecht: Eine systematische Darstellung des deutschen und europäischen Strafverfahrensrechts (C.F. Müller Lehr- und Handbuch), 2015. - S. 670.

57 The German Code of criminal procedure. Code of Criminal Procedure in the version published on 7 April 1987 (Federal Law Gazette [Bundesgesetzblatt] Part I p. 1074, 1319), as most recently amended by Article 3 of the Act of 23 April 2014 (Federal Law Gazette Part I p. 410). [Электрон. ресурс] // URL: http://www.unodc.org/res/cld/document/deu/1987/the_german_code_of_criminal_procedure_html/German_Criminal_Procedure_Code_1987_Full_text.pdf Дата обращения: 01.08.2025.

58 Головненков П., Спица Н. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия - Strafprozessordnung (StPO). Научно-практический комментарий и перевод текста закона. – Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2012. – 404 с.

59 German Criminal Code in the version published on 13 November 1998 (Federal Law Gazette I, p. 3322), as last amended by Article 2 of the Act of 19 June

2019 (Federal Law Gazette I, p. 844). [Электрон. ресурс] // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p0026 Дата обращения: 01.08.2025.

60 Code de procédure pénale - Dernière modification le 01 janvier 2021 - Document généré le 01 janvier 2021. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.legifrance.gouv.fr/download/file/pdf/LEGITEXT000006071154.pdf/LEGI Дата обращения: 01.08.2025.

61 Миряшева Е.В. Правовые основы деятельности прокуратуры французской республики //Правовые исследования во Франции: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. – М., 2007. – 212 с. – (Серия Правоведение.).

62 Шумилина О.Ю. Процессуальное положение потерпевшего по делам частного обвинения: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. - Томск, 2004. -14 с.

63 Сулейменов М.К. Английское право и правовая система Казахстана // Английское право и правовая система Республики Казахстан: Материалы международного круглого стола (23 октября 2018 г.) / отв.ред. С.П. Мороз. Алматы, 2018. – 313 с.

64 Michael T. McCormack. The Need for Private Prosecutors: An Analysis of Massachusetts and New Hampshire Law. [Электрон. ресурс] // URL: suffolklawreview.org/wp-content/uploads/.../McCormack Дата обращения: 05.08.2025.

65 Private prosecutions: safeguards. [Электрон. ресурс] // URL: https://publications.parliament.uk/pa/cm5801/cmselect/cmjust/497/49702.htm Дата обращения: 05.08.2025.

66 Anna Louise Prestidge. Private prosecutions in New Zealand – a public concern? – P.107-134. [Электрон. ресурс] // URL: http://www.nzlii.org/nz/journals/VUWLawRw/2019/5.pdf Дата обращения: 05.08.2025.

67 Prosecution of Offences Act, 1985. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1985/23 Дата обращения: 05.08.2025.

68 The Criminal Procedure Rules, 2020. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.legislation.gov.uk/uksi/2020/759/contents/made Дата обращения: 05.08.2025.

69 Criminal Procedure Rules 2020 and Criminal Practice Directions 2023. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.gov.uk/guidance/rules-and-practice-directions-2020 Дата обращения 09.08.2025.

70 Magistrates' Courts Act 1980. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1980/43/section/1 Дата обращения 09.08.2025.

71 Emma Kaufman. The Past and Persistence of Private Prosecution // Penn Carey Law Journals. PENN_LAW_REVIEW. Vol. 173 (2024-2025). Iss. 1 (2024). – p. 129. [Электрон. ресурс] // URL: https://scholarship.law.upenn.edu/penn_law_review/vol173/iss1/2/?utm_source=chatgpt.com Дата обращения 09.08.2025.

72 Сулейменова Г.Ж. Особенности производства по делам частного обвинения [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=32892794&pos=6;-108#pos=6;-108 Дата обращения 13.08.2025.

73 Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ. [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30407315&sub_id=200000&pos=855;-56#pos=855;-56 Дата обращения 09.08.2025.

74 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З. [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&sub_id=260000&pos=905;-55#pos=905;-55 (по состоянию на 17.02.2025 г.).

75 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII) [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30421101&pos=3163;-51#pos=3163;-51 (по состоянию на 27.06.2025 г.).

76 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года. [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30594304&sub_id=240000&pos=764;-55#pos=764;-55 (по состоянию на 03.01.2024 г.).

77 Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IQ). [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420280&sub_id=370000&pos=926;-56#pos=926;-56 (по состоянию на 29.11.2024 г.).

78 Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 27 июля 2021 года №ЗР-306. [Электрон. ресурс] // URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=143021 (по состоянию на 26.04.2025 г.).

79 The Victims' Compensation Act (Opferentschadigungsgesetz) of 11 May 1976. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.bmas.de/EN/Our-Topics/Social-Security/compensation-and-assistance-for-victims-of-violent-crime.html Дата обращения: 01.08.2025.

80 German Criminal Code in the version published on 13 November 1998 (Federal Law Gazette I, p. 3322), as last amended by Article 2 of the Act of 19 June 2019 (Federal Law Gazette I, p. 844). [Электрон. ресурс] // URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_stgb/englisch_stgb.html#p0026 Дата обращения: 01.08.2025.

81 Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.) [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/ Дата обращения 13.08.2025.

82 Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Европейская конвенция о правах человека, ETS № 005) (Рим, 4 ноября 1950 года) [Электрон.

ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1007545 (по состоянию на 11.05.1994 г.).

83 Международный Пакт о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 19 декабря 1966 г.). [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz Дата обращения 15.03.2024.

84 Грек Е.Н. Особенности становления и развития феномена частного обвинения в национальном уголовно-процессуальном праве как средства обеспечения потерпевшему доступа к правосудию // «Научные труды «Әділет». – 2017. - № 4. – С.77-86.

85 Жумашев М.А. Правовая природа реабилитации и возмещения вреда: необходимость логико-терминологического и содержательного разграничения в УПК Российской Федерации и УПК Республики Казахстан // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. - 2024. - № 2 (66). – С. 128-133.

86 Количество оправдательных приговоров в стране увеличилось на треть в Казахстане. [Электрон. ресурс] // URL: https://rus.baq.kz/kolichestvo-opravdatelnyh-prigovorov-v-strane-uvelichilos-na-tret_300030208/?utm_source=chatgpt.com (по состоянию на 29.12.2025 г.).

87 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2018 года № 10 «О взыскании процессуальных издержек по уголовным делам». [Электрон. ресурс] // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P180000010S/info (по состоянию на 29.06.2018 г.).

88 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 декабря 2006 года № 13 «О судебной практике по делам частного обвинения». [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30087167 Дата обращения 02.02.2026.

89 Формы № 1 «Отчет о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2022-2025 гг. [Электрон. ресурс] // URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics Дата обращения 02.02.2026.

90 Большой юридический словарь/ Под ред. А. Я.Сухарева. - 3-е изд., доп. и перераб. - М.: ИНФРА-М, 2007. — 858 с.

91 Алексеев С.С. Структура советского права. - М.: Юридическая литература, 1975. – 264 с.

92 Мороз С.П. Инвестиционное право: Учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – Алматы: Каспийский университет, 2019. – 342 с.

93 Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан: Курс лекций / Под общей ред. д.ю.н., проф. Б.Х. Толеубековой. – Алматы: Жеті Жарғы, 2016. – 392 с.

94 Барихин А.Б. Большая юридическая энциклопедия. (Серия «Профессиональные справочники и энциклопедии») – М.: Книжный мир, 2010. – 960 с.

95 Мухтасипова Т. Н. Механизм реализации функции частного обвинения в российском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. - Челябинск, 2004. - 20 с.

96 Уголовный процесс. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов / Под ред. К.Ф. Гуценко. - М.: Издательство "Зерцало", 2005. – 637 с.

97 Быковская Е.В. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: проблемы правовой регламентации и их решение: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 2006. – 24 с.

98 Воронин В.В. Становление, особенности и проблемы российского судопроизводства по делам частного обвинения: Дис. ... канд. юрид. наук - Оренбург, 2001. - 206 с.

99 Головачук О.С. Частное обвинение в уголовном процессе: Дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2001. - 177 с.

100 Титов П.М. Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения: Дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2021. – 199 с.

101 Дорошков В.В. Материально-правовые и процессуальные аспекты частного обвинения: Дис. …канд. юрид. наук. – М., 1997 - 200 с.

102 Уголовно-процессуальное право Республики Казахстан. Часть Общая: Академический курс /Под ред. Б.Х. Толеубековой. Книга первая. – Алматы: ТОО Издательская компания «HAS», 2004. – 416 с.

103 Латинско-русский словарь / Под ред. И. Х. Дворецкого. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.

104 Васьковский Е. В. Курс гражданского процесса. – Т. 1. - М., 1913. – С.368; Случевский В. К. Учебник русского уголовного процесса, изд-е 2-е – СПб, 1892. – С. 49-51; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2-х томах.- Т. 1. – СПб, 1996. – С. 11; Чельцов М. А. О недопустимости перенесения буржуазных конструкций в советскую уголовно-процессуальную теорию //Ученые записки ВЮЗИ. – Вып. 6. – 1958. – С. 54; Боннер А. Т. Принцип диспозитивности советского гражданско-процессуального права. – М., 1987. – С. 35; Бояринцев В. Н. Соотношение публичности и диспозитивности в советском судебном праве: Автореф. дисс…канд. юрид. наук. – М., 1987.- С. 13; Алексеев С. С. Частное право: научно-публицистический очерк. – М., 1999. - С. 36; Комисарова Е. Г. Основные начала современного гражданского законодательства. – Тюмень, 2000. – С. 60.

105 Мусилимов А.Е. Диспозитивность в уголовном процессе Республики Казахстан: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. - Караганда, 2004. - 30 с.

106 Строгович М.С Курс советского уголовного процесса. – Том 1: Основные положения науки советского уголовного процесса. – М.: Издательство «Наука», 1968. – 470 с.

107 Савицкий В.М., Ларин А.И. Уголовный процесс: словарь-справочник. – М.: Контракт, 1999. – 269 с.

108 Цыпкин А.Л. О диспозитивности в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1958. - № 3. – С. 132-135.

109 Журсимбаев С. Право на доступ к правосудию: проблемы и пути решения [Электрон. ресурс] // URL: http://online.zakon.kz Дата обращения 13.08.2025.

110 Дикарев И.С. Диспозитивность в уголовном процессе России: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Волгоград, 2004. – 15 с.

111 Демин А.В. Диспозитивность как общеправовой концепт // Право и государство. - 2016. -№ 3(72) – С. 94-100.

112 Сангаджиев Г.В. Диспозитивность в уголовном процессе // Общество и право. – 2010. - № 2(29). – С.232-235.

113 Штоль Д.С. Теоретические основы дефиниции принципа диспозитивности современного уголовного процесса // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – 8(404). – С.129-132.

114 Кожевников В.В. К проблеме диспозитивных норм частного и публичного права современной России // Журнал российского права. – 2017. – 12(252). – С.16-28.

115 Александров А.С. Диспозитивность в уголовном процессе: Дис. …канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 1995. – 243 с.

116 Дагель П. С. Потерпевший от преступления. Тематический сборник. – Владивосток: Издательство ДВГУ, 1974. – 216 с.

117 Анцилогова В.Г., Кокорев Л.Д. К вопросу о частном обвинении //Социалистическая законность и охрана прав граждан. Тезисы. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1963. - С. 80-83.

118 Петрухин И.Л. Правовая защита личности при поисках доказательств по уголовных делах //Социалистическая законность. – 1989. - № 12. – С. 7-9.

119 Квачевский А.А. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по Судебным Уставам 1864 года. – СПб, 1866. - 352 с.

120 Рогозин Н. Н. Уголовное судопроизводство. – Петроград: Изд. юрид. кн. скл. «Право», 1916. – 603 с.

121 Тенсина Е.Ф. Производство по делам частного обвинения как форма диспозитивности: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – Ижевск, 2004. - 37 с.

122 Аникина Е.И. Производство по делам частного обвинения: Дис. ... канд. юрид. наук. - Саранск, 2000. - 171 с.

123 Корякин А.Л. История развития и становления института частного обвинения в уголовном процессе России, проблемы частного обвинения и пути решения // Вестник Омского университета. Серия «Право». - 2013. - № 3 (36). - С. 225-233.

124 Жирова М.Ю. Исковая природа частного обвинения // Вестник СамГУ. – 2011. - № 4(85). – С.289-295.

125 Бачурин С. Н. Компенсация морального вреда реабилитированным гражданам и потерпевшим от преступлений по законодательству Республики Казахстан: Монография. - Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова. - 2008. - 152 с.

126 Бачурин С.Н. К вопросу о критериях компенсации морального вреда реабилитированным гражданам по законодательству Российской Федерации и Казахстана //Идейные и нравственные начала уголовного процесса //Материалы

международной научно-практической конференции. - М.: МАЭП, 2009. – С. 126-141.

127 Бачурин С.Н. Размеры компенсации морального вреда реабилитированным гражданам //Зангер. - 2009. - № 5. – С. 82 – 86.

128 Бачурин, С. Н. Условия и основания для реабилитации граждан в уголовном процессе Республики Казахстан // Актуальные проблемы уголовно-процессуального права и практика его применения: Материалы международной дистанционной научно-практической конференции, 30 апреля 2009 г. – Караганда: КЮИ МВД РК им. Б. Бейсеиова, 2009. – С. 43–44.

129 Третьякова О.Д. Юридическая конвергенция: теория, технология и практика: Монография /Под ред. Р.Б. Головкина. – М.: Центр современных образовательных технологий, 2011. – 344 с.

130 Большой энциклопедический словарь. - 2-е издание, переработанное и дополненное /Под ред. А. М. Прохорова. – М.: Норинт, 2004. – 1456 с.

131 Кудрявцев М.А. Международный обмен правовой информацией как форма коммуникации правовых систем // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2013. - № 4. – С. 214-232; Fashman D. Russian law and globalization // Russian law journal. Volum IV (2016). – Issue 4. – 112-119 p.

132 Michaelsen C., Hayashi M., Byrnes A. International Law in the New Age of Globalization. – Leiden - Boston: Brill Nijhoff, 2013. – 448 c.

133 Zekos Georgios I. Economics and Law on Competition in 21st Century Globalization. - Hauppauge, New York: Nova Science Publishers Inc., 2014. – 336 c.

134 Гурджи Ю.А. Процессуальное обеспечение прав личности: вопросы теории: Монография. – Одесса: Пальмира, 2006 – 173 с.

135 Тирских М. Г., Аббасов О. Т. Аппроксимация права и взаимодействие правовых систем //Сибирский юридический вестник. – 2016. - № 4 (75). – С.109-114.

136 Самарин В.И. Совершенствование норм уголовно-процессуального права посредством гармонизации как основа обеспечения прав человека //Материалы международного круглого стола «Развитие судебной власти в Республике Беларусь». – Минск, 20 апреля 2017 г. – С.97-103.

137 Hufnagel, S. Policing Cooperation Across Borders: Comparative Perspectives on Law Enforcement within the EU and Australia / S. Hufnagel. – London: Routledge, 2016. – 368 p.

138 Смагулова Д.Ж. Международно-правовое сотрудничество государств в сфере уголовного судопроизводства //Вестник Института законодательства Республики Казахстан. – 2013. - № 1-2(29-30). – С.283-287.

139 Алексеев С.С. Собрание сочинений. В 10 т. [Справоч. том]. Том 5: Линия права. Отдельные проблемы концепции. – М.: Статут, 2010. – 549 с.

140 Сулейменов М.К. Актуальные проблемы частного права в Республике Казахстан //Актуальные проблемы частного права. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 23-24 мая 2002 г. /Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: КазГЮУ, 2003. – С.5-18.

141 Диденко А. Влияние публично-правовых актов на права и обязанности участников гражданского правоотношения // Гражданское законодательство. Статьи. Комментарии. Практика. – Алматы: Юрист, 2004. – Вып. 20. – С. 101-113.

142 Скрябин С.В. Элементы публичности в гражданском праве. // Актуальные проблемы частного права. Материалы международной научно-практической конференции. – Алматы, 23-24 мая 2002 г. /Отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы: КазГЮУ, 2003. – С.35-41.

143 Мороз С.П. Инвестиционное право Республики Казахстан: научное издание. – Алматы: НИИ частного права КазГЮУ, 2006. – 509 с.

144 Демин А.В. Право и государство. – 2016. - № 3 (72). – С. 94-100.

145 Хатуаева В.В. Реализация частного (диспозитивного) начала в уголовном судопроизводстве: Дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 393 с.

146 Уголовный процесс европейских государств. Монография /Под ред. Самарина В.И., Луцика В.В. – М.: Проспект, 2018. – 660 с.

147 Журсимбаев С.К., Грек Е.Н. Частное обвинение реально обеспечивает доступ к правосудию // «Научные труды «Әділет». – 2017. - №2. – С.83-88.

148 Указ Президента Республики Казахстан от 24 августа 2009 года № 858 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» (с изменениями и дополнениями от 16.01.2014 г.) // Казахстанская правда. – 2009. - № 205 (25959).

149 Муллахметова Н.Е. Обеспечение прав и законных интересов потерпевших по делам частного обвинения на стадии возбуждения уголовного дела //Виктимология. - 2021. - Т.8. - №1. – С. 47-55.

150 Кудрявцева А.В. Защита личных неимущественных прав (частного интереса) умершего потерпевшего в уголовном судопроизводстве (публично-правовыми способами) // Правовое государство: теория и практика. – 2025. – Том 21. - № 1(79). – С. 89–97.

151 Гаврилов М.А. Правопреемство в уголовном судопроизводстве России: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. -М., 2022. -33 с.

152 Романовская С.Ю., Мороз С.П. Защита прав потребителей – Алматы: Кітап, 2019. – 528 с.

153 Kapatsina V., Akimbekova S., Nurtayeva G. Mediation as a way to resolve corporate disputes // Revista Brasileira de Estudos Políticos | Belo Horizonte. – V. 127. – 2023/ - P. 567-588.

154 Типовой Закон о международной коммерческой согласительной процедуре (Model Law On International Commercial Conciliation – UNICINTRAL) (принят ЮНСИТРАЛ 24 июня 2002 г.) / https://www.uncitral.org/pdf/english/texts/arbitration/ml-conc/03-90953_Ebook.pdf

155 Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 401-IV «О медиации» [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=1000955 (по состоянию на 22.01.2025 г.).

156 Резолюция «Отправление правосудия в Организации Объединенных Наций» (A/RES/61/261), принятая Генеральной Ассамблеей 4 апреля 2007 года. [Электрон. ресурс] // URL: https://undocs.org/ru/A/RES/61/261

157 Рекомендация № R (81) 7 Комитета министров государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию (Принята Комитетом министров Совета Европы 14 мая 1981 года) / https://www.coe.int/t/dcr/summit/20050517_plan_action_ru.asp

158 Рекомендация № R (99) 19 Комитета министров государствам – членам Совета Европы, посвященная медиации в уголовных делах (Принята Комитетом министров Совета Европы 15 сентября 1999 г.) / https://rm.coe.int/e-compendium-in-azeri/16806ab9ac

159 Закон Республики Казахстан от 28 января 2011 года № 402-IV «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам медиации»// https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30927293#sub_id=881

160 Анализ состояния медиации в Республике Казахстан по отдельным аспектам на современном этапе по результатам социологического опроса на основе online опросников в Google-форме за 2021 г. // https://up.qair.kz/cisc/wp-content/uploads/2021/02/analiz-sostoyaniya-mediaczi-po-oprosnikam.pdf

161 Жамансариева А. О ходе реализации пилотного проекта «Примирительные процедуры в судах» // https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39342894&utm_source=chatgpt.com&pos=5;-107#pos=5;-107

162 Формы № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2022-2025 гг. [Электрон. ресурс] // URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics Дата обращения 02.02.2026.

163 Медиаторы в Казахстане. [Электрон. ресурс] // URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/legal_relations/mediator_rk Дата обращения 07.10.2025.

164 Итоговый аналитический отчет в рамках реализации социального государственного проекта на тему: «Применение института медиации для разрешения социальных вопросов и сохранения стабильности и согласия в обществе». - Нур-Султан, 2021 г. – С. 17. 61 с. / https://up.qair.kz/cisc/wp-content/uploads/2021/02/itogovyj-analiticheskij-otchet.pdf?utm_source=chatgpt.com

165 Мицкая Е.В. Медиация в уголовном процессе Республики Казахстан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – Т.18. – Вып.3. - 2018. – С. 103-121.

166 Закон Республики Казахстан от 5 мая 2000 г. № 47-II О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам борьбы с преступностью [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/ (по состоянию на 17.09.2025 г.).

167 Закон Республики Казахстан от 9 декабря 2004 г. № 10-III «О внесении изменений и дополнений в Уголовный, Уголовно-процессуальный, Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан и Кодекс

Республики Казахстан об административных правонарушениях по вопросам упрощения процедур расследования уголовных дел, декриминализации некоторых составов преступлений и совершенствования законодательства об административных правонарушениях» //Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2004. - № 23. – Ст. 139.

168 Закон РК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам дальнейшей гуманизации уголовного законодательства и усиления гарантий законности в уголовном процессе» № 393-IV от 18 января 2011 г. // Казахстанская правда от 25 января 2011 г.

169 Закон Республики Казахстан от 3 июля 2017 года № 84-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования правоохранительной системы» // Ведомости Парламента РК. – 2017. - № 14 (2735). - Ст. 50 (вышло из печати 08.08.2017 г.).

170 Закон Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и деятельности правоохранительных и специальных государственных органов» // Казахстанская правда. - 2018. - 20 июля. - № 136 (28765).

171 Закон Республики Казахстан от 27 декабря 2019 года № 292-VI «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам совершенствования уголовного, уголовно-процессуального законодательства и усиления защиты прав личности». [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=39975530&sub_id=32&pos=598;-54#pos=598;-54 (по состоянию на 01.01.2023 г.).

172 Журсимбаев С.К., Кемали Е.С. Вопросы диспозитивности в уголовном судопроизводстве // News of the National Academy of sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of social and human sciences. - Volume 3. -Number 331 (2020). – P. 94 – 100.

173 Бычков А.В. Уголовно-правовые и криминологические аспекты декриминализации побоев // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. - 2017. - № 4. – С. 17-21.

174 Рахметов С.М. Проблемы совершенствования законодательства Республики Казахстан по противодействию семейно-бытовому насилию // Вестник Института законодательства и правовой информации РК. - 2020. - №5 (63) – С. 127-134.

175 Мельник Р.С., Галицкий Ф.А. Побои: проблемы нормативного основания юридической ответственности [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37247746&pos=5;-107#pos=5;-107 Дата обращения 20.09.2025.

176 Алипанова Г.А. Особенности производства по делам об уголовных проступках и гуманизация уголовного закона. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.zakon.kz Дата обращения 20.09.2025.

177 Статью о бытовом насилии из Уголовного предлагают перенести в Административный кодекс РК [Электрон. ресурс] // URL: https://www.zakon.kz Дата обращения 20.09.2025.

178 Сабанин С.Н., Крюков К.Г. Декриминализация побоев: сравнительным анализ законодательства Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки //Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. - № 2(36). – С. 160 – 166.

179 Безручко Е.В. К вопросу об установлении уголовной ответственности за нанесение побоев // Юристъ – Правоведъ. – 2017. - № 1 (80). – С. 36 – 40.

180 Досье на проект Закона Республики Казахстан «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам обеспечения прав женщин и безопасности детей» (апрель 2024 года). [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36594930&pos=3;-107#pos=3;-107 Дата обращения 17.07.2024.

181 Потетинов В.А., Лебедева А.В. Ответственность за нанесение семейных побоев в российском и зарубежном законодательстве: историко-правовой и сравнительный анализ // Вестник Белгородского юридического института МВД России. – 2018. - № 2. – С. 30-35.

182 Козубенко Ю.В. Уголовное преследование: вопросы теории и практики: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2004. -23 с.

183 Хатуаева В.В. Процессуальные особенности возбуждения уголовных дел частного обвинения// Российский следователь. - 2005. - № 1. - С. 11-14.

184 Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 года № 480-V «О правовых актах». [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37312788 (по состоянию на 31.08.2025 г.).

185 Сулейменова Г.Ж. Роль и значение нормативных постановлений Верховного суда РК [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/ Дата обращения 05.09.2024.

186 Основы государства и права: учеб. пособие / Отв. ред. Г.С. Сапаргалиев. - 2-е изд., перераб. - Алматы: Жеті жарғы, 1999. - 320 с.

187 Жеребятьев И.В. Личность потерпевшего в современном уголовном судопроизводстве России: Монография. - Оренбург: РИК ГОУ ОГУ, 2004. - 220 с.

188 Баев М.О., Баев О.Я. Тактика уголовного преследования и профессиональной защиты от него. Прокурорская тактика. Адвокатская тактика: Научно-практическое пособие. - М., 2005. – 320 с.

189 Юрченко В.Е. Гарантии прав потерпевшего в судебном разбирательстве: Дисс...канд. юр. наук. - Томск, 1977. – 193 с.

190 Дорошков В.В. Руководство для мировых судей. Дела частного обвинения. - М., 2001. – 256 с.

191 Отчеты № 1-М «О зарегистрированных уголовных правонарушениях» за 2023 - 2025 г.г. [Электрон. ресурс] // URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics Дата обращения 05.09.2024.

192 Формы № 2-Ж «Отчет о рассмотрении судами жалоб по делам частного обвинения» за 2023 - 2025 г.г. [Электрон. ресурс] // URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics Дата обращения 02.02.2026.

193 Козубенко Ю.В. Частное преследование как межотраслевой компонент в уголовном (материальном и процессуальном) праве: некоторые проблемы // Уголовное право: прошлое, настоящее, будущее: Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти М.И. Ковалева. - Екатеринбург, 2004. – С. 84-89.

194 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 11 мая 2007 года № 4 «О некоторых вопросах квалификации преступлений, связанных с изнасилованием и иными насильственными действиями сексуального характера» [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz/Document/ (по состоянию на 11.12.2020 г.).

195 Агыбаева Л.А. Преступления по делам частного обвинения по новому уголовно-процессуальному кодексу РК [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz Дата обращения 03.10.2025.

196 Послание Президента Республики Казахстан. Казахстан в новой реальности: время действий: 01 сентября 2020 г. [Электрон. ресурс] // URL: https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-181130 Дата обращения: 03.02.2026.

197 Обобщение судебной практики рассмотрения судами области уголовных дел частного обвинения за 2019 г. [Электрон. ресурс] // URL: http://sud.gov.kz Дата обращения 03.10.2025.

198 Анализ практики разрешения вопроса о принятии жалоб частного обвинения судами первой инстанции // Бюллетень Верховного Суда Республики Казахстан. – 2017. - № 6. – С. 56-81.

199 Жалоба на действия судьи от 18 августа 2020 г. //Архив суда № 2 Медеуского района г. Алматы.

200 Журсимбаев С.К. Конфиденциально и профессионально [Электрон. ресурс] // URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=31157772 (по состоянию на 18.04.2012 г.).

201 Журсимбаев С.К. Кому не по нраву сыщики частные? [Электрон. ресурс] // URL: https://prg.kz/Document/?doc_id=31609773 (по состоянию на 03.10.2014 г.).

202 Журсимбаев С.К., Кемали Е.С. О важности принятия закона в отношении частных детективов //Eurasian Scientific Journal of Law. – 2024. - № 1 (6)). – С. 36-43.

203 Мухамадиева Г.Н., Алимкулов Е.Т., Арын А.А. Private detective work as a guarantee of the realization of individual rights and freedoms in criminal proceedings // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2022. - № 3. - С. 84-92.

204 Әлімқұлов Е.Т., Мұхамадиева Г.Н., Жәнібеков А.К., Шарипова А.Б., Арын А.А. Problems of ensuring the rights of the suspect during the pre-trial investigation // Вестник КазНУ. Серия юридическая. - 2023. - № 2 (106). - С. 113-121.

205 Закон Республики Казахстан «О присоединении Республики Казахстан к Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания» от 29 июня 1998 года N 247 [Электрон. ресурс] // URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000247_#z1 Дата обращения 15.03.2024.

206 Нормативное постановление Конституционного Суда Республики Казахстан от 14 июля 2023 года № 23-НП «О рассмотрении на соответствие Конституции Республики Казахстан части второй статьи 127 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан от 4 июля 2014 года». [Электрон. ресурс] // URL: https://prg.kz/document/?doc_id=32099643&utm_source=chatgpt.com&pos=42;86 Дата обращения 02.02.2026.

207 Нормативное постановление Верховного Суда РК от 24 апреля 1992 года № 2 «О практике применения законодательства, регламентирующего права и обязанности лиц, потерпевших от уголовных правонарушений». [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz (по состоянию на 11.12.2020 г.).

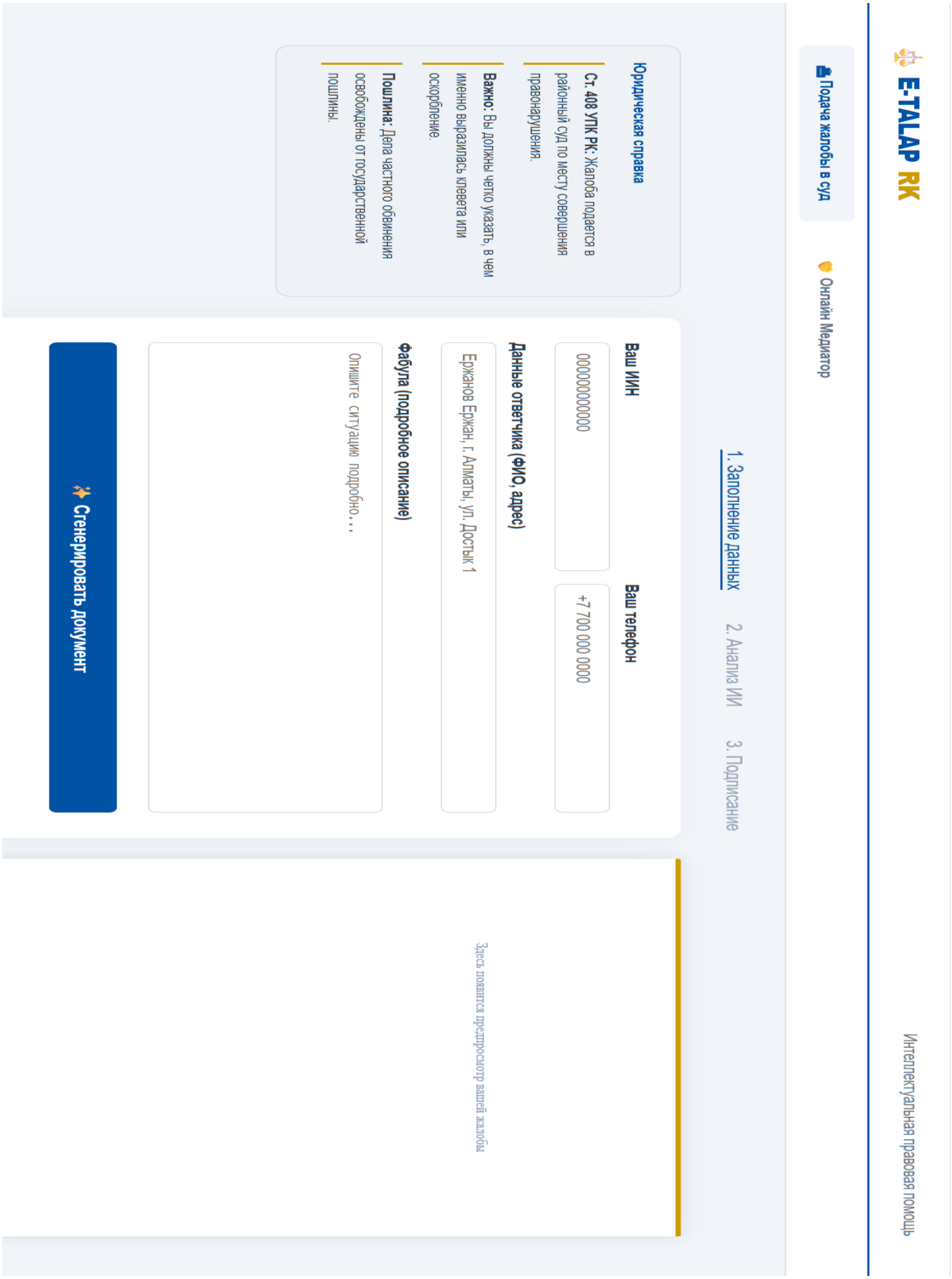
208 Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 20 июня 2005 года № 1 «О рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе». [Электрон. ресурс] // URL: https://online.zakon.kz (по состоянию на 11.12.2020 г.).

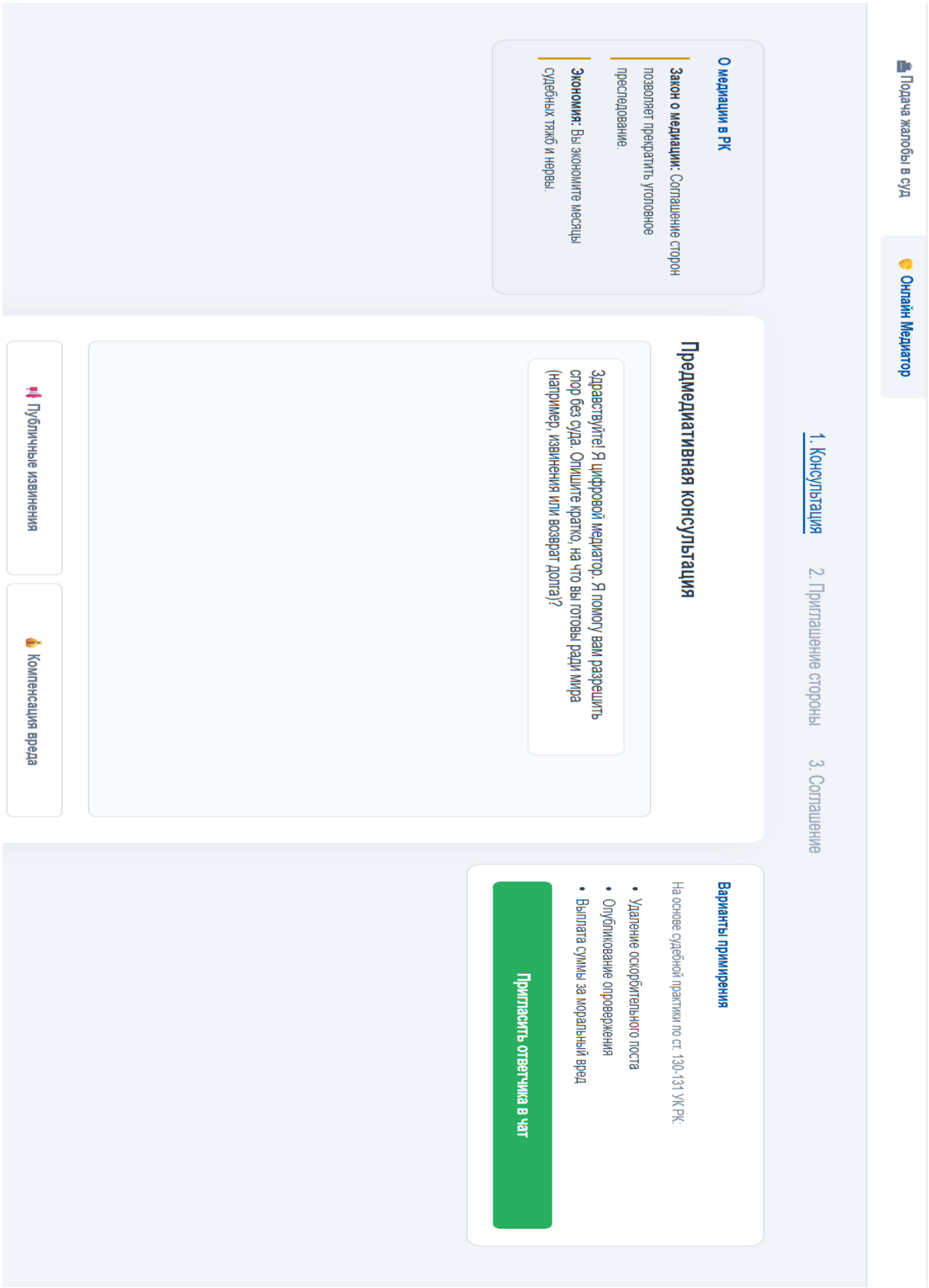
209 Greek E., Akimbekova S., Nurtayeva G., Samarxodjayev B., Consideration of private prosecution cases in the courts of first instance according to international standards of procedural law: Problems and prospects for inclusive justice // Social and Legal Studios. -Volume 8. -No. 1. -2025. - P. 105-118.

210 Форма № 6 К «Отчет о работе суда кассационной инстанции по рассмотрению уголовных дел» за 2025 г. [Электрон. ресурс] // URL: https://qamqor.gov.kz/crimestat/statistics Дата обращения 02.02.2026.

Приложение А

Специализированный информационный сервис по делам частного обвинения (на примере цифровой платформы «E-TALAP RK»)



Приложение Б

Специализированный информационный сервис по делам частного обвинения (на примере цифровой платформы «E-TALAP RK») (вкладка онлайн медиатор)